

Министерство образования и науки Российской Федерации

Федеральное агентство по образованию

Владимирский государственный университет

М.Т. АНДРЮШЕНКО

ОЧЕРКИ ПО ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

В ДВУХ ЧАСТЯХ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Владимир 2005

УДК 165.2 + 165.3

ББК 87.22

А66

Рецензенты:

Доктор философских наук, профессор

Владимирского государственного педагогического университета

В.Н. Константинов

Кандидат философских наук, доцент

Владимирского областного института усовершенствования учителей

Т.Х. Дебердеева

Печатается по решению редакционно-издательского совета

Владимирского государственного университета

Андрюшенко, М.Т. Очерки по теории познания: в 2 ч. Ч. 2 /
А66 М.Т. Андрюшенко; Владим. гос. ун-т. – Владимир: Ред.-издат. комплекс ВлГУ, 2005. – 160 с. – ISBN 5-89368-557-1.

Работа посвящена малоисследованным сторонам познания. Предмет рассмотрения составляют в ней предпознание, познаваемость, познанность. На основе выявления их особенностей исследуются нецеленаправленное познание и художественное познание. Выдвигается ряд новых положений. Они касаются места предпознания в отражении, предпосылок познаваемости, критериев познанности, выражений нецеленаправленности в направлениях познания, а также субъекта, объекта, процесса и результата художественного познания. Полученные результаты позволяют уточнить представления соответствующих сторон исследования и внутрисубъектного информационного обмена и продвинуться в решении некоторых практических задач в том числе таких, которые относятся к обучению и учебе.

Предназначена для научных работников, преподавателей, студентов, всех, интересующихся теоретическими и практическими вопросами познания.

УДК 165.2 + 165.3

ББК 87.22

ISBN 5-89368-557-1

© Андрюшенко М.Т., 2005

© Владимирский государственный
университет, 2005

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа представляет собой вторую часть "Очерков по теории познания". Она продолжает первую часть, изданную в 2001 г. Поэтому вводные замечания к первой части относятся и к ней. Но поскольку каждая часть обладает своей определенностью, и во второй части, кроме того, познание берется в несколько ином отношении, постольку здесь необходимо дополнительно отметить следующее.

Объект проводимого исследования включает предпознание, познаваемость, познанность, а также целенаправленное познание и художественное познание. Они тесно связаны со всем, чему посвящена первая часть. Поэтому обращение к ним столь же актуально, как обращение к общественной, отражательной, деятельной и процессуальной выраженностям познания, т.е. ко всему, что составило объект исследования первой части. Именно единство тех и других, взятое в соответствующем отношении, позволяет более или менее конкретно представить ряд важнейших особенностей образного отражения как целого.

Однако дело не только в этом. Все перечисленное обладает и собственной значимостью. В системе познания оно занимает неповторимое место и играет неповторимую роль. Так, предпознание и познаваемость фиксируют то, от чего зависит его непосредственная возможность. Познанность – то, что сообщает ему законченность. Нецеленаправленное познание и художественное познание – то, без чего рассматриваемый процесс утратил бы свое качество как вида отражения и вида деятельности. Поэтому их исследование приобретает дополнительную актуальность, выходящую за пределы актуальности исследования того, что подверглось ему в первой части.

Внимание, традиционно уделяемое им в гносеологии, невозможно считать удовлетворительным. Они либо не замечаются – по крайней мере, в том виде, в каком того заслуживают. Либо – квалифицируются как частные проявления чего-то более общего – такие, которые обладают простотой и не требуют разностороннего отражения. Тем временем относящиеся к ним вопросы не только продолжают сохраняться, но и приобретают все большую остроту. Этим сдерживается исследование ряда сторон как собственно познания, так и других процессов, которые с ним связаны.

Методология настоящего исследования выступает в единстве дискрепитивной и нормативной выраженностей. Под воздействием особенностей объекта из первой наибольшему использованию подлежит то, что имеет отношение к теоретическому уровню. Из второй – используются все регу-

лятивны, однако на переднем плане оказывается содержание регулятивов среднего уровня¹. Именно их во многих случаях соблюдают недостаточно, чем в значительной мере и вызывают отмеченные выше негативные последствия.

Среди действий, определяемых методологией, значительное место занимает подход к исследуемым феноменам не только в так называемом традиционном отношении, которое более или менее устоялось и считается привычным, но и в отношении нетрадиционном. Последнее наряду с прочим предполагает включение объекта в более общие системы. Именно там и может быть обнаружено то, что ранее не обнаруживалось.

Нетрадиционный подход к объекту исследования накладывает отпечатки на содержание работы. Основными компонентами, составляющими объект, выступают предпознание, познаваемость, познанность. Но выявление их особенностей помимо обращения к нецеленаправленному познанию, художественному познанию и всему, связанному с ними, в достаточной мере невозможно. Причина в том, что именно через них в ряде случаев эти особенности и проявляются.

Отсюда в определенной мере вытекает очередность обращения к конкретным феноменам. Принципиально она строится так, чтобы выявление особенностей каждого предыдущего позволило обратиться к выявлению особенностей каждого последующего. Но в отдельных случаях следование принципу невозможно. Тогда ради достижения цели от него на время приходится отступать. Правда, такое отступление носит ограниченный характер и в конечном счете компенсируется.

Может возникнуть вопрос: почему не все очерки соразмерны, в частности, первый и пятый по объему уступают другим, а четвертый – превосходит другие? – Ответ таков. Предпознание и познанность, насколько известно, в гносеологии до сих пор специально никем не исследовались. Поэтому обращение к ним в значительной мере ограничивается постановкой проблемы. Близким образом обстоит дело и с познаваемостью. Но более или менее значительный объем посвященного ей очерка определяется необходимостью выявления соответствующих сторон собственно субъекта и объекта. Что касается художественного познания, то, с одной стороны, оно изобилует "белыми пятнами", сдерживающими исследование многих познавательных феноменов. С другой – именно на основе принятой мето-

¹ См.: *Штофф В.А.* Проблемы методологии научного познания. – М., 1978; Ленинская теория отражения как методология научного познания / Под ред. В.С. Степина. – Минск, 1985.

дологии создается возможность сделать, по крайней мере, некоторые шаги к их "стиранию". Но последнее в каждом случае требует обоснования.

Поскольку настоящая работа представляет собой вторую часть "Очерков..." и в определенном отношении образует одно целое с их первой частью, но вместе с тем выход в свет обеих частей разделен четырьмя годами, постольку это не может не сказаться на связи между ними. Так, иногда во второй части невозможно обойтись без ссылок на первую часть и повторения некоторых ее положений. Последние же в новом контексте оборачиваются новой стороной, демонстрируя соответствующие особенности того, что в них содержится.

"Очерки..." посвящены познанию. Но познание конкретно. Оно выступает, в частности, как индивидуальное и как общественное. Между ними есть совпадение и расхождение. Если та или иная из устанавливаемых особенностей познания оказывается общей, то оговорок о ее принадлежности не делается. Если связана с чем-то одним, то это оговаривается.

Цель второй части "Очерков..." та же, что и цель первой, а именно: продвинуться в преодолении неполноты и разрозненности представлений, касающихся ряда сторон познания. Средства, используемые для достижения цели, указаны выше. Это соответствующие методологические установки и регулятивы. Под их воздействием в число теоретических источников, на которых основывается вторая часть, входят и некоторые положения первой части.

ОЧЕРК ПЕРВЫЙ ПРЕДПОЗНАНИЕ

1. Основные особенности предпознания

Известно, что познание есть приобретение субъектом новой для него информации¹ об объекте. Однако из качественной определенности познания как процесса, развертывающегося между тем и другим, вытекает и нечто дополнительное, к чему достаточное внимание специалистов пока не привлечено. Речь идет о том, что субъект и объект должны быть подготовлены к познанию. Иначе оно либо окажется невозможным, либо приведет к неадекватным результатам. Для субъекта такая подготовленность выражается в наличии способности познать объект. Для объекта – в состоянии, благоприятствующем его познанию субъектом. То и другое характеризуется определенной выраженностью и достигается в некотором предварительном процессе. Последний не является собственно познанием, ибо субъект – пока еще будущий – не приобретает в нем информацию об объекте – также еще будущем. Но он составляет необходимое условие познания. Познание вытекает из него и определяется им. По отношению к познанию ему присуще качество предпознания.

Поскольку познание характеризуется сложностью, многообразием, противоречивостью, связями с другими видами деятельности и т.д., постольку готовность к нему со стороны субъекта и объекта нередко ассоциируется с предпосылками, отражающими эти особенности. К ним обычно относят план, если таковой имеется, материальные средства, навыки, умение, методологию, методику. Хотя такие предпосылки для познания и необходимы, однако – как видно из факта его неотделимости от переработки объекта в образ (образы) – являются вторичными. Взятые сами по себе, они недостаточны, чтобы служить показателем готовности к нему субъекта и объекта. Нужны еще дополнительные феномены, на основе которых их можно использовать. Обнаружение именно таких феноменов, свидетельствующих о том, что будущий субъект и будущий объект – т.е. пока еще предсубъект и предобъект – к познанию готовы, и, следовательно, предпознание, как процесс их подготовки, завершено, оказывается

¹ Здесь и далее под информацией имеются в виду сведения в качестве совокупности образов. Понятия, обозначающие оба феномена, рассматриваются как тождественные друг другу.

возможным прежде всего в свете единства между человеческими потребностями, целью, средствами, условиями и действиями, направленными на реализацию цели¹. Это единство показывает следующее.

Одним из искомых феноменов выступает **вопрос**. Он возникает у будущего субъекта и касается того, что представляет собой будущий объект. В нем находит выражение потребность первого в познании второго, равно как и способность к такому познанию. Вопрос может быть информационным либо проблемным (проблемой). Ответ на первый содержится в имеющихся у общества сведениях, к которым будущему субъекту и следует за ним обратиться. Ответ на второй в этих сведениях отсутствует. Будущий субъект должен приобрести его самостоятельно, сформировав для этого необходимое приращение к имеющимся у общества сведениям².

Сложившись до начала познания, вопрос продолжает затем сохраняться на всем протяжении этого процесса, превращаясь из феномена предпознавательного в собственно познавательный. Снимается он лишь по мере приобретения ответа. Его роль, по крайней мере, двояка. С одной стороны, и в предпознании, и в познании его содержание ориентирует предсубъекта (субъекта) на предобъект (объект). С другой – детерминирует все, относящееся к познавательным действиям, которые ведет субъект. Сейчас речь о нем идет только в пределах предпознания.

Другим феноменом является тесно связанное с вопросом **познавательное отношение**, которое складывается между будущим субъектом и будущим объектом. Оно соединяет их и подводит друг к другу. При этом соединение и подведение в зависимости от того, чем выступает будущий объект – неодушевленным предметом, живым существом на дочеловеческом уровне, человеком³ – может быть прямым, косвенным, непосредственным, опосредованным и т.д. Однако в любом случае первый становится в познавательное отношение ко второму, когда второй либо его образ оказывается в пределах внимания первого. Второй становится в познавательное отношение к первому, когда сам либо через свой образ попадает в эти пределы и оказывается в состоянии, благоприятствующем тому, чтобы стать познаваемым⁴.

¹ См.: Андрюшенко М.Т. Очерки по теории познания. Ч.1. – Владимир, 2001. – С. 55 – 58; Трубников Н.Н. О категориях "цель", "средство", "результат". – М., 1968. – С. 54 – 61.

² См.: Берков В.Ф. Вопрос как форма мысли. – Минск, 1972. – С. 57 – 63.

³ Речь об объекте здесь идет только применительно к познавательному отношению. Применительно к познаваемости объект рассматривается более подробно.

⁴ См.: Андрюшенко М.Т. Указ. соч. – С. 8.

Появление у будущего субъекта вопроса и складывание между ним и будущим объектом познавательного отношения свидетельствуют о следующем. С одной стороны, будущий субъект нацелен на будущий объект. С другой – будущий объект представлен будущему субъекту в том виде, какой необходим для его познания. И нацеленность, и представленность имеют при этом такое выражение, какое требуется для указанного процесса.

Если у будущего субъекта появился вопрос, то это означает и, по крайней мере, частичное его пребывание в познавательном отношении с будущим объектом. Причина в том, что свое внимание на последнем он концентрирует именно на основе вопроса. Степень полноты такой концентрации зависит от степени точности, сообщаемой вопросу – точности, касающейся как будущего объекта, так и того, что, находясь вне его, придает ему качественную определенность. Речь идет прежде всего о связях и пространственно-временных параметрах. Правда, возможности, относящиеся к такому уточнению, в различных случаях различны. Они зависят не только от будущего субъекта, но подчас и от будущего объекта. Здесь важно, является ли он, как отмечено, неодушевленным предметом, живым существом на дочеловеческом уровне или человеком.

В первом случае будущий объект, так сказать, безразличен к познавательному отношению и к своему последующему познанию будущим субъектом. Поэтому его вхождение в пределы внимания будущего субъекта зависит только от действий последнего – действий, направленных главным образом на выбор соотношения в пространстве и времени.

Во втором случае – на основе своего отношения к условиям и к будущему субъекту, а также на основе уровня своих отражательных способностей будущий объект может либо содействовать, либо препятствовать такому уточнению. Поэтому его вхождение в пределы внимания будущего субъекта способно детерминироваться и им самим. Общая детерминация такого вхождения поступает, по крайней мере, от двух факторов. Одним из них также является требующаяся расположенность объекта в пространстве и времени. Другим – нахождение его в таких условиях, чтобы он мог констатировать комфортность своего состояния либо на худой конец отсутствие дискомфорта.

В третьем случае такое вхождение всегда зависит от обоих. При этом в основе зависимости лежит и требующаяся расположенность объекта в пространстве и времени, и пребывание в условиях, обеспечивающих констатацию комфортности либо отсутствие дискомфорта, и – что на основе отмеченного становится решающим – соотношение интересов. Если интересы совпадают, то будущий объект содействует уточнению будущим

субъектом содержания вопроса со всеми вытекающими отсюда следствиями. Если расходятся – препятствует этому.

Вследствие отмеченного не исключена ситуация, когда вопрос у будущего субъекта возник, а познавательное отношение в достаточном виде не сложилось. Это способно привести к деформированию вопроса и приобретению им иной формулировки в сравнении с первоначальной.

Вместе с тем не исключена ситуация, когда познавательное отношение складывается помимо вопроса. Более подробно речь об этом идет ниже. Сейчас, исходя из сказанного, подчеркнем некоторые ее принципиальные особенности. Они таковы. Будущий объект как бы становится (или ставится) в пределы внимания будущего субъекта помимо воли последнего. По отношению к цели, которую преследует будущий субъект, его пребывание там оказывается случайным и обладает слабым основанием. Он может в любой момент выпасть оттуда. Это, в свою очередь, способно влиять на процесс и результат собственно познания, придавая им неполноту и ограниченность.

Единство между вопросом, познавательным отношением и структурой человеческой деятельности показывает следующее. И вопрос, и познавательное отношение формируются в определенном процессе, протекающем на основе взаимодействия, объективных условий и субъективного фактора. Для будущего субъекта объективным условием является противоречие между его потребностями (познавательными, преобразовательными и т.д.) и недостатком сведений, необходимых для их удовлетворения. Объективным условием, имеющим отношение к будущему объекту-человеку, выступает противоречие между его стремлением к изменению своего статуса (экономического, социального, политического и т.д.) и невозможностью реализовать его помимо действий – в том числе познавательных – будущего субъекта.

Что касается субъективного фактора, то применительно к будущему субъекту он выступает в качестве способности сформулировать вопрос и сосредоточить внимание на будущем объекте. Такая способность определяется в первую очередь осознанием своей потребности в познании будущего объекта; представлением особенностей последнего (чем тот является); наличием средств его постановки в пределы своего внимания. Применительно к будущему объекту-человеку он выражает способность оказаться в пределах внимания будущего субъекта. Последняя зависит прежде всего от осознания собственной потребности изменить свой статус; представления особенностей будущего субъекта; наличия средств воздействия

на него¹. Переплетение объективных условий и субъективного фактора обеспечивает через соответствующие действия протекание предпознания.

Поскольку будущий субъект и будущий объект-человек занимают в предпознании четко определенные положения, постольку и действиям, совершаемым каждым из них в этом процессе, присуща четкая определенность. Так, формирование у будущего субъекта вопроса и постановка в пределы своего внимания будущего объекта предполагают, во-первых, сопоставление своих потребностей (познавательных, преобразовательных и т.д.) с особенностями будущего объекта (выступает ли он, как сказано, неодушевленным предметом, живым существом на дочеловеческом уровне, человеком; в последнем случае – как соотносятся его интересы с собственными интересами и потребностями) – на предмет выявления необходимости его познания. Во-вторых, сопоставление имеющихся средств познания с особенностями будущего объекта (в отмеченном виде) – на предмет выявления своей способности к его познанию. В-третьих, сопоставление своих возможностей поставить будущий объект в пределы внимания с особенностями будущего объекта (также в отмеченном виде) – на предмет выявления своей способности войти с ним в познавательное отношение.

Вхождение будущего объекта-человека в пределы внимания будущего субъекта также складывается из его собственных действий. Важнейшими из них являются следующие. Во-первых, сопоставление собственной потребности изменить свой статус с особенностями будущего субъекта – на предмет установления возможности быть познанным им. Во-вторых, сопоставление имеющихся средств воздействия на будущего субъекта с особенностями последнего – на предмет установления возможности своего содействий такому познанию.

При этом в различных случаях и с обеих сторон отмеченные действия могут иметь различные варианты, зависящие от их количественных и качественных показателей, характера потребностей, средств, условий, особенностей будущего субъекта и будущего объекта и т.д. В вариантах отражается последовательность отмеченных действий и их количественная выраженность (какая часть чего сопоставляется с какой частью чего).

¹ Объективные условия и субъективный фактор, имеющие отношение к неодушевленным предметам, по понятным причинам исключаются, вследствие чего речь о них и не может идти. Объективные условия и субъективный фактор, связанные с живыми существами на дочеловеческом уровне в виде, свойственном человеку, по столь же понятным причинам также исключаются. Что до их модификации применительно к животным, прежде всего высшим, то она составляет особый предмет обсуждения, который выходит за рамки того, что в данном случае рассматривается.

Полученные результаты способны быть для будущего субъекта и будущего объекта-человека положительными либо отрицательными. Если для обоих они положительны, то вопрос и познавательное отношение сформировались. Если, напротив, для того и другого они отрицательны, то появление вопроса и складывание познавательного отношения исключаются. Если для будущего субъекта результат оказывается положительным, а для будущего объекта-человека отрицательным, то первый ставится перед необходимостью определенного воздействия на второго. Если для будущего субъекта результат оказывается отрицательным, а для будущего объекта-человека положительным, то перед необходимостью определенного воздействия на первого ставится теперь второй.

Единство всего отмеченного показывает следующее. Во-первых, хотя предпознание и подчинено следующему за ним познанию, тем не менее в своем протекании не сводится только к познавательным действиям. Помимо них оно включает действия ценностно-ориентационные и преобразовательные. Последние выступают здесь в так называемом "практически-духовном" виде¹. При этом различным действиям присуще такое соотношение, которое открывает возможность познания субъектом объекта.

Во-вторых, в предпознании складывается одно из проявлений единства познания – как процесса, вытекающего из него и направленного на объект, – и непознавательных видов деятельности, а именно ценностно-ориентационного и преобразовательного. Другие проявления этого единства складываются за его пределами².

В-третьих, само предпознание включает некоторые моменты познания субъектом объекта. Но они направлены не на собственно будущий объект, а на будущий объект в его связях с другими явлениями, в том числе с будущим субъектом. Мысленное выделение будущего объекта из этих связей совершается уже в собственно познании.

Если на основе сформировавшихся вопроса и познавательного отношения как феноменов, свидетельствующих о завершении предпознания, начинается затем собственно познание, то будущий субъект и будущий объект изменяют свой статус. Они перестают быть предсубъектом и предобъектом. Первый становится собственно субъектом. Второй – собственно объектом.

Однако из факта зависимости познания, как такового, от различных определителей, связанных с различными сферами бытия, вытекает, что завершение предпознания автоматически не влечет его за собой. Между тем

¹ См.: *Каган М.С.* Человеческая деятельность. – М., 1974. – С. 56.

² См.: *Андрюшенко М.Т.* Указ. соч. – С. 135 – 141.

и другим возможен временной интервал, продолжительность которого детерминируется взаимодействием всей совокупности условий существования будущего субъекта и будущего объекта. Это не может не сказаться на результатах предпознания, в том числе на их качестве, необходимом затем для собственно познания. Не исключено, что последнее по определенным, внешним для него причинам, окажется невозможным. Тогда возникший вопрос способен утратить для будущего субъекта свою остроту, а познавательное отношение вследствие этого – разладится. Во избежание отмеченного будущему субъекту и будущему объекту-человеку необходимо стремиться не только к тому, чтобы вслед за предпознанием осуществлялось познание, но и к тому, чтобы временной интервал между тем и другим был по возможности короче. С другой стороны, отмеченное выше не исключено и тогда, когда вслед за завершением предпознания начинается собственно познание. Его могут вызвать воздействия, направленные на оба процесса со стороны условий, в которых те протекают. Задача, встающая в этом случае перед будущим субъектом (субъектом) и будущим объектом (объектом)-человеком, связана с нейтрализацией этих воздействий. Последняя требует наличия собственных объективных условий, субъективного фактора и всего, что вытекает из их единства. Однако поскольку она носит к процессу и результатам предпознания частный характер, постольку здесь дело ограничивается ее упоминанием.

Если за предпознанием следует собственно познание, и оба процесса не испытывают деформирующих воздействий извне, то между ними устанавливается определенная связь. Особенности последней обнаруживаются на основе соотнесения особенностей предпознания с особенностями конкретных направлений познания, а именно: исследования и внутрисубъектного информационного обмена.

2. Предпознание и исследование

В качестве одного из направлений познания исследование характеризуется многообразием. Ниже речь идет лишь о тех его сторонах, на основе которых обнаруживается отношение между предпознанием и им.

Более всего исследование тяготеет к научному познанию. Однако оно имеет связи и с другими типами познания: обыденным, практическим, художественным, хотя применительно к ним и проявляется иначе. Тем не менее отрицать наличие таких связей некорректно. Поэтому в данном слу-

чае речь идет о релевантных моментах, в более или менее одинаковой степени присущих исследованию в целом.

Необходимость исследования диктуется проблемным вопросом (проблемой), который сообщает ему определенные особенности. Во-первых, связь между субъектом и объектом является в нем прямой. Субъект воздействует на объект прежде всего как на строго установленное явление, а не как элемент некоторой системы, включающей множество элементов. При этом он стремится отграничиться от связей, сложившихся между объектом и другими явлениями. Однако поскольку объект все же связан с ними, постольку реально исследовательские воздействия субъекта распространяются и на них. Это значит, что хотя в исследовании преобладает целенаправленность, тем не менее оно несвободно и от отдельных проявлений нецеленаправленности, о чем подробно речь идет ниже. Во-вторых, исследование характеризуется четкой перспективностью: субъект заранее представляет, чего хочет добиться в этом процессе. На основе своего представления он намечает определенные действия и выбирает отвечающие им средства. Их единство и позволяет субъекту двигаться в направлении получения ответа на проблемный вопрос.

Исследование имеет два уровня: эмпирический и теоретический¹. На эмпирическом уровне оно складывается из нескольких этапов. Каждый в зависимости от поставленной цели опирается либо на наблюдение, либо на эксперимент, либо на то и другое вместе. Первый этап касается воздействия субъекта на объект – воздействия, сообщаящего объекту такое состояние, которое способствует установлению искомым субъектом особенностей. Второй этап охватывает фиксацию субъектом изменений в объекте, обусловленных его воздействием. Третий – связан с анализом зафиксированных изменений и с выявлением их отношения к проблемному вопросу. Полученные таким образом сведения в определенной мере служат ответом на проблемный вопрос. Но они отражают объект поверхностно. Более глубокое отражение объекта достигается на теоретическом уровне исследования. Последний непосредственно касается уже не самого объекта, а сведений о нем, полученных на эмпирическом уровне. На них и направляются теоретические методы. Применение последних позволяет установить закон, управляющий объектом, либо, по крайней мере, приблизиться

¹ Поскольку исследование связано, как отмечалось, со всеми типами познания, постольку более корректно было бы говорить о его низшем и высшем уровнях. Но это требует специального обоснования, выходящего за пределы предмета обсуждения. Поэтому здесь речь идет о том, что традиционно устоялось.

к такому установлению. Тем самым полученный ранее ответ дополняется и конкретизируется. Его содержание отражает теперь не поверхностные, а глубинные, существенные особенности объекта.

Субъектом исследования может быть как индивид, так и группа. Субъект-группа не сводится к конгломерату отдельных индивидов, где каждый в отрыве от других занимается своим делом. Он характеризуется едиными целью, интересом, волей и т.д. Чтобы все это приобрело действительное единство, элементы субъекта должны вырабатывать и координировать его. То и другое оказывается возможным через постоянное коммуникативное взаимодействие между ними.

Выраженность субъекта накладывает отпечатки на характер исследования. В зависимости от нее исследование выступает либо как индивидуальное, либо как коллективное. В последнем между членами коллектива — элементами субъекта, помимо отмеченного, складывается разделение труда. Оно состоит в том, что каждый элемент занимается исследованием определенной части объекта. Затем полученные результаты сводятся ими совместно через внутрисубъектный информационный обмен. При этом разделение труда многообразно. Оно может складываться либо между эмпириками (экспериментаторами), либо между теоретиками, либо между эмпириками, с одной стороны, и теоретиками, с другой. В его основе лежат различия в квалификации и специализации исследователей.

Объектом исследования способны быть любые явления, вплетающиеся в человеческое существование. Это — и неодушевленные предметы, и живые существа на дочеловеческом уровне, и люди. Все они могут исследоваться как в отдельности, так и в системах через связи с другими элементами последних. Причем, чем к более высокой форме движения относится исследуемое явление, тем при прочих равных условиях, большим количеством связей оно обладает¹.

Соотнося особенности предпознания с особенностями исследования, обнаруживаем следующее. В общем предпознание и исследование находятся в неразрывном единстве. С одной стороны, исследование основывается на результатах предпознания. Тем самым предпознание не только делает исследование возможным, но и обуславливает его качественную определенность. С другой стороны, на основе взаимосвязи между исследова-

¹ См.: Андрюшенко М.Т. Указ. соч. — С. 24 — 33; Он же. Познание и освоение. — Владимир, 1998. — С. 85 — 99; Герасимов И.Г. Научное исследование. — М., 1971. — С. 83 — 126; Он же. Структура научного исследования. — М., 1985. — С. 77 — 135; Диалектика познания / Под ред. А.С. Кармина. — Л., 1988. — С. 231 — 49.

тельским воздействием субъекта на объект используемыми для этого средствами и получаемыми результатами могут корректироваться и результаты предпознания. Речь идет о содержании вопроса и направленности познавательного отношения.

В частности же из этого единства возможны исключения. Они обусловливаются особенностями как субъекта, так и объекта.

К особенностям субъекта, обусловливающим исключения, относится его коллективный характер, делающий коллективным также и исследование, и вытекающее отсюда разделение труда между членами коллектива исследователей. Если оно пролегает между теоретиками, с одной стороны, и эмпириками (экспериментаторами), с другой, и если проблемный вопрос появился у теоретиков, а эмпирики оказались включенными в процесс поиска ответа соответственно цели, намеченной теоретиками, то возможна следующая ситуация. На основе соотношения содержаний решаемых задач и различий в специализации и квалификации эмпириков у отдельных из них проблемный вопрос может не возникнуть. Тем не менее, реализуя цель и получая соответственно ей определенные сведения об объекте, они оказываются втянутыми в процесс его исследования. Что касается познавательного отношения, то в некоторой степени оно между группой эмпириков, не имеющих вопроса, и объектом присутствует. Причина в том, что первые получают определенные сведения о втором. Однако поскольку такое получение не связано с вопросом, постольку пределы познавательного отношения оказываются здесь более ограниченными, чем в случае наличия связи. Более ограниченными оказываются для эмпириков и возможности исследования, вытекающие из специфики познавательного отношения к объекту. Границы таких возможностей составляют положения заранее намеченной программы коллективного исследования, которые целиком детерминируют их действия.

Близким образом обстоит дело и тогда, когда разделение труда затрагивает лишь эмпириков. Если при этом проблемный вопрос появился только у одной их группы, а другая ведет работу по намеченной программе, то здесь возможна ситуация, похожая на отмеченную. В частности, на той же основе у некоторых представителей второй группы эмпириков проблемный вопрос может не возникнуть. Тем не менее, воздействуя на объект и получая сведения о нем, она участвует в его исследовании. Это, в свою очередь, отражается на познавательном отношении, которое вследствие отсутствия проблемного вопроса выступает в суженных пределах. Отмеченное более вероятно на втором этапе эмпирического уровня исследования и менее – на первом и третьем этапах.

Особенности объекта, которые обуславливают рассматриваемые исключения, касаются возможности наличия у него множества конкретных связей с другими явлениями. В этом случае, подвергая на обоих уровнях исследовательскому воздействию объект, субъект – в пределах получения сведений об объекте – может получить сведения и о тех явлениях, с которыми тот связан. Однако проблемного вопроса применительно к последним у него не складывается. Поскольку же субъект получает сведения о явлениях, связанных с объектом, постольку они им в пределах исследования объекта также познаются. Отсюда вытекает, что, во-первых, пределы собственно объекта для субъекта расширяются. В них так или иначе попадают и явления, связанные с собственно объектом, но непосредственно не относящиеся к нему. Правда, подход к ним в познании оказывается иным, нежели к собственно объекту, о чем ниже речь идет специально. Во-вторых, между субъектом и явлениями, связанными с собственно объектом, существует познавательное отношение. Но из-за отсутствия проблемного вопроса последнему присущи и отмеченные выше особенности. Это накладывает соответствующие отпечатки и на процесс познания, в том числе процесс исследования таких явлений – отпечатки, которые также отмечены выше.

Такие исключения наиболее вероятны применительно к исследованию элементов общества. Там даже укоренились соответствующие выражения-стереотипы. Например: "Неожиданно обнаружилось...", "Неожиданно всплыло..." и т.д. Наименьшей вероятностью они обладают применительно к исследованию явлений неживой природы.

Своеобразие рассмотренных исключений состоит в следующем. С одной стороны, они охватывают не все случаи исследования, а только некоторые. С другой – те случаи, которые связаны с ними, протекают в ограниченной сфере отражения субъектом объекта. Что касается исследований, протекающих во всем многообразии такого отражения, то они основываются на обоих результатах предпознания. Поэтому рассмотренные исключения относительны и не могут абсолютизироваться. Тем не менее забывать о них некорректно, ибо они обладают не только реальным существованием, но и способностью определенного воздействия на исследование. Речь, в частности, идет о порождении ими тенденций к снижению целенаправленности этого процесса. Правда, такие тенденции могут компенсироваться. Одной из предпосылок их компенсации является то же самое, что их порождает, а именно разделение труда в субъекте-коллективе. В данном случае решающей оказывается создающаяся на его основе возможность контроля действий одних членов коллектива другими его члена-

ми. Но для этого им необходимо, по крайней мере, знать и о самих исключениях, и о противоречивом характере последних.

3. Предпознание и внутрисубъектный информационный обмен

Внутрисубъектный информационный обмен столь же многообразен, как и исследование, ибо подобно ему, имеет отношение к различным типам познания: научному, обыденному, практическому, художественному. Каждый тип накладывает на него соответствующие отпечатки. Здесь, как и применительно к исследованию, речь идет о наиболее общих его свойствах, присущих ему независимо от того, к какому типу познания он относится.

Внутрисубъектный информационный обмен связан с коллективным познанием, в том числе с коллективным исследованием. Именно он сообщает коллективному познанию качественную определенность. Его необходимость обуславливается информационным вопросом, касающимся объекта и возникающим у одного из членов субъекта-коллектива – того, которому в процессе коммуникации предстоит стать реципиентом. Причина в том, что ответ на вопрос формально принадлежит всему субъекту-коллективу. Как член последнего им формально располагает и будущий реципиент. Фактически же вследствие разделения труда, существующего в коллективе, этим ответом владеют лишь отдельные его члены. Чтобы ответ – также фактически – оказался доступен и будущему реципиенту, последнему необходимо адресовать свой вопрос тому, кому этот ответ известен, т.е. другому члену субъекта-коллектива, которому в процессе коммуникации предстоит стать коммуникатором. В итоге связь, устанавливаемая у будущего реципиента с объектом, оказывается не только косвенной, но и опосредованной. Она опосредуется коммуникатором, представляющим объект.

Опосредованность, которую вносит в связь между объектом и субъектом-реципиентом коммуникатор, порождает иногда определенные следствия. Одним из них является своеобразие сведений об объекте – сведений, передаваемых коммуникатором реципиенту. Строго говоря, эти сведения не являются сведениями об объекте как таковом. Они выступают сведениями либо о том, как коммуникатор представляет себе объект. Либо – о том, как он относится к объекту. Либо – о том, какое представление об объекте стремится создать у реципиента.

Другим следствием оказывается своеобразие целенаправленности внутрисубъектного информационного обмена. Хотя благодаря информационному вопросу реципиент четко представляет, чего желает добиться, тем не менее реализация его желания зависит не только от него, но и от коммуникатора. Однако интересы обоих коммуникантов могут соотноситься по-разному. Они способны либо совпадать, либо расходиться. Первый случай создает основание к тому, чтобы коммуникатор способствовал реализации цели реципиента. Второй – основание к тому, чтобы коммуникатор препятствовал ей. Тем самым менее выраженной оказывается здесь и проявляемая реципиентом активность. По крайней мере, в отдельных случаях она деформируется коммуникатором.

Своеобразие целенаправленности внутрисубъектного информационного обмена сказывается на характере коммуникации, через которую реципиент получает сведения. В частности, по отношению к реципиенту она может быть необходимой, т.е. позволяющей ему полностью или частично получить ответ на свой вопрос, и случайной, при которой реципиент получает такие сведения, в которых потребности не испытывает. По отношению же к обоим коммуникантам – протекающей либо в интересах коммуникатора, либо – в интересах реципиента, либо в интересах того и другого.

Хотя объектом по отношению к субъекту-реципиенту в принципе выступает явление, о котором у него возник информационный вопрос, тем не менее объект может быть определенным образом дополнен. Если коммуникатор не хочет или не может давать сведений, удовлетворяющих реципиента, то последнему необходимо оказать на него определенное воздействие, побуждающее к этому. Условием достижений поставленной в нем цели является знание особенностей коммуникатора – знание, достигаемое в процессе более ранних познавательных действий. Отсюда следует, что объектом для субъекта реципиента в определенной мере способен оказаться и коммуникатор.

Подобно субъекту исследования, субъектом внутрисубъектного информационного обмена может быть индивид либо коллектив. Последний также не сводится к конгломерату отдельных индивидов. У него единые интеллект, цель, воля и т.д., которые вырабатываются и координируются через коммуникацию, развертывающуюся между элементами субъекта-реципиента. Тем самым в пределах внутрисубъектного информационного обмена коммуникация может развертываться, по крайней мере, дважды: один раз – между субъектом-реципиентом и коммуникатором, другой – между элементами коллективного субъекта-реципиента, если таковой имеет место. В первом случае ее границы являются более широкими. Во втором – более узкими.

Как и характер исследования, характер внутрисубъектного информационного обмена зависит от выраженности субъекта. В соответствии с последней внутрисубъектный информационный обмен может быть индивидуальным либо коллективным. В последнем между элементами субъекта-реципиента складывается разделение труда, протекающее на той же основе, что и в исследовании. Отличие составляет здесь то, что связано с соотношением эмпирического и теоретического уровней, ибо внутрисубъектный информационный обмен на них не подразделяется¹.

Соотнося особенности предпознания с особенностями внутрисубъектного информационного обмена, видим следующее. В общем между тем и другим существует тесное единство. С одной стороны, подобно исследованию, внутрисубъектный информационный обмен предполагает результаты предпознания. Последние обеспечивают его направленность и придают ему стабильность. Тем самым он приобретает и закрепляет свою качественную определенность. С другой стороны, также подобно исследованию на основе взаимосвязи между познавательным воздействием субъекта-реципиента на объект применяемыми им для этого средствами, полученными результатами и т.д. результаты предпознания, т.е. вопрос и познавательное отношение, тоже могут здесь корректироваться. Однако поскольку объект (в том числе будущий) представлен субъекту-реципиенту (в том числе будущему) через коммуникатора, постольку это единство складывается иначе, чем применительно к исследованию. В частности, для уточнения вопроса с целью достижения достаточной сформированности познавательного отношения будущему субъекту-реципиенту необходимо непосредственно воздействовать на коммуникатора – при условии, разумеется, что оба находятся в едином временном интервале. А уже через него, т.е. опосредовано, это воздействие приходит к будущему объекту. Точно так же и будущему объекту-человеку, чтобы содействовать своему вхождению в пределы внимания будущего субъекта-реципиента, необходимо непосредственно воздействовать на коммуникатора. По отношению же к будущему субъекту-реципиенту такое воздействие с его стороны оказывается опосредованным.

В процессе внутрисубъектного информационного обмена вопрос и познавательное отношение могут изменяться. Если коммуникатор дает истинные сведения об объекте, то изменение связано с приближением

¹ См.: *Андреева Г.М.* Психология социального познания. – М., 1997. – С. 37 – 44; *Андрюшенко М.Т.* Очерки по теории познания. Ч. 1. – С. 21 – 24; *Он же.* Познание и освоение. – С. 37 – 42.

к их истинности. Если от него идут ложные сведения об объекте, то и изменение результатов предпознания связано с приближением к ложности. Если при этом то и другое оказываются известными субъекту-реципиенту, то он ставится перед необходимостью определенных действий. Применительно к первому случаю действия должны быть направлены на то, чтобы помочь коммуникатору, что опять-таки возможно, если оба коммуниканта находятся в одном и том же временном интервале. Применительно ко второму – на то, чтобы предохранить результаты своего предпознания от изменений. Направленность этих действий определяется соответствующими регулятивами методики воздействия реципиента на коммуникатора¹.

Если объектом выступает не только явление, о котором у субъекта-реципиента возник вопрос, но и коммуникатор, то предпознание распространяется и на него. Соответственно этому субъект-реципиент формулирует вопрос, относящийся к коммуникатору. На основе вопроса между субъектом-реципиентом и коммуникатором складывается познавательное отношение. Тем самым и предпознание, и его результаты в данном случае удваиваются. Это ведет к двоякости познания. Последняя, однако, носит предельно конкретный характер. Применительно к объекту-явлению она проявляется через внутрисубъектный информационный обмен. Применительно к коммуникатору – через исследование.

В частности же, из этого единства также возможны исключения. Подобно тому, что имеет место в исследовании, они обуславливаются особенностями субъекта-реципиента и объекта. К обуславливающим особенностям субъекта-реципиента относятся в данном случае коллективный характер последнего и вытекающее отсюда разделение труда между его элементами. В таком разделении информационный вопрос может возникнуть только у части субъекта-реципиента. Другая его часть, оказавшись включенной во внутрисубъектный информационный обмен на основе разделения труда и запланированной программы действий, может получать сведения об объекте, т.е. участвовать в его познании, помимо возникновения у ее членов вопроса. Но факт ее участия в этом процессе свидетельствует, что, несмотря на отсутствие вопроса, познавательное отношение между ней и объектом существует. Правда, подобно тому, что затрагивает и исследование, оно выражается здесь более слабо. Соответственно, более ограниченными оказываются для этой части коллективного субъекта и возможности познания объекта, точнее, тех его частей, с которыми связаны отдельные члены коллектива.

¹ См.: Андрюшенко М.Т. Познание и освоение. – С. 125 – 132.

К особенностям объекта, обуславливающим исключение из указанного единства, как и применительно к исследованию, относится наличие у него множества связей с другими явлениями – множества, более характерного для людей и менее – для неодушевленных предметов. Поэтому, подвергая познавательному воздействию объект – через коммуникатора – субъект-реципиент на его основе может получить и определенные сведения об этих явлениях, т.е. познать их. Правда, вследствие особенностей коммуникации получаемые сведения зачастую оказываются неявными. Для сообщения им явности со стороны субъекта-реципиента необходимы дополнительные мыслительные действия. Однако в данном случае важно то, что они поступают в информационный запас последнего помимо вопроса, относящегося к объекту. Что касается познавательного отношения, складывающегося между субъектом-реципиентом и отмеченными явлениями, то его также не приходится отрицать. Тем не менее, сложившись помимо вопроса, оно оказывается несвободным от того, что уже упоминалось. Речь идет о его слабой выраженности и вытекающей отсюда ограниченной возможности познания.

Наряду с тем, что имеет место в исследовании, частности обуславливаются и особенностями коммуникации, а именно нахождением между субъектом-реципиентом и объектом коммуникатора. Вследствие этого, с одной стороны, коммуникатор способен адресовать субъекту-реципиенту определенные сведения помимо возникновения у того вопроса и складывания познавательного отношения, т.е. помимо предпознания и его результатов. В зависимости от соотношения между собой интересов коммуникантов такое адресование может либо соответствовать интересам субъекта-реципиента, что имеет, например, распространение в учебном процессе. Либо – расходиться с ними. При их соответствии обоим коммуникантам необходимо следовать в коммуникации определенным регулятивам, способствующим тому, чтобы у субъекта-реципиента появился вопрос, с помощью которого он вошел бы затем в познавательное отношение с объектом. При их расхождении следовать определенным регулятивам – на этот раз иным – необходимо только субъекту-реципиенту, чтобы нейтрализовать действия коммуникатора. Естественно, что такое следование возможно лишь при условии известности субъекту-реципиенту о факте расхождения его интересов с интересами коммуникатора. Обе группы регулятивов образуют соответствующие части методики освоения субъектом поступающих к нему сведений об объекте¹.

¹ См.: Андрюшенко М.Т. Познание и освоение. – С. 127 – 130.

С другой стороны, субъект-реципиент помимо сведений, которые касаются возникшего у него вопроса, получает в более или менее явном виде, по крайней мере, следующие дополнительные сведения. Во-первых, сведение о том, как коммуникатор представляет себе объект. Во-вторых, о том, как коммуникатор относится к объекту. В-третьих, о том, какое представление об объекте коммуникатор стремится создать у него – субъекта-реципиента. Они могут быть приняты в существующем виде либо потребовать того, чтобы субъект-реципиент дополнительно провел определенные мыслительные действия. Однако факт получения им таких сведений говорит о том, что он оказывается в познавательном отношении с упомянутыми феноменами, а именно: с представлением коммуникатором объекта; с отношением коммуникатора к объекту; с представлением об объекте, которое коммуникатор стремится создать у него, субъекта-реципиента. Но подобно тому, что отмечено выше, познавательное отношение из-за отсутствия вопроса имеет здесь более слабую выраженность чем там, где вопрос присутствует. Это, в свою очередь, воздействует на характер познания субъектом-реципиентом указанных феноменов, ограничивая его пределы и адекватность.

О Ч Е Р К В Т О Р О Й

НЕЦЕЛЕНАПРАВЛЕННОЕ ПОЗНАНИЕ

1. Нецеленаправленность познания: общие показатели

Предпознание через вопрос и познавательное отношение сообщает познанию целенаправленность. Последняя выражается в том, что субъекту (сначала предсубъекту) заранее известна необходимость познания конкретного явления и необходимость осуществления с этой целью набора соответствующих действий. На основе известности он эти действия и осуществляет. Но, как отмечено, познание, по крайней мере непосредственно, может и не вытекать из предпознания. Тогда целенаправленность в том виде, каком свойственна ему при наличии осознанных вопроса и познавательного отношения, отсутствует.

Сменяющая ее нецеленаправленность неоднородна. Ситуация, где субъект совершенно неожиданно и помимо каких-либо заранее намеченных действий что-либо обнаруживает, не исключена вследствие бесконечности мира и ограниченности возможностей его отражения в пределах каждого конкретного временного интервала. Тем не менее не исключены и ситуации иного рода.

Как известно, окружающим человека связям присущи не только многочисленность сама по себе, но и охват самых различных, в том числе весьма несходных, явлений. Существуют связи – пространственные, временные, причинные и т.д. – между объектом, условиями, средствами, процессом и результатом целенаправленного познания, с одной стороны, и объектом нецеленаправленного познания, с другой. Существуют также аналогичные связи между непознавательными видами деятельности, протекающими целенаправленно либо нецеленаправленно, и познанием, и – как их следствие – соответствующие связи между объектами, условиями, средствами, процессом и результатом первых и объектом вторых. Существуют, наконец, складывающиеся под воздействием многих факторов, неодинаковые возможности осознания таких связей различными людьми.

На этой основе обнаруживаются особенности ситуаций, где нецеленаправленность познания выражается иначе. Ею, в частности, затрагивается там только непосредственное поступление сведений об объекте в информационный запас субъекта, т.е. конечный этап познания. Другим этапам в такой же мере это не присуще. Применительно к ним оно либо отсутствует, либо переплетается с целенаправленностью. Правда, каждая склады-

вается в своей системе отношений, вследствие чего их переплетение не всегда может получить адекватное осознание. Но последнее выходит за пределы объективной выраженности нецеленаправленности познания и предполагает к себе специальное обращение, выходящее за рамки решаемой задачи.

Сопоставляя между собой два выражения нецеленаправленности познания, видим, что второе обладает большей частотой и большей четкостью пределов распространения. Отсюда вытекает необходимость дальнейшего обращения именно к нему.

Известно, что познание обусловлено соответствующими потребностями субъекта. Но такую обусловленность традиционно и безоговорочно относят к целенаправленному познанию. Применительно к познанию нецеленаправленному вопрос о ней остается открытым. Он касается того, обусловлено ли нецеленаправленное познание потребностью своего субъекта или вся его обусловленность ограничивается связью между своим объектом и соответствующими феноменами целенаправленного познания. Ответ обнаруживается на основе отношения между нецеленаправленным познанием, целенаправленным познанием и неотделимостью друг от друга всех видов деятельности. Эта основа показывает следующее.

Нецеленаправленное познание может обуславливаться потребностями своего субъекта, но может протекать и помимо них. Тогда обуславливающие его потребности либо совпадают с потребностями, обуславливающими целенаправленное познание, либо оказываются другими. В первом случае сведения приобретаются субъектом вследствие прямой связи объекта нецеленаправленного познания с объектом, условиями, средствами, процессом и результатам целенаправленного познания, равно как прямой связи с тем или иным видом непознавательной деятельности. По отношению к общей массе потребностей и действий субъекта они являются необходимыми. Через них нецеленаправленное познание выступает в первую очередь как продолжение и дополнение познания целенаправленного.

Во втором случае дело обстоит иначе. Приобретение сведений здесь отчасти также вытекает из связи познания с другими видами деятельности. Но в большей мере за таким приобретением стоит изменение условий и средств, происходящее в процессе целенаправленного познания. Сами же приобретаемые сведения являются по отношению к отмеченным феноменам случайными. К тому, что субъекту известно об объекте, они ничего не добавляют. Поэтому нецеленаправленное познание, хотя формально и складывается здесь в пределах познания целенаправленного, тем не менее, сложившись, фактически протекают в отрыве от него.

Если нецеленаправленное познание потребностями субъекта непосредственно не детерминируется, то приобретение сведений тоже частично идет за счет связи с другими видами деятельности. Но наряду с этим и в большей мере оно протекает на основе опосредованной и косвенной связи своего объекта с объектом, условиями, средствами, процессом и результатом целенаправленного познания. Получаемые при этом сведения в отмеченном отношении также случайны. К тому, что субъекту известно об объекте целенаправленного познания, они также ничего не добавляют.

Обобщение всего отмеченного позволяет обнаружить конкретные выражения нецеленаправленного познания. Из результатов этого процесса следует, что наиболее распространенными выражениями такого рода выступают, по крайней мере, следующие.

1. Нецеленаправленное познание как дополнение к целенаправленному познанию, когда последнее не испытывает препятствий, протекает в соответствии с тем, как планировалось, но под воздействием определенных причин, непосредственно не зависящих от субъекта, расширяет свою направленность. Тем самым, приобретая сведения об одном явлении (объекте целенаправленного познания), которого такое приобретение по замыслу субъекта должно касаться и касается, субъект приобретает также сведения о другом явлении – том, которого это приобретение первоначально не касалось. Складывающаяся в данном случае ситуация может быть охарактеризована для субъекта так: "Стремился приобрести сведения об одном, а приобрел наряду с ним сведения еще и о другом".

2. Нецеленаправленное познание как следствие отклонения целенаправленного познания от первоначально намеченного направления. Тем самым в его сферу попадает совершенно иное явление (объект), нежели то, на которое оно направлялось ранее. В итоге субъект приобретает сведения о таком явлении (объекте нецеленаправленного познания), на которое его внимание первоначально (в целенаправленном познании) не ориентировалось. Ситуация, складывающаяся здесь для субъекта, может быть охарактеризована так: "Стремился приобрести сведения об одном, а приобрел сведения о совершенно другом".

3. Нецеленаправленное познание как следствие отклонения от познания целенаправленного из-за деструктивных процессов. Последние затрагивают главным образом связь между познавательными действиями и эмоциональным состоянием – связь, которая создает определенный барьер для познания некоторых явлений. Если она разрушается или утрачивает первоначальное качество, то барьер снижается или вовсе исчезает. Тем самым познавательные действия субъекта направляются на явление, сведе-

ние о котором отрицательно влияет на его эмоциональное состояние. В итоге субъект познает то, что познавать во имя сохранения благоприятного эмоционального состояния не стремился. Ситуация, которая складывается для него при этом, имеет такое выражение: "Избегал приобретения приобретенного сведения, но, тем не менее, приобрел его".

4. Нецеленаправленное познание как дополнительная, побочная сторона непознавательной деятельности. Последняя может быть преобразовательной, ориентационной, оценивающей и т.д. Но независимо от вида, она чаще всего выступает как продуктивная. Именно ее продуктивность и позволяет субъекту обнаружить в объекте то, что до этого оставалось необнаруженным. Правда, нецеленаправленное познание не исключено и в пределах репродуктивной непознавательной деятельности, если там появляются элементы продуктивности. А это чаще всего имеет место при разладе некоторого установившегося и ставшего для субъекта привычным процесса. Тогда субъект вынужден вести поиск причины разлада и путей его преодоления. Результатом поиска, его дополнительной, побочной стороной, и оказывается констатация в объекте неизвестных ранее особенностей. При этом субъект непознавательной деятельности и субъект нецеленаправленного познания оказываются соединенными в одном лице. Складывающаяся здесь ситуация имеет следующее словесное выражение: "Занимался непознавательной деятельностью и в ее процессе приобрел сведения, которое приобретать не стремился".

5. Нецеленаправленное познание как феномен, внешне для субъекта ни с чем не связанный и ничем не обусловленный. Субъект приобретает сведения, находясь в некотором пространстве, времени и состоянии. Последнее может быть физическим, интеллектуальным, эмоциональным и т.д. Приобретение сведения заранее не планируется, ибо оно, по крайней мере, до начала этого процесса не обладает для субъекта необходимостью. Словесная формулировка сложившейся ситуации здесь такова: "Ни к чему не стремился, а сведения приобрел". Одним из проявлений отмеченного может быть сон.

В каждом из этих выражений вопрос и познавательное отношение как результаты предпознания имеют свои особенности. В первом они направляют собственно целенаправленное познание и вследствие этого сохраняются на всем его протяжении. Вместе с тем именно на их основе начинается и затем некоторое время продолжается нецеленаправленное познание, представляющее собой одно из производных познания целенаправленного, ибо, по крайней мере, на начальном этапе обуславливается им. Во втором они также появляются как предпосылки целенаправленного познания. Од-

нако по мере прекращения последнего сходят на нет. Далее нецеленаправленное познание протекает помимо них. В третьем – отсутствуют с самого начала. Познание никак на них не опирается. Его основой служит обнаружившаяся связь между определенными явлениями и объектом. Обнаружение же связи происходит по мере разрушения барьера. В четвертом – вопрос отсутствует. Познавательное отношение складывается как сторона соответствующего вида деятельности, которую субъект направляет на объект. В пятом – и вопрос, и познавательное отношение непосредственно отсутствуют. Опосредовано они в ряде случаев имеют место, о чем подробно речь идет ниже.

При этом каждое выражение оказывается возможным в пределах соответствующих типов познания. Как видно из соотношения, складывающегося между теми и другими, для первого такими типами являются научный, практический и обыденный. Для второго – практический и обыденный. Для третьего – практический, обыденный и художественный. Для четвертого – научный, практический, обыденный. Для пятого – научный, практический, обыденный, художественный.

На этой основе обнаруживается связь нецеленаправленности с типами познания. Так, поскольку обыденное познание вплетается в повседневную бытовую деятельность, постольку зачастую оно нецеленаправлено. Но считать его полностью нецеленаправленным было бы ошибочно. Причина в том, что повседневная бытовая деятельность, подобно всякой другой, имеет информационную основу. Пока такая основа достаточна, все идет нормально. Если же ее достаточность утрачивается, то возникает проблема, разрешить которую можно лишь через выведение обыденного познания из повседневной бытовой деятельности и обращение к его собственной качественной определенности. Это и сообщает ему в пределах соответствующего временного интервала, связанного с корректировкой информационной основы, целенаправленный характер¹.

Применительно к практическому познанию нецеленаправленность обнаруживается через выделение в нем соответствующих разновидностей. Речь идет о практическом познании как побочной стороне практики, как планируемой ее стороне и как стороне опережающей. Собственно нецеленаправленность присуща лишь первой разновидности. В других разновидностях она определенным образом сочетается с целенаправленностью. Во второй такое сочетание оказывается в ее пользу. В третьей – в пользу целенаправленности.

¹ См.: Андрюшенко М.Т. Очерки по теории познания. Ч. 1. – С. 40, 41.

Научное познание, будучи самостоятельным видом деятельности, и предполагая профессиональную подготовку своего субъекта, характеризуется явной доминантой целенаправленности. Нецеленаправленность присуща ему лишь в отдельных случаях. Последние имеют место вследствие переплетения некоторых особенностей субъекта, объекта, условий, средств и т.д. Такое переплетение происходит в пределах конкретных направлений, которые не только накладывают на него свои отпечатки, но и детерминируют его существование. Поэтому специально оно рассматривается ниже в связи с выявлением особенностей нецеленаправленности применительно к исследованию и внутрисубъектному информационному обмену.

Нецеленаправленность в художественном познании отчасти близка к тому, что свойственно ей в познании обыденном, хотя и обладает здесь своими особенностями. Дело в том, что данный тип также вплетается в определенное образование. Для художника таким образованием выступает процесс творческой деятельности – при согласованности последнего с установками художественной правды, художественного метода и т.д. В этой связи художник способен порой нецеленаправленно констатировать совершенно неожиданные для себя явления. Типичный пример такого рода содержит признание, сделанное А.С. Пушкиным в письме к П.А. Вяземскому, что Татьяна, выйдя замуж, сыграла с ним неожиданную шутку¹. Для читателя, зрителя, слушателя и т.д. таким образованием служит вхождение в благоприятное эмоциональное состояние, обусловленное потреблением художественного произведения, если, разумеется, он согласен с тем, что и как ему предлагает автор. Тогда им нецеленаправленно, т.е. помимо каких-либо специально запланированных действий постигается то, что лежит в основе поведения героев. Однако здесь есть и нечто неповторимое. Оно обусловлено выходом субъекта за пределы художника и потребителя, а также специфической выраженностью объекта. Подробно о нем речь идет в очерке четвертом.

Сейчас же отметим, что нецеленаправленность не только затрагивает все типы познания, но и придает каждому соответствующие черты. Без нее ни один не был бы тем, чем является. Не принимать этого во внимание – значит не иметь возможности адекватного отражения любого из таких типов, равно как всего, что их объединяет.

Единство отмеченных особенностей нецеленаправленного познания подводит к определенным утверждениям. В частности, его субъект облада-

¹ См.: Громов Е.С. Художественное творчество. – М., 1970. – С. 117.

ет своим качеством настолько, насколько, с одной стороны, является субъектом либо целенаправленного познания, либо – одного из видов непознавательной деятельности. С другой – настолько, насколько оба под воздействием преследуемых в них целей, используемых средств, окружающих условий и т.д. получают друг в друге продолжение, хотя и сохраняют при этом свое качество.

Близким образом обстоит дело и с его объектом. Последний является таковым настолько, насколько связан с объектом, условиями, средствами и т.д. целенаправленного познания либо одного из видов непознавательной деятельности, обуславливающих нецеленаправленный характер познания. Причем связь между ним, с одной стороны, и отмеченными феноменами, с другой, такова, что последние детерминируют его существование, а сами по отношению к нему сохраняют независимость.

Особенности субъекта и объекта нецеленаправленного познания, равно как и особенности его выражений, не могут не отразиться на приобретаемом в нем сведении. Во-первых, такое сведение субъект приобретает помимо осознанного желания, как следствие того, что поступает к нему в целенаправленном познании, либо как следствие того, что совершается им в непознавательных видах деятельности. Во-вторых, оно не обязательно отражает объект полностью. Отражение объекта происходит в нем настолько, насколько тот связан с феноменами, отмеченными выше. Речь идет об объекте, условиях, средствах, процессе и результате целенаправленного познания либо соответствующего вида непознавательной деятельности. В-третьих, ему может быть присущ как личностный, так и надличностный характер. Кроме того, применительно к последнему оно может быть явным и неявным (применительно к первому оно выступает только как явное). Применительно же к обоим им могут затрагиваться так называемые область затрудненного понимания и область незатрудненного понимания¹. В итоге ему, как и сведению, приобретаемому в целенаправленном познании, свойственны относительно широкие пределы распространения. В-четвертых, у него складывается определенное количественно-качественное соотношение со сведением, приобретаемым в целенаправленном познании. В зависимости от выраженностей того и другого этому соотношению могут быть присущи конкретные варианты. Так, сведение, приобретаемое в нецеленаправленном познании, либо (а) дополняет сведение, приобретаемое в познании целенаправленном, вследствие чего то и другое образуют две части общей массы сведений об объекте; либо (б)

¹ См.: Диалектика познания. – С. 136 – 138.

подтверждает сведение, приобретенное в целенаправленном познании, хотя ничего нового к нему и не добавляет; либо (в) не согласуется со сведением, приобретенным в целенаправленном познании, расходясь с его содержанием; либо (г) выступает в качестве единственного сведения об объекте, ибо никаким другим сведением подобного рода субъект не располагает. Подобно другим сведениям, сведение, приобретаемое в нецеленаправленном познании, всегда, так или иначе, соотносится субъектом со своими целью и базисом осмысления, в результате чего осваивается на конкретной ступени. При этом интервал между двумя процессами может обладать различной продолжительностью. Однако в некоторых случаях не исключено, что освоение произойдет сразу. Это вытекает из неотделимости, охватывающей отмеченное количественно-качественное соотношение и определенную согласованность соотносящихся между собой частей. Степень освоенности зависит в данном случае от ступени освоенности сведения, приобретенного в целенаправленном познании, либо в том или ином виде непознавательной деятельности, также совершаемом целенаправленно.

Таким образом, применительно к вариантам (а) и (б) приобретенное в нецеленаправленном познании сведение может быть освоено на той же ступени, что и сведение, приобретенное в познании целенаправленном. Применительно к варианту (в) это происходит на ступени, противоположной той, на которой осваивается сведение, приобретенное в целенаправленном познании¹. Применительно к варианту (г) освоенность – на отмеченной основе – не складывается. После своего приобретения в нецеленаправленном познании сведение может быть освоено на любой ступени, равно как и не приобрести освоенности, будучи признанным не обладающим ценностью и ложным. Но это обуславливается уже соотношением его содержания с целью и базисом осмысления субъекта – соотношением, которое складывается и обнаруживается после завершения познания.

¹ Поскольку освоенность служит одним из выражений субъективной стороны познания, постольку отношение противоположности ступеней зачастую не обладает жесткой однозначностью. Однозначность свойственна обычно отношению крайних ступеней такого рода, одной из которых является очевидность, а другой – непризнание истинности. – См.: *Андрюшенко М.Т., Александрова О.С.* Признание истинности: в чем его предел? // *Философия и общество.* – 2003. – № 2. – С. 43 – 62. – В отношении между так называемыми средними ступенями доминирует многозначность, воплощающаяся в многовариантности. Однако для всестороннего раскрытия то и другое нуждается в специальном рассмотрении, а оно выходит за пределы решаемой здесь задачи. Поэтому сейчас дело ограничивается их упоминанием.

Отсюда вытекает и степень прочности удерживания в информационном запасе субъекта результатов нецеленаправленного познания, которые освоены отмеченным путем. Такая прочность выражает единство длительности сохранения сведения и частоты его использования в качестве информационной основы последующих действий. Отмеченное выше показывает, что при прочих равных условиях наибольшая прочность свойственна тому, что дополняет, а также тому, что подтверждает приобретенное в целенаправленном познании, если оба освоены на ступени очевидности. Наименьшая прочность оказывается присущей тому, что отрицает полученное в целенаправленном познании, а также тому, что никак не согласуется с ним, если оба освоены на ступени непризнания истинности. Между этими крайними точками возможен широкий диапазон степеней прочности. Каждая зависит от того, как конкретный результат нецеленаправленного познания соотносится с соответствующим результатом познания целенаправленного и на каких ступенях оба результата осваиваются субъектом.

Выше отмечалось, что соотношение между нецеленаправленностью и целенаправленностью в полной мере проявляется через конкретные направления познания – исследование и внутрисубъектный информационный обмен, о чем далее и идет речь. Однако некоторые его моменты обнаруживаются уже сейчас. Их констатация способна усилить эффективность и направленность последующих действий.

Соотнося установленные особенности нецеленаправленности с известными особенностями целенаправленности познания, видим следующее. Во-первых, нецеленаправленность может зависеть от целенаправленности. Причем под воздействием специфики того и другого эта зависимость приобретает определенную дифференцированность. Выражением последней служит, в частности, то, что чем у целенаправленного познания более высокая степень целенаправленности (субъектом более конкретно сформулирован вопрос, в результате чего он больше сконцентрировался на объекте и более интенсивно ведет познавательные действия в отношении последнего) тем при прочих равных условиях большую распространенность может получить нецеленаправленное познание. Речь идет, прежде всего, о расширении его объекта, о расширении пределов, в которых объект познается, об изменении в благоприятных направлениях процесса познания – сокращении во времени и расширении в пространстве – о большей четкости и конкретности результата.

Во-вторых, при такой зависимости возможно определенное соотношение между временным интервалом, разделяющим начала целенаправлен-

ного познания и нецеленаправленного познания, с одной стороны, и его отражение в сознании субъекта, с другой. Известно, что нецеленаправленное познание, как следствие целенаправленного познания, начинается позже (не раньше) последнего. Продолжительность временного интервала, лежащего между двумя началами, может изменяться от предельной сжатости до предельной растянутости, разумеется, в рамках бытия познающего. Варианты такой продолжительности зависят от того, как соотносятся между собой субъект, объект, условия и средства целенаправленного познания, а также объекты – целенаправленного и нецеленаправленного познания. Что касается отражения продолжительности временного интервала, то оно также имеет свои детерминанты. Важнейшими из них являются состояние субъекта и его отношение к обоим процессам, их объектам, условиям познания объектов и т.д. Соотношение между двумя группами детерминант сказывается на соотношении порождаемого им следствия. В общем такое отражение может быть адекватным и неадекватным. Если оно неадекватно, то не исключена иллюзия, будто нецеленаправленное познание протекает само по себе, ничем не обуславливаясь.

В-третьих, близкое к этому соотношение возможно и между пространственной связью целенаправленного познания и нецеленаправленного познания, с одной стороны, и ее отражением в сознании субъекта, с другой. Известно, что целенаправленное познание и нецеленаправленное познание могут совершаться и в одном, и в различных пространствах¹. При этом пространственные характеристики обоих детерминируются пространственными характеристиками их субъектов, объектов, условий, средств и т.д. Различение этих характеристик само по себе не вызывает затруднений. У него однозначный результат, ибо всякий процесс протекает в определенном пространстве². Но за этим различием стоит нечто более важное, а именно вывод, касающийся наличия либо отсутствия пространственной связи между процессами. В основе вывода, подобно тому, что касается отражения временного интервала между началом целенаправленного познания и началом нецеленаправленного познания, лежат соответствующие детерминанты – прежде всего состояние субъекта и его отношение к обоим процессам, их объектам, условиям, средствам и т.д. Под воздействием кон-

¹ О критериях единства и различия пространств речь идет ниже.

² Строго говоря, в некоторых случаях тот или иной процесс – не обязательно познавательный – может восприниматься субъектом как протекающий в двух пространствах одновременно. Но такая возможность составляет предмет отдельного рассмотрения. Того, о чем идет речь, она непосредственно не затрагивает.

кретной выраженности этих детерминант и их соотношения с детерминантами пространственных характеристик не исключены два варианта вывода: связь может квалифицироваться как существующая либо как несуществующая, хотя, естественно, применительно к тому, о чем идет речь, корректностью обладает только первый. Если же будет принят второй вариант, то это, подобно тому, что относится к отмеченному выше отражению временного интервала способно – осознанно или неосознанно – породить иллюзию, будто нецеленаправленное познание ничем не вызывается, а совершается само по себе.

Таковы общие показатели нецеленаправленности познания. Что касается ее частных показателей, то они, как сказано, обнаруживаются применительно к конкретным выражениям этого процесса. Ниже в качестве таковых берутся исследование и внутрисубъектный информационный обмен, которые обладают для указаний цели наибольшей репрезентативностью.

2. Нецеленаправленность исследования

Как показывает содержание предыдущего параграфа, взаимосвязь между нецеленаправленностью познания и исследованием неоднозначна. Нецеленаправленность может вплетаться в исследование, становясь его компонентом и имея с ним один и тот же объект. При этом оба – на основе сложившегося отношения между ними – подчинены переводению общего объекта в сведение. Собственно нецеленаправленность выражают здесь конкретные феномены, речь о которых идет ниже.

Вместе с тем нецеленаправленное познание, оставаясь связанным с исследованием, может находиться вне его и быть к нему, по крайней мере, относительно самостоятельным. Здесь у каждого – свой объект. Тем самым каждый на основе сложившегося взаимоотношения с другим подчинен переводению в сведение своего индивидуального объекта.

Одна сторона взаимосвязи исследования и нецеленаправленного познания выражается, как сказано, посредством конкретных феноменов. К ним относится, во-первых, **скрытый эффект функционирования мозга**, основанный на наличии там специального механизма, который наталкивает субъекта на определенный вывод. Такое наталкивание совершается при необходимости сделать выбор из нескольких субъективно равноценных вариантов решения задачи – выбор, который может породить у познающего определенные трудности. Познавательные действия в данном

случае не только специально не планируются, но и не осознаются¹. Поэтому сведение об объекте субъект приобретает помимо каких-либо целенаправленных познавательных действий.

Во-вторых, **обнаружение искомого сведения по аналогии с тем, что есть в действительности**. В психологии творчества это называют перенесением опыта на основе бокового мышления и подсказки из дальней области. Его основой служит противоречие между сложившимся и четко осознаваемым субъектом вопросом, с одной стороны, и столь же четко осознаваемой невозможностью получить ответ с другой. Поэтому появления первого и второй всегда разделены более или менее длительным временным интервалом. Ответ обнаруживается на основе близости того, чего касается вопрос, к тому, что замечается субъектом в сферах, обычно далеких от той, где существует объект вопрошания. Такое обнаружение проходит для субъекта неожиданно и помимо осуществления непосредственно перед этим требующихся познавательных действий. Более всего рассматриваемый вид нецеленаправленности распространен в практическом познании, особенно применительно к объектам, составляющим технические устройства. Подтверждением служат многочисленные факты типа изобретения пилы по аналогии с хребтом костистой рыбы и челюстью змеи; изобретение карбюратора по аналогии с пульверизатором для духов; изобретение велосипедной шины по аналогии с садовым шлангом и т.д. Но, наряду с отмеченным, не исключены случаи такого вида в художественном и других типах познания².

В-третьих, **интуиция**, представляющая собой способ мысленного приобретения субъектом нового сведения об объекте – приобретения, при котором вывод делается из недостаточной соотнесенности посылок. Подобно предыдущему виду нецеленаправленности, она распространена в случаях недостаточного поступления к субъекту новых сведений, когда вопрос сформулирован, а ответ не обнаружен. Движение мысли, зашедшее при этом в логический тупик, перескакивает через несовершенные операции и заканчивается выводом, не вытекающим непосредственно из последнего звена в цепи рассуждений.

Интуиция противостоит детерминированному способу мысленного приобретения сведений. Символически это выражается в следующем. Детерминированный способ: Если А, то В, если В, то С, если С, то Д, если Д, то Х. Интуитивный способ: Если А, то В, если В, то С, если С, то Х.

¹ См.: Лук А.Н. Психология творчества. – М., 1978. – С. 110.

² См.: Лук. А.Н. Психология творчества. – С. 111 – 115.

То, что отображено в Д – а им может быть любое явление, равно как любое сочетание любых явлений – и из чего вытекает Х, во время мыслительной деятельности, протекающей интуитивно, по тем или иным причинам (эмоциональным, личностным и т.д.) оказывается из сознания субъекта исключенным. Но оно удерживается на так называемом подсознательном уровне отражения. Вследствие этого субъект определенным образом не только учитывает его в процессе мыслительных действий, но и переносит на делаемый вывод¹.

Таким образом, интуиция как вид нецеленаправленного познания не столь далека от его предыдущего вида. Оба едины в том, что являются для субъекта неожиданными; основываются на противоречии между сложившимся вопросом и невозможностью получить ответ; связаны с относительно длительным временным интервалом между появлением первого и появлением второго. Едины они и в том, что применительно к обоим ответ обнаруживается на основе близости между содержанием вопроса и феноменом, замечаемым субъектом в сфере, отдаленной от объекта вопрошания. Различие между ними касается того, где и как существует феномен, обладающий некоторой аналогией с объектом вопрошания и способствующий поэтому нахождению ответа. Применительно к обнаружению искомого сведения по аналогии оно имеет место в единых с субъектом пространстве и времени, т.е. здесь и теперь, и субъект в полной мере осознает это. Применительно к интуиции его существование отделено от существования субъекта в отношении либо пространственном, либо временном, либо обоих вместе, и субъект отражает его на подсознательном уровне.

В-четвертых, **воображение** – мыслительная деятельность, состоящая в формировании представлений и мыслительных ситуаций, никогда в целом не воспринимавшихся человеком в действительности². Такое формирование нередко является целенаправленным. Подтверждением тому служат действия не только конструкторов и проектировщиков, но и большинства людей, например, моделирующих в сознании конкретные ситуации будущего либо пытающихся наглядно изобразить себе сцены, описываемые в литературных произведениях, например сцену дуэли в "Евгении Онегине", сцену охоты в "Войне и мире" и т.д. Ниже, естественно, речь идет не о нем. Предмет рассмотрения составляет здесь нецеленаправлен-

¹ См.: Жариков Е.С. Научный поиск. – Киев, 1967. – С. 81 – 82; Ирина В.Р., Новиков А.А. В мире научной интуиции. – М., 1978. – С. 122 – 125; Лук А.Н. Указ. соч. – С. 110 – 112.

² См.: Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. – С. 91.

ное воображение. Наиболее же типичным и частым его проявлением служит **сновидение**, т.е. процесс субъективного формирования образов и их переживания во время естественного сна. Последнее в качестве нецеленаправленного воображения¹ далее и рассматривается.

Как видно из установленных наукой особенностей сновидения², оно, подобно другим видам нецеленаправленного познания, протекает на основе вопроса, который относится к реально существующим явлениям и возникает вследствие противоречия между потребностью в некотором сведении и невозможностью ее удовлетворения. Вместе с тем, также подобно другим видам нецеленаправленного познания, оно не осознается и протекает на подсознательном уровне. Далее – что также относится к другим видам нецеленаправленного познания, но более всего затрагивает сновидение – связь между человеком и многими явлениями в каждый данный момент порождает у него различные вопросы, значение которых градирует соответственно различиям отражаемых там явлений. При этом содержание большинства вопросов имеет для человека определенную эмоциональную выраженность, способную вызвать соответствующее эмоциональное состояние. Наконец, что относится только к сновидению, оно протекает во сне, которому присуще чередование фаз, заторможенная активность мозга, своеобразное сочетание потребностей, памяти и эмоций.

Единство отмеченного показывает следующее. Как и применительно к другим видам нецеленаправленного познания, образы сновидения отличаются неожиданностью, связаны с аналогией и представляют собой ответы на вопросы. Однако все это характеризуется своеобразным переплетением. В результате складывающийся у субъекта образ (образы) хотя и оказывается ответом на один из множества вопросов, но предстает в своеобразном виде. Под воздействием всего отмеченного тот приобретает такие особенности, связь между которыми, с одной стороны, и содержанием ответа, с другой, по крайней мере на первых порах, не замечается. Отсюда и вытекает иногда мистическая трактовка сновидений.

В-пятых, **предчувствие**, обращение к которому требует предварительных замечаний, ибо хотя этот феномен и существует реально, тем не менее

¹ Существует, по крайней мере, еще один вид нецеленаправленного воображения. Это – бред как совокупность представлений и идей, не соответствующих действительности, искажающих ее. Однако поскольку он обусловлен патологическим состоянием человека, постольку обращение к нему выходит за пределы решаемой задачи.

² См.: *Васильев Д.Л.* Таинственные явления человеческой психики. – М., 1963. – С. 9 – 25; *Фрейд З.* О сновидении // *Фрейд З.* Психология бессознательного. – М., 1989. – С. 312 – 336.

изучен недостаточно. Известно, что оно выступает в виде такого приобретения сведений, какое не во всем согласуется с законами чувственного и логического познания, а его субъектами являются взрослые люди (детские предчувствия, подобные тем, о которых речь идет ниже, никем не зафиксированы). Свойственная ему процессуальность человеком не осознается. Большей или меньшей осознанностью обладает лишь приобретенный в нем конечный результат, т.е. собственно сведение, оказавшееся в сознании субъекта. При этом содержание последнего может подтверждаться либо не подтверждаться.

Приобретенное сведение вызывает у субъекта убежденность в вероятности наступления некоторого события (объекта), затрагивающего либо его, либо кого-то из близких ему людей. Событие может быть положительным (успех в действиях, приезд друзей) и отрицательным (ссора, болезнь, смерть) и наступить как в связи с его собственными действиями (иду или буду идти по скользкой дороге и предчувствую, что упаду; воздействую или буду воздействовать на конкретного человека и предчувствую результат и т.д.), так и помимо них. Оно, кроме того, оказывается неотделимым от конкретных условий, в которых находится либо может находиться, как полагает субъект, тот, кого предчувствие затрагивает (война, тюрьма, праздник). Последствия пребывания в этих условиях субъекту известны (на войне гибнут, в тюрьме подвергаются унижениям, на празднике веселятся и т.д.)¹.

Вместе с тем ряд особенностей предчувствия остается невыясненным. Речь, в частности, идет о том, какова связь между развитием промежуточных событий, ведущих к появлению объекта, и предчувствием? Как воздействуют эти события, в том числе объект, на предчувствие? Воздействует ли предчувствие на сложившийся или складывающийся объект?² Как сведение, выражающее предчувствие, приобретает субъектом?

Обобщение известного (естественно, с учетом того, что оно неотделимо от неизвестного, которое, в случае своего раскрытия, может внести туда коррективы) позволяет с относительной вероятностью утверждать, по крайней мере, следующее. Хотя предчувствие реально, тем не менее

¹ См.: *Васильев Л.Л.* Указ. соч. – С. 70 – 78; *Он же.* Внушение на расстоянии. – М., 1962. – С. 21 – 28, 50 – 54, 72 – 76, 112 – 120.

² Применительно к предчувствию, касающемуся субъекта и затрагивающему его собственные действия, не исключено следующее. Его предмет (приобретенное сведение) вплетается в информационную основу действий субъекта, чем усиливает положительный или отрицательный характер их результата. Но это лишь частный случай.

пределы его распространения ограничены. Оно относится лишь к обыденному познанию, где выступает одним из выражений нецеленаправленности. Соответственно своим особенностям предчувствие обладает тем, что, так или иначе, свойственно другим видам нецеленаправленного познания, вплетающимся в исследование.

Как и они, предчувствие протекает на основе вопроса. Но применительно к нему вопрос либо не осознается, либо осознается не полностью. Суть вопроса касается того, произойдет ли событие, способное отразиться на субъекте либо на другом лице положительно или отрицательно. За ним стоит противоречие между потребностью в наличии либо в отсутствии такого отражения, с одной стороны, и невозможностью ее удовлетворить, с другой.

В поиск ответа здесь вплетается аналогия. Но ее предмет существует не в реальной действительности, а в прошлом опыте субъекта и связан с условиями, в которых находится либо он сам, либо близкое ему лицо, и в которых может сложиться объект. Содержание предмета аналогии вследствие эмоционального состояния субъекта здесь также либо не осознается, либо осознается не полностью.

Отмеченные особенности обуславливают неожиданность для субъекта приобретаемого сведения. Сведение оказывается неожиданным вследствие противоречия между своей осознанностью, с одной стороны, и неосознанностью либо недостаточной осознанностью своего приобретения, с другой. Результатом становится то, что его содержание не вытекает из последнего звена в цепи делаемых субъектом умозаключений, появляясь как бы из логического пробела. Все это сближает предчувствие с интуицией, хотя и не делает их тождественными друг другу. Последнее связано с тем, что предчувствие, имея личностную направленность, характеризуется очень сильным эмоциональным проявлением – таким, которого нет у интуиции.

Таковы некоторые положения, относящиеся к предчувствию и вытекающие из того, что о нем известно. Возможно, что учет остающегося пока неизвестным (в случае приобретения им известности) способен внести туда коррективы. Но в силу содержания неизвестного и его соотношения с известным это вряд ли принципиально опровергнет то, что в целом свойственно предчувствию как виду нецеленаправленного познания.

Обобщая сказанное, видим следующее. Вплетение нецеленаправленности в исследование характеризуется широким распространением. При этом оно имеет четкую направленность: через него исследование получает стимулы, необходимые для дальнейшего протекания. Ему может быть свойственна большая или меньшая органичность – иногда такая, что исследователь не замечает его. Но в любом случае оно не только не предохраняет

исследователя от заблуждения, но иногда даже способствует последнему. Естественно, что за отмеченным стоят тенденции, в большей мере свойственные познанию в целом, нежели феноменам, которые выражают нецеленаправленность исследования как его направления. Те связаны с ним постольку, поскольку оказываются в определенных случаях неотделимыми от данного процесса.

При второй стороне взаимосвязи исследования с нецеленаправленностью последняя выражается иначе. Она представляет собой неожиданное и незапланированное переведение своего объекта в сведение. Его основу составляют уже отмеченные связи – пространственные, временные, причинные – между объектом, условиями, средствами, процессом и результатом целенаправленного познания (в данном случае исследования), с одной стороны, и объектом нецеленаправленного познания, с другой. Своеобразие связи (основы) в данном случае таково, что процесс переведения в сведение объекта нецеленаправленного познания оказывается возможным только через переведение в сведение объекта исследования.

Сведение, в которое объект нецеленаправленного познания оказывается переведенным, выступает в виде либо ощущений и восприятий, либо – суждений. Первые приобретаются на чувственной ступени через непосредственный и опосредованный (например приборами) контакт органов чувств субъекта с объектом. Чаше это происходит в процессе собственно исследования. Реже – в процессе упорядочивания и систематизации приобретенных там результатов. Приобретение второго протекает на логической ступени через выведение следствий из первых. Оно также не исключено в собственно исследовании. Но большей вероятностью обладает, когда результаты этого процесса подвергаются упорядочиванию и систематизации. Причем, что бы в данном случае ни приобреталось, само приобретение может происходить и помимо вопроса. Сказанное не означает, будто вопрос в данном случае совершенно исключен. Он возможен. Но равная возможность присуща и его отсутствию.

Как показывает соотношение между выражениями нецеленаправленности познания, приведенными в предыдущем параграфе, – субъект (1) стремился приобрести сведение об А, а приобрел, наряду с ним, еще и сведение о В; (2) стремился приобрести сведение об А, а вместо этого приобрел сведение о В; (3) стремился не приобретать сведение о В, а приобрести сведение только об А, но приобрел сведение только о В; (4) преследовал непознавательную цель, а приобрел сведение о В; (5) ни к чему не стремился, тем не менее приобрел сведение о В – из всего их множества взаимосвязи с исследованием касаются первый, второй и третий. При этом общее, что свойственно всем им, состоит в следующем.

1. Вопросом везде охватывается объект не целенаправленного познания, а исследования. Его же касается и ответ, приобретаемый исследователем целенаправленно.

2. Действия, целенаправленно совершаемые по отношению к объекту исследования, по отношению к объекту нецеленаправленного познания либо не совершаются, либо совершаются нецеленаправленно, либо совершаются помимо стремления субъекта под влиянием каких-либо внешних факторов. К таковым могут относиться изменение условий; изменение явлений: объекта исследования и объекта нецеленаправленного познания – каждого в отдельности либо обоих вместе; изменение связей между явлениями либо между явлениями и условиями и т.д.

3. Сведение об объекте нецеленаправленного познания субъект первоначально – до перевода в сведение объекта исследования – приобретать не намеревался. Оно приобретается им постольку, поскольку приобретению подлежит сведение об объекте исследования.

Тем самым нецеленаправленное познание как неожиданное и незапланированное переводение своего объекта в сведение оказывается обычно неотделимым от перевода в сведение объекта исследования. Первое совершается постольку, поскольку совершается второе. Это зачастую имеет место в нормальных и стабильных условиях и при нормальном и стабильном состояниях обоих явлений: и объекта исследования, и объекта нецеленаправленного познания.

Возможна также ситуация, при которой субъект, хотя и стремится получить ответ на свой вопрос об объекте исследования, однако по определенным причинам этого не происходит. Тогда он оказывается ориентированным на другое явление, находящееся к первому в соответствующем отношении, которое отмечено выше. О нем сведение и приобретается. Из обуславливающих данную ситуацию факторов на передний план выступают недостаточно стабильные условия.

Не исключена, наконец, ситуация, когда субъект, стремясь сосредоточиться на одном явлении и не затрагивать в познании другое (например, при запрете на определенную тему исследования), все же самым характером своих познавательных действий привлекается именно к последнему. К причинам такой ситуации относятся аномальность и нестабильность условий, равно как аномальность и нестабильность состояния объекта исследования и объекта нецеленаправленного познания.

При этом в обеих ситуациях рассматриваемая сторона взаимосвязи исследования и нецеленаправленного познания также не отделена от скрытого эффекта функционирования мозга, обнаружения приобретаемого сведе-

ния по аналогии с тем, что есть в действительности, интуиции, воображения, предчувствия. Но ее отличия от первой стороны такой взаимосвязи показывают, что присущая ей неотделимость характеризуется своеобразием. В частности, поскольку отмеченные феномены складываются и существуют в исследовании, постольку они касаются именно его объекта равно как условий, в которых тот находится. Что до объекта нецеленаправленного познания, то он затрагивается ими в той мере, какой имеет место уже неоднократно отмечавшаяся связь между объектом, условиями, средствами, процессом и результатом целенаправленного познания (исследования), с одной стороны, и им, с другой. При наличии такой связи, когда познание первого влечет за собой познание второго, дело обстоит следующим образом. Если определенный феномен необходим для отражения объекта исследования, то в соответствующей степени он оказывается необходимым и для отражения объекта нецеленаправленного познания. Но поскольку все феномены такого рода относятся прямо к первому, а ко второму лишь косвенно, постольку в последнем случае могут не осознаваться.

Подобно тому, что относится к предыдущей стороне взаимосвязи исследования и нецеленаправленного познания, здесь также напрашиваются определенные обобщения и выводы. Речь идет прежде всего о том, что воздействие первого на второе в определенной мере парадоксально. Не предполагая нецеленаправленного познания, исследование, тем не менее, выступает его детерминантой. От особенностей последнего зависят, в частности, особенности процесса и условий протекания первого.

Определенная парадоксальность свойственна и воздействию нецеленаправленного познания на исследование. Не будучи предполагаемым исследованием, нецеленаправленное познание, в случае своего протекания и завершения соответствующим результатом, может положительно сказаться на расширении его пределов и возрастании массы приобретенных сведений. Это, как отмечалось, основывается на связи между объектом, условиями, средствами, процессом и результатом исследования (целенаправленного познания), с одной стороны, и объектом нецеленаправленного познания, с другой.

Но опять-таки, подобно тому, что относится к предыдущей стороне взаимосвязи исследования и нецеленаправленного познания, оба взаимно не предохраняют друг друга от заблуждений. И здесь, как и там, это детерминируется не ими, а тем, что их включает и проявляется через такое включение — познанием как видом отражения.

3. Нецеленаправленность внутрисубъектного информационного обмена

Выше уже отмечалось, что особенности нецеленаправленности во внутрисубъектном информационном обмене детерминируются особенностями самого этого направления познания. А среди них на передний план выступают коммуникация, развертывающаяся между коммуникатором и реципиентом, и совершающаяся в конкретных условиях трансляция сведений. Поэтому далее рассматривается зависимость нецеленаправленности от каждого из указанных феноменов. Последовательность рассмотрения вытекает из места, занимаемого ими во внутрисубъектном информационном обмене.

Зависимость нецеленаправленности от **реципиента** (субъекта познания) связана, прежде всего, с его способностью к прямому получению некоторого сведения. Такая способность определяется отношением между ним и коммуникатором. Соответственно отношению нецеленаправленное познание может протекать, по крайней мере, в трех направлениях. Они таковы.

Во-первых, коммуникатор, отвечая реципиенту, сообщает больше того, что очерчивается вопросом, хотя и связано с ним. Нецеленаправленность выступает здесь продолжением и дополнением целенаправленности.

Во-вторых, коммуникатор сообщает реципиенту то, что не связано с вопросом. Такое сообщение реципиент может получить либо (а) ориентируя коммуникатора на другое сообщение. Либо (б) ни на что не ориентируя его.

В-третьих, реципиент получает от коммуникатора сведения, адресованное не ему, а кому-то другому. Такое получение является для реципиента случайным. Его частным проявлением служит неожиданное и непланировавшееся подслушивание.

Первое направление выражает первый случай нецеленаправленного познания, когда субъект стремился приобрести сведения об одном, а приобрел, наряду с ним, сведения еще и о другом. Второе, в варианте (а) выражает второй случай нецеленаправленного познания, когда субъект стремился приобрести сведения об одном, а приобрел сведения о совершенно другом. В варианте (б) предметом выражения выступает пятый случай нецеленаправленного познания, когда субъект ни к чему не стремился, а сведения приобрел. Близким образом дело обстоит и в третьем направлении. Своеобразие последнего лишь в том, что сведения поступает к реципиенту помимо намерения коммуникатора.

Рассматриваемая зависимость связана и со способностью реципиента к косвенному получению сведения. Речь идет о простейших логических выводах из того, что только что получено как целенаправленно, так и нецеленаправленно. Условие таких выводов составляет обладание реципиентом некоторым сведением – таким, которое отображает то же самое явление, что и полученное сведение. По отношению к последнему оно представит в виде контекста. При этом оба должны соотноситься между собой так, чтобы второе с очевидностью вытекало из первого. Тогда вывод делается без всякого затруднения, как бы напрашиваясь сам собой. Примером такого рода может служить известная дедукция: "Все студенты обязаны сдавать экзамены. – Иванов является студентом. – Иванов обязан сдавать экзамены".

Выявление зависимости нецеленаправленности познания от **условий** требует предварительно уточнить содержание последних. Условия, как известно, могут трактоваться весьма широко. Предельным случаем такой трактовки выступает отнесение к ним всего, что существует вне протекающего в них процесса. Однако сейчас, исходя из содержания решаемой задачи, под условиями имеется в виду нечто более определенное, а именно – те пространственные и временные показатели, которые характеризуют, с одной стороны, протекание нецеленаправленного познания, а с другой – существование каждого из коммуникантов, участвующих в нем. На основе единства между пространством и временем, как формами существования объективной реальности, и особенностями внутрисубъектного информационного обмена, как направления познания видим, что применительно к нему условия нецеленаправленности данного процесса могут иметь следующие варианты.

1. Коммуниканты находятся в едином пространстве и в едином времени.
2. Коммуниканты находятся в едином пространстве и в различных временах.
3. Коммуниканты находятся в различных пространствах и в едином времени.
4. Коммуниканты находятся в различных пространствах и в различных временах¹.

Рассматривая все это через призму отмеченной зависимости нецеленаправленности познания от реципиента, обнаруживаем, что зависимость нецеленаправленности познания от условий связана прежде всего с тем,

¹ Как уже отмечалось, о критериях единства и различия пространств речь идет ниже. Речь идет ниже и о критериях различия времен.

что реализация обеих способностей реципиента во всех направлениях и вариантах возможна только, если оба коммуниканта находятся в одном, общем, пространстве и в одном, общем же времени. Пребывание каждого из них в своем пространстве и в своем времени такой возможности в целом не обеспечивает. Полностью возможной оказывается здесь реализация лишь второй способности. Что до первой, то ее реализация возможна частично – в пределах третьего направления. В пределах первого и второго она исключается. Причина в том, что постановка вопроса коммуникатору и получение от него ответа предполагает пребывание с ним в единых пространстве и времени.

Соответственно зависимости нецеленаправленности познания от реципиента и от условий обнаруживается его зависимость от **сведений**. А она выражается, прежде всего, в том, что нецеленаправленно во внутрисубъектном информационном обмене к субъекту могут поступать сведения лишь в строго определенном наборе. Как видно из отмеченного выше, элементы такого набора конкретны. Их конкретность связана, по крайней мере, с двумя группами показателей. Одна складывается из обуславливающих факторов. Другая – из проявлений последних.

Обуславливающие сведения факторы в первую очередь связаны с особенностями реципиента, о которых шла речь. Но поскольку транслятором сведений выступает коммуникатор, постольку в массу факторов такого рода включается и отношение, сложившееся к ним со стороны последнего. Так, в пределах того, что порождено способностью прямого получения реципиентом сведений и применительно к первому направлению это – сведение, которое, с одной стороны, продолжает и дополняет содержание ответа, даваемого коммуникатором на вопрос реципиента. С другой – характеризуется тем, что коммуникатор готов пре доставить его реципиенту помимо выражения последним заинтересованности в нем. Применительно ко второму направлению в варианте (а) – то же самое. В варианте (б) – любое сведение. Применительно к третьему направлению – также любое сведение. В пределах того, что связано со способностью реципиента делать простейшие выводы, это – сведение, которое в общем также может квалифицироваться как любое. Единственным его ограничением является то, что оно должно с очевидностью вытекать из сопоставления с контекстом реципиента того, что им только что получено.

Проявления, свойственные тем сведениям, которые нецеленаправленно получает реципиент, обнаруживаются на основе единства особенностей, присущих реципиенту, с одной стороны, и условиям, с другой. Это единство показывает следующее.

Сведение, получаемое реципиентом от коммуникатора, который находится в том же пространстве и в том же времени, что и он, обусловлено его первой способностью и касается всех трех направлений реализации этой способности, может проявляться и в речевом сообщении, и в письменном уведомлении, и в содержании магнитной пленки. Причем получение и проявление совпадают здесь во времени. Сведение, реализующее вторую способность реципиента, в тех же условиях может проявляться в том же. Но его проявление несколько отстает от получений, ибо для этого требуется достижение хотя бы минимальной осознанности.

Сведение, получаемое реципиентом от коммуникатора, который находится в пространстве и времени иных, нежели он сам, обусловлено реализацией его первой способности только в третьем направлении. Но при этом здесь отсутствует отмеченный выше частный случай, выражающий подслушивание. Поэтому оно может проявиться лишь в письменном уведомлении и в содержании магнитной пленки. Речевое сообщение здесь исключается. Сведение же, обусловленное реализацией второй способности реципиента, в целом совпадает с тем, что имеет в этом отношении место применительно к нахождению обоих коммуникантов в одном пространстве и в одном времени. В деталях здесь возможны различия, обусловленные различиями между едиными пространством и временем в одном случае и различными пространством и временем, в другом случае. Но поскольку сущность различающихся феноменов едина, постольку различные ее выражения не имеют в данном случае решающего значения.

Зависимость нецеленаправленности познания от **коммуникации** обнаруживается прежде всего на основе собственных особенностей этого феномена. Как известно, коммуникация неоднородна. Исходя из цели, она делится на побудительную и констатирующую. Первая выражается в приказе, совете, просьбе и рассчитана на то, чтобы непосредственно стимулировать определенные действия. Вторая выражается в сообщении, которое не предполагает непосредственного изменения действий реципиента. Исходя из средств, коммуникация делится на вербальную и невербальную. Основное средство вербальной коммуникации составляют произнесенные и написанные слова. К основным средствам коммуникации невербальной относятся оптико-кинетические (жесты, мимика, пантомима), пара- и экстралингвистические (качество голоса, его диапазон, тональность, система модуляции, темп речи, включение в нее пауз, покашливания, смеха, плача), пространственно-временные (выбор места, где должен находиться реципи-

ент, проведение коммуникации в удобное или неудобное для реципиента время и т.д.)¹.

Искомая зависимость обнаруживается и на основе учета того, что свойственно зависимости нецеленаправленного познания от других факторов, – реципиента, условий, сведений. Принимая все это во внимание, видим следующее.

Неоднородность коммуникации способна привести к расширению пределов объекта, а следовательно, и процесса нецеленаправленного познания. С одной стороны, транслируя реципиенту сведения, выходящее за пределы вопроса и имеющее вербальную выраженность, коммуникатор под воздействием определенных причин, прежде всего эмоциональных, может присоединять к ним то, что вербальной выраженностью не обладает. Последнее в принципе затрагивает все направления реализации первой способности реципиента, хотя такое затрагивание и неравномерно. В большей мере оно относится ко второму и третьему направлениям. В меньшей – к первому. При этом через него отражаются не только конкретные явления, не охватываемые, как сказано, вопросом, но и отношение, сложившееся у коммуникатора к ним, к условиям их существования, к реципиенту, к самому себе и т.д. Все это потенциально дополняет объект. Но чтобы из потенциального дополнения оно стало дополнением действительным, необходимы определенные условия. В частности, и реципиент, и коммуникатор должны находиться в одних и тех же пространстве и времени и владеть одним и тем же языком невербальной коммуникации.

С другой стороны, вербально транслируя реципиенту определенные констатирующие сведения, выходящие за пределы вопроса, коммуникатор, опять-таки под воздействием определенных причин, может включать в них и то, что ориентирует на некоторые действия. Ориентиры способны быть вербальными и невербальными и иметь явную и неявную выраженность. Они также потенциально составляют дополнительные элементы объекта. Сообщение им реальности опять-таки предполагает определенные условия. Речь идет о проявлении реципиентом не только первой, но и второй способности. Причина в том, что и явная, и неявная выраженности дополнений оказываются таковыми **для реципиента**. Перевод же последней в первую становится возможным на основе наличия у него, а затем и использования им упомянутого контекста.

Таким образом, зависимость нецеленаправленности познания от коммуникации в значительной мере проявляется через возможности, которые-

¹ См.: Андрюшенко М.Т. Познание и освоение. – С. 35.

ми та обеспечивает данный процесс. Учитывая при этом множество выражений последнего, видим, что реализация этих возможностей имеет как положительные “Стремился приобрести сведение об одном, а приобрел наряду с ним еще и о другом”, так и отрицательные “Избегал приобретения сведения, и тем не менее приобрел его” последствия. Достижение первых и избежание вторых предполагает не только совершение реципиентом определенных действий, но и пребывание его в соответствующем состоянии. Тем самым две зависимости, переплетаясь между собой, становятся в достаточной мере понимаемыми друг через друга.

Выявление зависимости нецеленаправленности познания от **трансляции** сведения также требуют предварительного обозначения наиболее важных особенностей последней. Как известно, основными ее видами являются монолог и диалог¹. Причем тот и другой могут быть групповым, когда реципиент составляет группу, и индивидуальным, когда он выступает в качестве индивида. В монологе инициатива выбора содержания транслируемого сведения принадлежит коммуникатору. Он выступает там активной стороной, тогда как реципиент является стороной пассивной. Оба остаются в своих качествах на всем протяжении трансляции-приема. В диалоге инициатива, по крайней мере частично, распространяется и на реципиента. Продолжая быть пассивным по отношению к коммуникатору, как к стороне, транслирующей сведение, реципиент, принимающий его, становится активным по отношению к тому, что желает получить от коммуникатора. Правда, последний не всегда может либо хочет исполнять его желания. Монолог не требует строго определенных пространства и времени, в которых должны находиться коммуниканты. Пространство и время их нахождения могут быть и едиными, и различными. Диалог, напротив, требует того, чтобы коммуниканты находились в едином пространстве и в едином времени. Соотнося это с тем, что отмечено применительно к зависимости нецеленаправленности познания от других факторов, обнаруживаем следующее.

При прочих равных условиях монолог содержит больше предпосылок к нецеленаправленности познания, ибо реципиент не может там уточнять

¹ Известно также, что трансляция сведения может наряду с монологом и диалогом выражаться также в полилоге. Однако о предпосылках нецеленаправленности, связанных с ним, речь здесь не идет. Причина в том, что полилог представляет собой диалог, развертывающийся в более общих пределах и охватывающий большее число коммуникантов. Поэтому все, относящееся к диалогу, относится и к нему. Что касается различия пределов, то оно имеет лишь количественные показатели и не выходит за пределы показателей качественных.

свои потребности в сведениях. Некоторую компенсирующую роль играет при этом случай групповой выраженности реципиента, когда члены группы общаются между собой на предмет уточнения того, что транслирует коммуникатор. В диалоге с его изменяющимся статусом коммуникантов дело обстоит иначе. Там реципиент может ориентировать коммуникатора на требующиеся себе сведения. Но чем интенсивнее и разностороннее оказывается такая ориентация, тем, в принципе, бо́льшая масса сведений поступает от коммуникатора к реципиенту. А это не исключает попадания к нему того, в чем он не нуждается и что не стремится получить. Правда, определенную роль здесь также играет то, является ли реципиент индивидом или группой. В последнем случае подобно тому, как это свойственно монологу, возможно уточнение содержания сведения, поступающего к реципиенту от коммуникатора, а следовательно, и снижение доли нецеленаправленности.

Применительно к монологу нецеленаправленность познания, как средство реализации первой способности реципиента, может развертываться во всех направлениях. Реципиент способен получать там и то, что хотя связано с вопросом, но выходит за его пределы; и то, что не имеет с вопросом никакой связи; и то, что предназначено не ему. При этом реализации каждого направления в численном отношении примерно совпадают между собой. Относительная распространенность присуща здесь и нецеленаправленности познания как средству реализации второй способности реципиента – причем в немалой степени именно вследствие того, что через него реализуется первая способность.

Применительно к диалогу все направления реализации первой способности реципиента также не исключены. Однако большая частота при прочих равных условиях свойственна первому. Второе и третье направления именно вследствие активности реципиента отступают на задний план. Не исключена здесь нецеленаправленность познания и как средство реализации второй способности реципиента. Но вследствие большей распространенности его предыдущего качества этому свойственны здесь более ограниченные пределы¹.

¹ Своеобразное переплетение монолога и диалога представляет собой учебный процесс. Соответственно этому в нем переплетаются и тенденции целенаправленности и нецеленаправленности познания. Такое переплетение детерминирует ряд специальных методических принципов, которыми целесообразно руководствоваться и обучающим, и обучаемым. Однако, хотя и само оно, и детерминируемые им принципы представляют несомненный интерес, тем не менее образуют предмет специального рассмотрения, выходящего за пределы решаемой задачи. Поэтому здесь они только упоминаются.

Зависимость нецеленаправленности познания от **коммуникатора** связана с тем, насколько тот содействует данному процессу. Такое содействие может быть пассивным и активным. Первое выражается в некотором положительном или отрицательном отношении к реципиенту, к сведениям и т.д. Второе – в конкретных действиях, носящих целенаправленный или нецеленаправленный характер. Сочетание того и другого имеет более или менее широкий набор вариантов. Сейчас на основе содержания решаемой задачи рассматривается только один из них – тот, где коммуникатор заинтересован в нецеленаправленном познании и содействует ему целенаправленно. При этом его действия могут быть корректными и некорректными.

В первом случае он сознательно использует соответствующие средства. Как видно из единства особенностей внутрисубъектного информационного обмена, с одной стороны, и целенаправленности и нецеленаправленности, с другой, это, прежде всего – учет соотношения между транслируемым сведением, условиями трансляции и особенностями реципиента, которому сведение транслируется. Это также – рациональная дозировка элементов транслируемого сведения, помещение их в нужные контексты и выбор определенных видов коммуникации и трансляции. Это, наконец – по возможности, создание благоприятной эмоциональной обстановки и исключение речевых и письменных ошибок: оговорок, описок и т.д.

Во втором случае коммуникатор либо игнорирует необходимые средства, когда не знает о них или не считает нужным их использовать. Либо – оказывается неспособным к такому использованию из-за недостаточной компетентности. В результате его стремления либо не достигают цели, либо – достигнутая цель расходится с поставленной.

Если коммуникатор действует корректно, и его усилия дают требующийся результат, то применительно к первой способности реципиента нецеленаправленность познания чаще всего выражается в случае, когда тот получает сведение, непосредственно не относящееся к вопросу, хотя и связанное с ним. Реже – когда получает сведение, адресованное не ему, а кому-то другому.

Применительно ко второй способности реципиента дело обстоит следующим образом. Если получаемое сведение вытекает из того, что получено целенаправленно на основе вопроса, то случаи – при прочих равных условиях – распределяются относительно равномерно. Если же их основой выступает то, что получено нецеленаправленно, то дело в общем обстоит аналогично тому, что имеет место применительно к первой способности.

Содержание настоящего параграфа также подводит к обобщениям и выводам. Из него, в частности, вытекает, что, будучи связанной с внутрисубъектным информационным обменом, нецеленаправленность обладает не только более широкими пределами, но и более многочисленным набором оснований, чем при связи с исследованием. Однако все эти основания существуют в конкретных пределах, через которые нецеленаправленное познание вытекает из целенаправленного и дополняет его. Стимулирующие тенденции, свойственные дополнениям, тоже ориентированы здесь на целенаправленное познание, хотя, в отличие от того, что имеет место в исследовании, они менее заметны. Как и там ими не создается панacea от издержек, присущих познавательным действиям субъекта. Сами же издержки такого рода связаны уже не с заблуждением, а с обманом, коренящимся в данном направлении познания.

4. Нецеленаправленность и целенаправленность познания как противоположности

Результаты выявления особенностей нецеленаправленности познания подводят к ее соотнесению с целенаправленностью этого процесса. Такое соотнесение позволяет обнаружить некоторые неустановленные пока особенности познания как вида деятельности. Последнее, в свою очередь, дает возможность приблизиться к решению соответствующих практических задач.

Как видно из предыдущего изложения, целенаправленность и нецеленаправленность в ряде случаев **взаимополагают** друг друга. Их взаимополагание является как прямым, так и косвенным. При этом первое способно быть активным и пассивным.

Активное взаимополагание имеет место, когда целенаправленность и нецеленаправленность вызывают друг друга для приобретения либо сохранения своего качества. Со стороны первой по отношению ко второй это происходит при тупиковом состоянии исследования, исключающим приобретение субъектом требующихся сведений об объекте и получение ответа на сложившийся вопрос. Необходимость в нецеленаправленности складывается здесь как необходимость в соответствующих феноменах, имеющих отношение и к исследованию (обнаружении искомого сведения по аналогии с тем, что есть в действительности; интуиции; воображении; предчувствии), и к внутрисубъектному информационному обмену. Применительно к последнему речь идет о таких, которые выражают обе способ-

50

ности реципиента. Те и другие, содействуя выходу исследования из тупика, обуславливают его нормальное протекание и сохранение им качественной определенности. Не будь их, исследование утратило бы возможность своего протекания при первом же попадании в тупик.

Со стороны нецеленаправленного познания по отношению к познанию целенаправленному это происходит тогда же, но имеет иное проявление. Оно связано с тем, что отмеченные феномены (касающиеся как исследования, так и внутрисубъектного информационного обмена) обладают своей качественной выраженностью, только вплетаясь в исследование и обеспечивая ему выход из тупика. Помимо исследования как выражения целенаправленного познания – даже в пределах внутрисубъектного информационного обмена – они своего качества не имеют. Поэтому там отсутствует и какая-либо необходимость обращения к ним.

Пассивное взаимоотношение целенаправленности и нецеленаправленности познания выходит за пределы ситуации, в которой одно вызывает другое. Тем не менее складывающееся между ними отношение является именно взаимоотношением.

Со стороны целенаправленности познания по отношению к его нецеленаправленности оно выражается в том, что первая образует основу, на которой складывается и существует вторая. Эта основа имеет место всегда, ибо познание как определенный вид деятельности, подчиненный, вместе с тем, другим ее видам, целенаправленно в сущности. Иначе оно не имело бы своего качества. Его нецеленаправленность возможна лишь в пределах целенаправленности как часть последней. Вместе с тем, пассивное полагание целенаправленностью нецеленаправленности может иметь и другое выражение. Оно связано как бы с автоматическим вытеканием второго из первого. Характерным примером такого рода служит поступление к реципиенту сведения о коммуникаторе – при трансляции последним сведений об объекте. Это выражается обычно через то, как действует коммуникатор: корректно или некорректно. Из отмеченного выше видно, что то и другое может проявляться в широких пределах, затрагивая и эмоциональную обстановку, и контекст, и соединение вербальных действий с невербальными, и многое другое.

Полагание нецеленаправленным познанием целенаправленного выражается через необходимость последнего для существования первого. Вне протекания в пределах последнего первое теряет смысл и исключается. Как видно из отмеченного, и речевые, и письменные погрешности, равно как и корректные действия такого рода, коммуникатор совершает в наме-

ренной, т.е. целенаправленной трансляции сведений реципиенту¹. Равным образом достаточно информативные сведения могут быть приобретены реципиентом в невербальной коммуникации, только если последняя разворачивается в пределах коммуникации вербальной. Иначе невербальная коммуникация лишается достаточных для своего разворачивания условий и вследствие этого не может приобрести необходимой качественной выраженности.

Косвенное взаимоотношение, складывающееся между целенаправленностью и нецеленаправленностью познания, в сравнении с прямым взаимоотношением, более однородно. Оно, в частности, не подразделяется на активное и пассивное. Причина в том, что оба выступают в данном случае взаимосвязанными частями познания как вида деятельности – вида, который основан на определенных феноменах, находящихся вне его. То, что составляет основу познания в целом, выступает таковой и для каждого из них. Непосредственной основой являются в данном случае результаты предпознания – вопрос и познавательное отношение. Основой опосредованной – конкретный вид деятельности, которому познание в соответствующем случае подчинено и для которого в нем формируется информационная модель. Изъятие из познания любой его части – будь она целенаправленной или нецеленаправленной – лишает его целостности, а следовательно, нарушает присущее ему качество. Таким образом, взаимное полагание каждым другого проявляется здесь в том, что их единство сообщает познанию целостность, в пределах которой оба могут существовать и функционировать. Но при этом каждое полагает другое в той мере, какой оба способствуют целостности познания – целостности, позволяющей обоим иметь свои выраженности.

Вместе с тем нецеленаправленность и целенаправленность познания **взаимоотрицают** друг друга. Их взаимоотрицание протекает в неразрывной связи с полаганием как обратная сторона последнего. При этом оно также оказывается прямым и косвенным, а первое делится еще на активное и пассивное.

Активное отрицание нецеленаправленным познанием познания целенаправленного связано с тем, что обнаружение искомого сведения на основе аналогии с имеющимся в действительности, интуиции, воображения и т.д., способствуя выходу исследования из тупика, берет на себя в течение некоторого временного интервала все, присущее до этого ему. Собственно

¹ Он может совершать их и в ненамеренной трансляции. Но последняя свидетельствует об его аномальном состоянии, вследствие чего все обусловленное им выступает как нетипичное исключение.

же исследование как совокупность определенных действий субъекта оказывается в сложившейся ситуации излишним. Оно не только неспособно самостоятельно выйти из своего состояния, но в случае соединения с отмеченными феноменами нейтрализовало бы их активность. Отрицая его, нецеленаправленное познание способствует возвращению ему первоначального качества.

Активное отрицание целенаправленным познанием познания нецеленаправленного состоит в том, что после преодоления исследованием тупикового состояния потребность в феноменах, выражающих нецеленаправленность, исчезает. Их сохранение сдерживало бы дальнейшие познавательные действия субъекта и лишило бы те своего качества.

Пассивное отрицание, идущее от целенаправленного познания по отношению к познанию нецеленаправленному, связано с тем, что первое не требует обязательного наличия второго как своего дополнения. Такая потребность складывается у него лишь тогда, когда оно оказывается в тупике, что по отношению к его протеканию представляет собой частный случай.

Со стороны нецеленаправленного познания по отношению к познанию целенаправленному пассивное отрицание связано с вытеканием первого из второго, оказавшегося в определенном состоянии. Речь идет о том, что феномены нецеленаправленного познания сменяют исследование только под воздействием происходящего с ним – а именно под воздействием попадания в тупик. В иных случаях такая смена отсутствует. Но при этом обнаружение искомого сведения с помощью аналогии, интуиции, воображения и т.д. становится возможным лишь при наличии определенной основы, касающейся исследования. Ее в каждом случае образует соответствующий набор конкретных сведений, сложившийся в информационном запасе субъекта и отражающий некоторый минимум его компетентности – набор, о котором речь шла выше. Если требующейся основы не будет, то в каком бы тупике исследование ни оказалось, выйти оттуда с помощью указанных феноменов оно не в силах.

Косвенное взаимоотрицание нецеленаправленного и целенаправленного познания, подобно их косвенному взаимоотношению, характеризуется большей однородностью. Последняя также связана с целостностью познания как единого процесса и с взаимной неотделимостью нецеленаправленности и целенаправленности, сложившейся в пределах этой целостности. Но в отличие от косвенного взаимоотношения она связана и с качественной определенностью каждой части, проявляющейся в наличии у нее границ. Именно в этих границах каждая часть и обладает существованием. За ними

существование каждой части отсутствует. Так, в границах целенаправленного познания может существовать только оно. Существование там нецеленаправленного познания невозможно. В равной мере и нецеленаправленное познание может существовать только в своих границах, но существование целенаправленного познания в них исключается. Таким образом, границы каждого обуславливают здесь его собственное существование, но не допускают существования другого.

Рассмотрение нецеленаправленности и целенаправленности познания сквозь призму взаимоотношения и взаимоотрицания показывает, прежде всего, что качество противоположностей свойственно им в определенном отношении – том, которое складывается между ними, с одной стороны, и субъектом, с другой. Вне его, например, в тех отношениях, которые складываются между ними и условиями, между ними и объектом, между ними и их результатами и т.д., они не только в отмеченном качестве не выступают, но фактически оказываются тождественными друг другу.

Если же остаться в пределах данного отношения, то легко обнаружить, что взаимоотношение и взаимоотрицание не имеют применительно к каждой разновидности познания жесткого постоянства. В одних случаях некоторая противоположность полагается либо отрицается другой противоположностью больше. В других случаях – меньше. За этим стоит различная степень симметричности и асимметричности двух разновидностей познания как противоположностей¹. Более высокая и стабильная симметричность свойственна им в прямых взаимоотношении и взаимоотрицании, нежели в косвенных. Однако и там она непостоянна. Ее варианты зависят, наряду с прочим, от того, в чем прямые взаимоотношение и взаимоотрицание проявляются. Их активность обеспечивает более высокую и стабильную симметричность. Пассивность – менее высокую и менее стабильную.

¹ Вопрос о симметричности и асимметричности противоположностей хотя и касается познания, тем не менее выходит за его пределы, относясь главным образом к онтологии и содержательной логике и требуя поэтому специального рассмотрения. Здесь он затрагивается в самом общем виде, чтобы обратить внимание на некоторые стороны взаимоотношения нецеленаправленного и целенаправленного познания. При этом под симметричностью имеются в виду взаимоотношение и взаимоотрицание каждой противоположностью другой в одинаковой мере. Под асимметричностью – то же в неодинаковой мере. Однако в данном случае речь не идет о внешних к нецеленаправленному познанию, равно как к познанию целенаправленному факторах, обуславливающих симметричность и асимметричность, ибо это составляет предмет отдельного обсуждения. – Подробно о симметрии и асимметрии см.: *Готт В.С.* Симметрия и асимметрия. – М., 1965. – С. 29 – 30.

Что до косвенных взаимоотношения и взаимоотрицания, то в них асимметричность преобладает над симметричностью.

Это подводит к неожиданному и в какой-то мере к парадоксальному выводу. Речь идет о том, что нецеленаправленное познание может протекать и при наличии вопроса, хотя, конечно, и не полностью осознаваемого субъектом. Точно так же целенаправленное познание способно протекать помимо появления у субъекта полностью осознаваемого вопроса. Естественно, что такое протекание применительно к тому и другому ограничено во времени. Но игнорировать его было бы некорректно не только по собственной теоретической, но и по практической причине.

ОЧЕРК ТРЕТИЙ

ПОЗНАВАЕМОСТЬ

1. Предварительные замечания

В множестве гносеологических проблем проблема познаваемости занимает одно из ведущих мест. От подхода к ней зависят подходы ко всем другим проблемам, а в конечном счете и общее состояние гносеологии.

Помимо теории, она затрагивает и практику. Одним из подтверждений тому может служить факт тормозящего воздействия, оказываемого на состояние современной России рядом недостаточно познанных (по объективным либо субъективным причинам) общественных явлений, которые дают о себе знать и в экономике, и в социально-классовой сфере, и в духовных отношениях.

Определить познаваемость нетрудно. Ее определение обнаруживается на основе единства содержания и направленности познания. Единство же это показывает, что за данным понятием стоит возможность воспроизвести объект в адекватных образах. Показывает оно также и нечто иное, а именно: такое воспроизведение обуславливается различными предпосылками, из которых установлены пока не все.

Тем не менее существует тенденция относить проблему познаваемости к разрешенным. Мир и образующие его компоненты считаются, согласно ей, познаваемыми по причине тождества мышления и бытия и по причине вплетенности познания в практику. Первую причину, как известно, постулировал Гегель. Вторую – Маркс. То и другое было сделано в первой половине XIX века.

Сегодня обе причины требуют иного восприятия и иной оценки, нежели в прошлом. Как показывают результаты проведенных на протяжении большей части XX века исследований связей познания с отражением, а также с другими видами деятельности¹, тождество мышления и бытия при всей важности представляет собой лишь одно из предварительных условий познаваемости. Но, будучи взятым вне конкретного содержания субъекта и объекта, оно познаваемости, как таковой, не обеспечивает. Что касается вплетенности познания в практику, т.е. соединения познавательных действий с практическими, осуществляемого на базе последних, то некоторый уровень познаваемости она в общем способна обеспечить.

¹ См.: Тюхтин В.С. Отражение, системы, кибернетика. – М., 1971. – С. 101 – 112; Каган М.С. Человеческая деятельность. – М., 1974. – С. 50 – 97.

Но считать этот уровень достаточным, т.е. соответствующим достижению цели в других сферах деятельности, некорректно. Дело в том, что будучи только вплетенным в практику, познание способно утратить самостоятельность и стать нецеленаправленным. Вследствие этого его результат по отношению к преследуемой цели может оказаться случайным. С другой стороны, вплетенность познания в практику даже при сохранении им своей целенаправленности зачастую позволяет субъекту обнаружить лишь отдельные особенности объекта, но отнюдь не объект во всем его многообразии.

Таким образом, считать проблему познаваемости разрешенной пока рано. Более того, по всей вероятности, именно сейчас в ней обнаруживаются такие моменты, на основе которых она в дальнейшем и может получить разрешение.

Познаваемость, как сказано, детерминируется различными предпосылками. Они не сводятся только к тождеству мышления и бытия и к вплетенности познания в практику, хотя, разумеется, и не исключают их. Однако вследствие своеобразия познания как вида отражения и вида деятельности к ним не может не относиться и все, что затрагивает субъект, объект, их взаимодействие, истолкование полученных сведений и т.д.

Прямое обращение к познаваемости в гносеологии, насколько известно, пока не предпринимается. Чаще всего к ней обращаются косвенно. Но при этом не идут дальше того, что относится к некоторым сторонам познавательных действий субъекта и достигаемым в них результатам. Тем самым большинство ее особенностей остается невыявленным.

В данном случае, исходя из состояния исследованности субъекта и объекта, делается попытка установить некоторые особенности, связанные с качественной определенностью обоих феноменов и с взаимодействием между ними, которыми последняя детерминируется. При этом за основу берется не только то, что в релевантном отношении известно о каждом феномене¹, но и более общие положения, затрагивающие познание в целом. Среди них – такие, которые содержатся в первой части "Очерков...", а также в предыдущих параграфах настоящей работы.

¹ См.: *Копнин П.В.* Гносеологические и логические основы науки. – М., 1974; *Лекторский В.А.* Субъект, объект, познание. – М., 1980; *Любутин К.Н.* Проблема субъекта и объекта в немецкой классической и марксистско-ленинской философии. – Свердловск, 1973; *Коришонов А.М.* Диалектика субъекта и объекта в познании. – М., 1982; *Лапицкий В.В.* Структура и функции субъекта познания. – Л., 1983; *Любутин К.Н., Пивоваров Д.В.* Диалектика субъекта и объекта. – Екатеринбург, 1993.

2. Субъект в системе познаваемости

Субъектом познания является **человек** (индивидуальный либо общественный) **познающий**, т.е. приобретающий новые для себя сведения об объекте. Но человек и человек познающий – феномены не тождественные. Превращение первого во второй предполагает определенные условия и проходит соответствующие этапы.

Начальным условием такого превращения служит потребность, испытываемая человеком и затрагивающая определенное явление. Ее реализация может протекать через различные виды деятельности: познавательную (на последующих этапах), преобразовательную, оценивающую, ориентационную и т.д. При этом любой вид невозможен без соответствующей информационной модели, нацеливающей на то, **что** делать и **как** делать все, что делать. Сформировать же информационную модель можно только на основе познания. Таким образом, появление у человека потребности, затрагивающей явление, с одной стороны, и ее удовлетворение, с другой, опосредуется познанием. А человек, который испытывает потребность, подводится к превращению в субъект познания через познание же.

Однако складывание у человека потребности и осознание им необходимости приобретения информационной модели соответствующих действий еще не делает его человеком познающим. Последнее требует прохождения стадии предпознания. Если данная стадия пройдена, то человек становится предсубъектом, т.е. будущим, потенциальным, субъектом познания. Такое становление протекает через формирование вопроса, касающегося явления, с которым связана потребность, и вступление с этим явлением в познавательное отношение. При этом оба феномена оказываются в тесной взаимосвязи. Первый получает во втором свое продолжение и закрепление. Второй имеет в первом свою непосредственную основу. Благодаря вопросу и познавательному отношению определенную коррекцию приобретают видение человеком явления, которое отмечено потребностью, содержание последней, а также необходимые для ее удовлетворения средства.

Тем самым предсубъект приходит в состояние, позволяющее ему быть субъектом. Подлинное же его превращение в это качество совершается, как отмечено, через включенность в процесс приобретения новых для себя сведений о явлении. А такое приобретение становится возможным в результате определенного воздействия на явление – воздействия, протекающего в соответствии с формулировкой вопроса и характером познавательного отношения.

Таковы основные условия и отвечающие им этапы превращения человека в человека познающего. Отныне его усилия направлены на то, чтобы, находясь в познавательном отношении к объекту, в который превратилось явление, о чем речь идет ниже, получить ответ на свой вопрос.

Все сказанное относится к целенаправленному познанию. Что до познания нецеленаправленного, то применительно к нему соотношение человека и человека познающего имеет отличия. Последние обнаруживаются на основе его собственных особенностей, а также тех отличий, которые существуют между ним и целенаправленным познанием и рассмотрены в предыдущем параграфе. В общем виде речь идет о том, что нецеленаправленное познание либо не основывается на осознанной потребности субъекта, затрагивающей объект, либо основывается на ней незначительно подобно тому, как незначительно осознается и сама потребность. Поэтому нецеленаправленное познание вплетается в другие виды деятельности: преобразовательную, оценочную, ориентационную, а также в предыдущие этапы познавательной деятельности, носящей целенаправленный характер. По отношению к каждому виду оно выступает как частный случай. В результате ему не свойственна связь с предпознанием, что влечет за собой соответствующие следствия. Так, направляющий вопрос применительно к нему либо отсутствует, либо стоит неявно и в достаточной степени не осознается. Познавательное отношение в более или менее заметном виде складывается только в познании, а не в предпознании. При этом, не имея достаточной основы в виде потребности субъекта, оно в любой момент может сойти на нет. Тем самым нецеленаправленное познание либо вообще не связывается с познавательным воздействием субъекта на объект, либо связывается с ним косвенно: познавательное воздействие совершается субъектом помимо осознанного стремления, как некоторое произвольное следствие других действий. В итоге превращение человека в человека познающего оказывается здесь по отношению к потребности последнего случайным. У него нет достаточной основы, вследствие чего человек познающий в любой момент может утратить свое качественное состояние.

Вернемся, однако, к целенаправленному познанию. Образование, а затем и функционирование в нем субъекта носит конкретный характер: субъект выступает в определенных типах, будучи общностью либо индивидуумом.

Субъект-общность складывается в широком диапазоне. Одна из его крайних точек образуется обществом в целом. Другая – группой, включающей не менее двух человек. Между ними возможны различные вариан-

ты объединений. Особенности же, присущие крайним точкам, обнаруживаются на основе двухаспектного подхода к социальной форме движений.

В одном из аспектов субъект-общество предстает как образование, противостоящее природе, по отношению к которой выступает одновременно субъектом познания и субъектом преобразования (практики). То и другое неразделимы между собой, что и сообщает субъекту-обществу косвенный характер. Общество в целом оказывается в этом качестве постольку, поскольку на основе своей неотделимости от практики выдвигает потребность в познании некоторого явления; обеспечивает необходимые для познания средства; выступает хранителем приобретенных сведений. Однако все это применительно к нему имеет место именно в целом и оказывается тем самым несвободным от определенной доли абстрактности.

В другом аспекте субъект-общество предстает как совокупность всех людей, охваченных разделением труда. Последнее разворачивается в различных системах. Среди них важное место принадлежит системе "элементы практики – познание", что и выделяет последнее в самостоятельный вид деятельности. Именно на его основе появляются субъект познания – группа и субъект познания – индивид¹.

Субъект-группа складывается из человекoв (людей) познающих. В отличие от групповой выраженности субъектов других видов деятельности он (она) сосредоточивается только на приобретении новых сведений об объекте и включается в общественное разделение труда. Его члены часто специализируются на познании отдельных сторон объекта, вследствие чего внутри него труд также разделяется. Его разделение в обоих случаях может быть как горизонтальным (пространственным), так и вертикальным (временным). Сами же субъекты-группы способны иметь различную выраженность. Применительно, например, к научному познанию это связано с сообществами, институтами, лабораториями и т.д.

Средством скрепления субъекта-группы, наряду со специализацией ее членoв и разделением труда, служит и коммуникация. Она касается всего, что имеет отношение к познанию: и объекта, и средств, и условий, и процесса, и результата, и, разумеется, себя. Тем самым в пределах субъек-

¹ В отмеченной монографии В.В. Лапицкого "Структура и функции субъекта познания" наряду с субъектом-обществом выделяется субъект-человечество. – См.: Гл. 2. – Однако, как видно из того, что пишет о нем автор, он не содержит принципиальных отличий от субъекта-общества и чего-либо нового в субъекте познания не обнаруживает. Это, кстати, подтверждается и на основе рассмотрения субъекта в его единстве с объектом, о чем речь идет ниже. В итоге такое выделение оказывается излишним.

екта-группы распространяются оба его направления: и исследование, и внутрисубъектный информационный обмен.

Единство между множественностью группы и особенностями познания как вида деятельности показывает, что рассматриваемый тип субъекта помимо специализации и разделения труда связан еще с другими феноменами. В пределах научного исследования, как направления научного познания, к ним относятся, во-первых, мировоззрение, а также политические и идеологические установки, регулирующие познавательные действия и отношение к их результатам. Во-вторых, стиль исследовательского мышления, обуславливающий, прежде всего, своеобразие видения того явления, которое может стать объектом. В-третьих, методология (дескриптивная и нормативная), обеспечивающая общий характер познавательных воздействий на объект. В-четвертых, методики познавательных действий. Это, с одной стороны – методика отбора, обобщения и систематизации тех изменений объекта, которые появляются как отражение направленных на него познавательных воздействий, а в принципе – и методика их перевода в образы. С другой – методика воздействий субъекта-реципиента на коммуникатора, представляющего во внутрисубъектном информационном обмене объект. Соответственно этому субъект-группа оказывается способным к осуществлению конкретных действий. Из них на передний план выходят: (а) восприятие явления, которое может стать объектом; (б) воздействие на объект в пределах возможностей, обеспечиваемых личными средствами и сложившимся разделением труда; (в) обобщение и систематизация всего, что отражает познавательное воздействие на объект; (г) внутрисубъектный информационный обмен, коммуникация, касающиеся всего отмеченного. Тем самым субъект-группа в значительно большей мере чем субъект-общество проявляется через своих членов, каждый из которых выполняет одну или несколько познавательных операций.

Субъект-индивид непосредственно либо опосредованно вплетается в группу. Первое предполагает его зависимость от внутригруппового разделения труда, а также от методологических, мировоззренческих, политических и идеологических установок, определяющих особенности познавательных действий. Второе – зависимость главным образом от установок. Что касается зависимости от разделения труда, то ее наличие, отсутствие, а также качественная и количественная выраженности определяются соотношением между субъектом, объектом, целью познания, условиями, в которых этот процесс протекает, и т.д. При непосредственной вплетенности в группу субъект-индивид испытывает с ее стороны постоянное воздействие и подчиняется ее требованиям подобно тому, как это свойственно час-

ти по отношению к целому. При вплетенности опосредованной воздействие и подчинение тоже имеют место. Но они проявляются слабее и меньше замечаются субъектом вследствие того, что здесь о себе в большей мере дают знать и опосредующие факторы в том числе их сугубо индивидуальные особенности. Причем субъект-индивид всегда выступает как конкретный человек – ученый, художник, практик и т.д. – находящийся в своем пространстве и своем времени. В результате у него не только своя профессиональная квалификация, но и свое мировоззрение, свои политические и идеологические приверженности, свои индивидуальные, в том числе конъюнктурные, взгляды на познание и т.д. Все отмеченное может больше или меньше соответствовать либо не соответствовать аналогичным явлениям на групповом уровне.

В качестве субъекта познания индивид совершает определенные действия. Последние, хотя и протекают в границах действий, совершаемых субъектом-обществом и субъектом-группой, тем не менее могут обладать к ней относительной самостоятельностью. Важнейшими действиями такого рода выступают, во-первых, констатация (начинающаяся еще в бытность предсубъектом) своей потребности, затрагивающей определенное явление (в начале предобъект, затем объект), и формирование на этой основе цели познания. Во-вторых, сопоставление последней с такими феноменами, как (а) результаты всего, что исходит от субъекта-общества и субъекта-группы, и без учета чего не может быть реализована цель познания, равно как удовлетворена потребность, затрагивающая объект; (б) собственная индивидуальность, проявляющаяся через единство отмеченных выше феноменов; (в) условия, в которых должны будут протекать свои познавательные действия. В-третьих, выработка и констатация своего индивидуального отношения к установкам, принятым субъектом-обществом и субъектом-группой и регулирующим познавательный процесс. На этой основе субъект-индивид оказывается в состоянии свободы либо несвободы к своим последующим познавательным действиям. В первом случае им преодолеваются устаревшие каноны, чем ликвидируются преграды, которые сдерживали до этого познавательные действия. Во втором – все остается по-прежнему¹. В-четвертых, собственно приобретение новых сведений об объекте на основе того, что отмечено выше и выражает свободу либо несвободу.

Из обобщения особенностей субъекта-общества, субъекта-группы и субъекта-индивида следует, что все они находятся в неразрывном един-

¹ См.: Бычко И.В. Познание и свобода. – М., 1969. – С. 107, 113, 117.

стве, ибо выражают проявления одного и того же феномена. Изъять отсюда что-либо – значит нарушить качественную определенность последнего. Хотя на объект непосредственно воздействует индивид и непосредственно к нему же поступают сведения об объекте, однако и то, и другое оказываются возможными на основе связи его действий с тем, что исходит от субъекта-общества и субъекта-группы. Речь идет о потребности познания и средствах, необходимых для ее удовлетворения, в том числе стиле исследовательского мышления, методологии, методике и т.д. Поэтому субъект-индивид, как таковой, формируется субъектом-обществом и субъектом-группой. Но при этом тот и другой именно в субъекте-индивиде получают свое логическое завершение.

С другой стороны, между типами субъекта существует различие. Во-первых, каждый занимает в познании объекта определенное место и играет там соответствующую роль. Его выпадение из познания способно нанести последнему невосполнимый ущерб. Во-вторых, пребывание каждого в своем качестве характеризуется определенным временным показателем, детерминированным прежде всего его собственными особенностями, а также особенностями объекта, о чем речь идет ниже. Для субъекта-общества такой показатель постоянен. Для субъекта-группы и субъекта-индивида он является пульсирующим, периодически появляясь, растягиваясь, существуя и исчезая. При этом субъект-группа пребывает в своем качестве в течение более длительного временного интервала, нежели субъект-индивид. Периоды пульсирования последнего в своем качестве более кратковременные. В-третьих, субъект-группа и субъект-индивид обладают по отношению к субъекту-обществу относительной самостоятельностью. Применительно к группе это обусловлено в первую очередь своеобразием переплетения между собой общих средств познания – стиля мышления, методологии, методики. Применительно к индивиду – своеобразием переплетения между собой его личных особенностей, а также переплетением познания с условиями, другими видами деятельности и другими видами отражения – прежде всего эмоциональным. В результате субъект-группа и субъект-индивид оказываются способными либо опережать в своих познавательных действиях субъект-общество, либо отставать от него. При опережении, чаще совершаемым индивидом, но не исключенным и для группы, это выступает в виде отмеченной выше свободы, которая, будучи основанной на констатации и принятии общественной потребности в познании объекта, выражается через упомянутые отказ от традиционных средств ее удовлетворения и использование средств нетрадиционных.

При обращении к особенностям субъекта невозможно пройти мимо его соотнесенности с направлениями познания – исследованием и внутрисубъектным информационным обменом. Вопрос касается того, как проявляет себя субъект в качествах исследователя и реципиента и как эти качества соотносятся с тем, что присуще субъекту-обществу, субъекту-группе и субъекту-индивиду. Ответ содержит возможность уточнения того, что затрагивает не только собственно субъект, но и направления познания, в которые тот вплетается. Основой получения ответа служит единство между рассмотренными особенностями субъекта как феномена познания, с одной стороны, и особенностями исследования и внутрисубъектного информационного обмена, с другой. Эта основа показывает следующее.

И исследователь, и реципиент выступают таковыми в пределах всех типов субъекта. При этом оба проявляют себя через активность по отношению к источнику сведений об объекте – активность, выражающуюся через познавательные действия.

Со стороны субъекта-исследователя активности свойствен прямой характер, ибо тот воздействует на объект как на определенное явление. Для достижения цели им используется соответствующий набор средств. В научном исследовании, например, кроме собственно материальных (приборов, катализаторов), это также – средства нематериальные. Из них на передний план выходят ориентиры стиля мышления, требования методологии: (дескриптивной и нормативной), правила методики. Первые два обеспечивают воздействие на объект и приобретение новых сведений о нем. Третье необходимо главным образом для того, чтобы упорядочить приобретенные сведения.

Со стороны субъекта-реципиента активность носит косвенный характер. Причина здесь та, что, во-первых, предметом его непосредственного воздействий является коммуникатор, а не собственно объект. Во-вторых, что более существенно, хотя коммуникатором представляется объект, однако такое представление обладает своеобразием. Из-за отсутствия объекта в пространстве (а возможно, и во времени), занимаемом субъектом-реципиентом, коммуникатор неявно представляет ему некоторый класс явлений – класс, включающий и то явление, которое служит для него объектом.

Если коммуникатор выступает как собеседник, лектор и т.д., т.е. человек, предстающий по отношению к субъекту-реципиенту непосредственно, то воздействие последнего на первого предполагает корректную постановку вопросов, т.е. корректное вопрошание и создание такой эмоциональной обстановки, которая способствовала бы получению истинных ответов. Ес-

ли же коммуникатором оказывается автор некоторого произведения, т.е. человек, предстающий перед субъектом-реципиентом опосредовано, то воздействие на него протекает иначе и также носит опосредованный характер. Речь идет, в частности, о текстуальном и контекстуальном анализе соответствующих положений, содержащихся в произведении, о сопоставлении их с другими произведениями того же автора, равно как с произведениями иных авторов, об обращении к дополнительным источникам и т.д.

Средства, используемые субъектом-реципиентом для достижения цели, также могут быть материальными и нематериальными. Первые, наряду с прочим, включают то, что можно назвать средствами связи – телефон, радио, телевидение и т.д. – и что необходимо, если реципиент и коммуникатор находятся в едином времени, но в различных пространствах. (Если при нахождении в едином времени они находятся также в едином пространстве, то средства связи не требуются). К этому примыкают письменные источники, в том числе книги (и заменяющие их магнитные пленки), которые используются, когда реципиент и коммуникатор находятся в различных временах. Вторая группа средств складывается в основном из методик. Сюда относятся методика вопрошания, методика формирования благоприятной эмоциональной обстановки, методика слушания, методика чтения, методика обработки полученных сведений и т.д.

В зависимости от того, как строится и протекает каждое направление познания, субъект-исследователь и субъект-реципиент могут иметь групповую либо индивидуальную выраженность, где им присуще то, что отмечено применительно к соответствующим типам субъекта. Но в каждом направлении это дополняется своими особенностями. Поскольку последние применительно к исследователю и реципиенту – индивидам – известны, постольку ниже речь идет о том, что характерно в этом отношении для групповой выраженности обоих.

В групповом исследовании субъект-исследователь фигурирует в виде группы. Само же групповое исследование оказывается таковым в той мере, какой, наряду с исследовательскими действиями своего субъекта, предполагает коммуникацию его элементов по поводу всего, что касается этих действий. А такая коммуникация может быть эффективной только при условии диалогического, а точнее – полилогического – характера. Тем самым элементы субъекта группового исследования выступают в нем и исследователями, и реципиентами, и коммуникаторами.

В групповом внутрисубъектном информационном обмене группой является субъект-реципиент. Сам же групповой внутрисубъектный информационный обмен опять-таки выступает в своем качестве настолько, на-

сколько включает коммуникацию между элементами группы. Как и применительно к групповому исследованию, им затрагивается все, что имеет отношение к коллективным действиям, направленным на получение сведений от коммуникатора. При этом оно также не может не характеризоваться полилогичностью, что делает элементы реципиента-группы и реципиентами, и коммуникаторами. Однако вследствие различий между двумя направлениями познания здесь есть и нечто свое, отсутствующее у субъекта группового исследования. Речь идет о том, что элементы реципиента-группы выступают реципиентами дважды. Один раз – в своем отношении к коммуникатору, когда противостоят ему в процессе получения сведений. Другой – в отношении между собой в процессе своей внутргрупповой коммуникации.

3. Объект в системе познаваемости

Объектом в познании выступает **явление познаваемое**. Чтобы стать таковым, оно должно испытывать познавательные воздействия со стороны субъекта и на этой основе переводиться им в образы. Тем самым в отличие от собственно явления, как такового, существующего реально, объект в определенной мере создается субъектом. Исходным условием его создания служит, как отмечено, определенная потребность субъекта (сначала просто человека, затем предсубъекта), затрагивающая явление. При этом между складыванием потребности, с одной стороны, и превращением явления в объект, с другой, находится предпознание, где явление охватывается познавательным отношением, которое позволяет распространить на него познавательные воздействия, вытекающие из вопроса.

Так обстоит дело с целенаправленным познанием. Что касается познания нецеленаправленного, то, как видно из отмеченного выше, в нем объекту присущи определенные особенности. Объект предстает там в своем качестве перед субъектом помимо актуальной потребности последнего. Формирование объекта не проходит стадию предпознания, сообщающего ему первоначально статус предобъекта. Тем самым и сведения о нем в соответствующей мере оказываются для субъекта случайными. Субъект к их получению специально не стремится.

Подход к объекту на основе единства между спецификой познания как вида отражения многокачественностью всякого явления и дифференциацией структурных уровней объективной реальности позволяет обнаружить

в нем группу так называемых нетрадиционных особенностей. Это, прежде всего, своеобразие противостояния субъекту, исключаящее абсолютную пассивность, которую ему иногда, вольно или невольно, приписывают¹, и свидетельствующее об определенной его активности. Дело в том, что, во-первых, особенности объекта всегда определяют особенности его познания субъектом. Любой объект, независимо от типа, как бы диктует субъекту, какие познавательные действия и в какой последовательности предпринимать, какие средства использовать, какие условия выбирать и т.д. Во-вторых, если объектом является человек (группа людей), то, наряду с отмеченным, в зависимости от соотношения своих интересов с интересами субъекта он может непосредственно влиять на познавательные действия последнего, стимулируя либо сдерживая их. Отсюда следует, что субъект и объект выступают в познании, как более или менее близкие по своим статусам феномены. Игнорировать такую близость – значит игнорировать особенности не только объекта, но и субъекта.

Это также – своеобразие выраженности. Субъектом может быть не только определенное явление в целом, но и некоторая неотделимая от целого (механически, организовано, органически) часть такого явления. При этом другая часть (другие части), по крайней мере формально, остается за пределами познавательного отношения и познавательных действий субъекта. Фактически дело может обстоять иначе. Если части явления друг от друга неотделимы, то это обуславливает тенденцию к расширению объекта. При механической неотделимости такая тенденция выражается слабее, при органической – сильнее. Однако факт ее существования бесспорен. Тем самым к объекту тяготеет и вторая часть явления, хотя статус, приобретаемый ею, оказывается там в сравнении со статусом первой части иным. Если первая часть познается целенаправленно, то вторая – нецеленаправленно. Поэтому результат ее познания также содержит в себе определенную массу случайного. Однако поскольку, с одной стороны, части явления связаны между собой, а с другой – случайное выступает проявлением и дополнением необходимого, постольку отсюда вытекает немаловажное следствие. Речь идет о том, что эта масса может выражать некоторые особенности собственно объекта, составляющего первую часть явления – особенности, которые сами по себе не проявляются. Примеры такого рода нередки в медицинской диагностике и правоохранных следствиях.

¹ См.: *Копнин П.В.* Указю соч. – С. 70 – 74; *Лекторский В.А.* Указ. соч. – С. 183 – 190.

Это, наконец, своеобразие представленности субъекту. Известно, что такая представленность может быть непосредственной и опосредованной. При первой объект дан субъекту через органы чувств. При второй – между объектом и субъектом могут находиться одно или несколько промежуточных явлений. Все они составляют передаточные звенья от одного к другому. В качестве таких звеньев обычно указывают на модели и знаки¹. Однако этим абсолютизируется исследование как единственное направление познания, что не соответствует действительности. Если учитывать наличие в познании и другого направления – внутрисубъектного информационного обмена – то обнаруживается еще одно опосредующее звено. Это – коммуникатор, который представляет объект субъекту-реципиенту. Результаты такой представленности могут быть различными. Они зависят от соотношения интересов коммуникантов (коммуникатора и реципиента). А интересы эти могут соотноситься в широком диапазоне, лежащем между полным совпадением и полным расхождением. В первом из его крайних пределов коммуникатор стремится транслировать истинные сведения в качестве истинных, а ложные – в качестве ложных. Во втором – ложные в качестве истинных, а истинные в качестве ложных. При этом, как отмечалось, в обоих пределах реципиент всегда побуждается к определенному воздействию на коммуникатора. Хотя в процессе исследования субъект также нередко воздействует на модель и знак, тем не менее такое воздействие и получаемые в нем результаты проще того, что ему приходится делать и получать во внутрисубъектном информационном обмене. Исключение составляет лишь случай, относящийся к модели и знаку-человеку, если, разумеется, такое сочетание имеет место. В данном случае человек помимо модели и знака выступает и коммуникатором – со всеми отмеченными следствиями.

Обобщение нетрадиционных особенностей объекта показывает, что в действительности он не всегда таков, каким может казаться. Причем, вряд ли его корректно противопоставлять только субъекту. Более обоснованным представляется то, что субъект и объект как феномены познания противостоят друг другу лишь в одном отношении. За пределами последнего противостояние может охватывать объект и не объект, оба из которых складываются на основе одного явления и разделяются подвижной границей.

¹ См., например: *Штофф В.А.* Моделирование и философия. – М; Л., 1966; *Резников Л.О.* Гносеологические вопросы семиотики. – Л., 1964.

Как явление познаваемое, объект может быть материальным либо нематериальным¹. В качестве последнего выступает образ (совокупность образов). Оба характеризуются своими критериями, позволяющими различать их между собой. Как известно, все материальное обладает пространственными характеристиками, обуславливающими способность его воздействия на органы чувств. Нематериальному это не свойственно, вследствие чего субъект испытывает его воздействие опосредованно: через слова, которые произнесены или написаны, действия и результаты действий людей.

В качестве объектов познания материальное и нематериальное обладают своими особенностями. Материальный объект может относиться к неживой природе, живой природе на дочеловеческом уровне, обществу, технике. Объект нематериальный т.е. образ (совокупность образов) может быть либо фиксирующим прошлое или настоящее и не выходящим за их пределы, либо предвосхищающим будущее через отображение того, чего пока нет, но в чем человек нуждается. Последний, в отличие от первого, нацеливает на то, что уже упоминалось, а именно: **что** необходимо делать и **как** необходимо делать то, что необходимо делать. При этом независимо от вида нематериальный объект может относиться либо к индивидуальному сознанию, либо к сознанию общественному.

Как показывает единство особенностей структурных уровней объективной реальности, применительно к исходному типу материального объекта – части неживой природы, т.е. к неодушевленному предмету, активность проявляется в пределах детерминации познавательных действий субъекта, а также необходимых для этого средств и условий. Дальше этого она не простирается.

Присущая ему выраженность двояка. Объектом может быть и явление в целом, и часть явления. В последнем случае граница между частью явления-объектом и частью явления-необъектом прозрачна. Она не только разделяет две части, но и сближает их.

¹ Формально здесь напрашивается другое понятие – духовное. Оно не употребляется во избежание путаницы, возможной из-за того, что вопреки продолжающейся почти 20 лет дискуссии, его содержание не получило пока однозначного определения. – См.: *Каган М.С.* О духовном // *Вопр. философии.* – 1985. – № 9; *Федотова В.Г.* Духовное и духовное // *Философские науки.* – 1988. – № 7; *Михеева И.Н.* К вопросу о понятии "духовность" // *Философия в духовной жизни общества.* – СПб., 1997; *Катунина Н.С.* Проблема духовности человека. – Владимир, 2003 и т.д.

Опосредованная представленность субъекту¹ может основываться как на модели и знаке, так и на сведениях, транслируемых коммуникатором. При этом коммуникатор способен проявлять к объекту свой интерес, отличающийся от интереса субъекта-реципиента. Это соответствующим образом отражается на познании.

Применительно к материальному объекту – части живой природы, т.е. живому существу на дочеловеческом уровне, активность проявляется в детерминации характера познавательной деятельности субъекта, а также необходимых средств и условий. Формально она совпадает с активностью предыдущего типа. Содержательно – имеет отличия, обусловленные отличиями живого от неживого. Поэтому ей присуще и другое проявление. И хотя последнее оказывается здесь частичным, тем не менее распространено относительно широко. Речь идет об упомянутом стимулировании либо сдерживании познавательных действий субъекта и сообщении им определенной направленности, скорости и т.д., свойственных живым существам, которые имеют нервную систему и обладают психическим отражением. Разумеется, оно не тождественно тому, что присуще в этом отношении человеку, ибо человек зачастую приспосабливает окружающие условия к своим потребностям, тогда как животное обычно само приспосабливается к ним. Однако отрицать его невозможно. Иначе пришлось бы отрицать и всю качественную определенность психического отражения, отличающую его от отражения допсихического.

Выраженность этого типа объекта близка к тому, что присуще выраженности объекта-неодушевленного предмета. Правда, в большей мере близость свойственна ее первой стороне, где связана с тем, что объект способен выступать в качестве и явления в целом, и части явления. Что касается второй стороны, то с ней дело обстоит иначе. Граница между частью явления-объектом и частью явления-необъектом может не только сближать обе части, но и разъединять их. Последнее также порождается особенностями психического отражения.

Опосредованная представленность субъекту в определенной мере совпадает здесь с тем, что свойственно объекту-неодушевленному предмету. Совпадение затрагивает модель, знак и коммуникатора как носителей информации об объекте. Однако наряду с совпадением между ними существует и расхождение. Оно связано с тем, что коммуникатором в определен-

¹ Непосредственная представленность ни здесь, ни далее не рассматривается, ибо независимо от отмеченных особенностей объекта она всегда выступает в неизменном качестве – чувственной данности.

ной степени может оказаться и сам объект. Последнее относится не только к говорящим птицам: попугаям, скворцам, воронам и т.д., но и к части высших млекопитающих, которые способны в ответ на определенные действия человека целенаправленно передавать информацию о себе, включая в нее как истинные, так и ложные образы, т.е. обманывая¹.

У материального объекта-человека (части общества) проявлением активности служит прежде всего детерминация познавательных действий субъекта в той мере и в том виде, как это свойственно живому существу на дочеловеческом уровне. Вместе с тем здесь в отличие от последнего полностью проявляется все, что стимулирует либо сдерживает такие действия. Полностью проявляются здесь и свойственные этим действиям направленность, скорость и т.д. Непосредственной причиной обоих проявлений служит осознанное стремление людей к тому, чтобы подвергаться или не подвергаться познанию. Причиной опосредованной выступают их потребности и интересы, которые воплощаются в мировоззрении, политических и идеологических приверженностях и т.д. Обе причины могут характеризоваться дифференцированностью, многовариантностью и взаимосвязью в зависимости от того, как у каждого индивида личное соотносится с общественным – групповым, классовым, человеческим. Своеобразным проявлением последнего выступает случай, когда объект и субъект соединяются в одном человеке. Активность человека как объекта задается в нем потребностью человека как субъекта. Потребность же человека как субъекта в определенной мере задается активностью человека как объекта. При этом каждое постоянно переходит в другое, и оба одновременно совершают и испытывают взаимную корректировку.

Выраженность внешне совпадает здесь с тем, что свойственно объектам, рассмотренным выше. Речь идет о возможности объекта быть и явлением в целом, и частью явления, а также о соответствующей роли границы между ними. Внутренняя выраженность имеет свои особенности, связанные с тем, что сближающая и разъединяющая характеристики границы оказываются более четкими. Они охватывают большее число направлений и отличаются большей глубиной, что обусловливается качеством общества как высшего структурного уровня объективной реальности.

Опосредованная представленность субъекту внешне также по ряду показателей совпадает здесь с тем, что свойственно предыдущему типу объекта. Совпадение, наряду с наличием модели и знака, затрагивает и коммуникатора, и способность выступать в качестве последнего, присущую

¹ См.: Линден Ю. Обезьяны, человек и язык. – М., 1981.

самому объекту. Что касается внутреннего отношения, то вследствие особенностей человека и общества оно связано с определенными расхождениями. Во-первых, коммуникатор-объект распространен здесь не менее широко, чем коммуникатор – не объект. Во-вторых, оба способны сочетать "правдивые" и обманные коммуникативные действия, делая это как намеренно, так и ненамеренно. В-третьих, при соединении в одном лице субъекта и объекта возможна автокоммуникация. Если к тому же ею преследуется достижение субъектом-объектом благоприятного эмоционального состояния, то не исключены случаи самообмана, преодолеть который порой оказывается труднее, чем намеренный обман¹.

Переходя к нетрадиционным особенностям материального объекта – технического устройства, необходимо иметь в виду, что, с одной стороны, последний относится к неживой природе. В этом отношении он близок к объекту-неодушевленному предмету. Но, с другой стороны, он создан человеком в качестве средства реализации своей цели. Отсюда вытекает следующее.

В большинстве моментов рассматриваемому типу присуще то же, чем обладает объект-неодушевленный предмет. Речь идет о проявлении активности через детерминацию особенностей познавательной деятельности субъекта; о выраженности в виде явления в целом и в виде части явления; об опосредованной представленности субъекту через модель, знак и коммуникатора.

Однако здесь обнаруживаются и моменты, близкие к тому, что относится к объекту-человеку (части общества). Они затрагивают главным образом активность и проявляются в том, что определенные явления, выступающие в качестве объектов данного типа, способны либо стимулировать, либо сдерживать познавательные действия субъекта, обуславливая при этом также скорость и направленность последних. Примером явления первой группы служит витафон. Результаты его испытания расширяют возможности лечения различных заболеваний, перечень которых окончательно еще не установлен. Поэтому чем больше будет известно о витафоне, тем более благоприятными окажутся перспективы борьбы с болезнями. Пример явления второй группы составляет ядерное оружие. Разумеется, его испытание, подобно исследованию витафона, способно обеспечить людей важными сведениями. Но побочным результатом этого процесса

¹ См.: Андрюшенко М.Т. Познание и освоение. – С. 56; Он же. Очерки по теории познания. Ч. 1. – С. 164 – 169.

становится физическая и духовная деградация человека, часто несоизмеримая с тем положительным, что может быть здесь получено.

Переход к объекту-нематериальному образованию также требует предварительных замечаний. Из отмеченного выше следует, что он отличается заметной сложностью, дающей основание рассмотреть его специально и установить все присущее каждой его разновидности. Но такое действие выходит за пределы решаемой задачи. Поэтому нематериальное как объект рассматривается сейчас в общем виде безотносительно к особенностям своих разновидностей. Основой рассмотрения служит то, что оно имеет место главным образом в обществе и проявляется через материальное – в том числе слова, действия и результаты действий своих носителей¹.

Обобщая сказанное, видим, что по ряду моментов, составляющих нетрадиционные особенности объект-нематериальное образование близок к материальному объекту-части общества. Применительно к активности близость проявляется через детерминацию познавательных действий, а также их стимулирования, сдерживания, скорости протекания и направленности. Применительно к выраженности – через способность быть либо явлением в целом, либо – частью явления. Применительно к опосредованной представленности субъекту – через действия коммуникатора с их "правдивым" и обманным характером.

Но у объекта-нематериального образования обнаруживаются и свои неповторимые черты. Так, показатели, характеризующие его активность, определяются не только собственно им, но и принадлежащим ему материальным носителем. Чаще таковым выступает индивид, реже – группа. Выраженность, наряду с отмеченным, связана и с тем, что, когда объектом оказывается часть явления, то в большинстве случаев ее трудно отделить от части явления-необъекта. Это опять-таки чаще имеет место применительно к материальному носителю – индивиду и реже применительно к материальному носителю группе. Что касается опосредованной представленности субъекту, то она здесь абсолютно доминирует над представленностью непосредственной. Последняя имеет место лишь тогда, когда субъект познания объекта выступает одновременно и его материальным носителем, т.е. в случаях самопознания человека. Равным образом дело обстоит и с автокоммуникацией со всеми ее следствиями. То и другое возможно только там, где субъект познания нематериального одновременно материализирует его в своих словах, действиях и результатах действий.

¹ Нематериальное имеет место и применительно к животным, обладающим психикой. Однако обращение к нему также выходит за пределы решаемой задачи.

Все, о чем до сих пор шла речь, относится к объекту познания, которому свойственно единое с субъектом пространство и единое же (настоящее) время. Но среди объектов не исключены и такие, которые находятся в ином пространстве и ином (прошлом, будущем) времени, нежели субъект. Подобно тому, что рассматривалось выше, они могут относиться и к неживой природе, и к живой природе, и к обществу, и к технике, и к нематериальной сфере.

Чем же такие объекты отличаются от рассмотренных? Без нахождения ответа адекватно представить объект как таковой в системе познаваемости невозможно. А ответ в общем обнаруживается на основе единства между тем, что отмечено выше, и релевантными положениями, относящимися к пространству и времени. Такие положения, с одной стороны, затрагивают их фундаментальные свойства: протяженность и структурность пространства, течение и длительность времени. С другой – восприятие последних. Речь идет о том, что протяженность и структурность материального явления воспринимаются человеком через органы чувств, возможности которых ограничены его биологическими особенностями. Течение и длительность, относящиеся ко времени бытия конкретных явлений, человек воспринимает на основе соотнесения с течением и длительностью времени собственного бытия, которое также ограничено по биологическим причинам¹.

Такова общая основа ответа. По ряду отдельных моментов ее можно конкретизировать. Но в данном случае, для решения поставленной задачи такая конкретизация не обязательна. Из приведенной основы вытекает следующее.

Иным пространством по отношению к пространству, занимаемому в данное время субъектом, выступает для него то, в котором восприятие протяженности и структурности объекта выходит за пределы возможностей его органов чувств. Такой объект может быть познан на основе своей представленности в пространстве субъекта – представленности, которая способна быть непосредственной и опосредованной.

Первая имеет место либо при установленном сходстве между некоторым явлением, находящимся в том же пространстве, что и субъект, и объектом, существующим в ином пространстве. Либо – при аналогичном отношении между двумя частями одного и того же явления, если объект составляет его часть, которая занимает иное пространство. Примером по-

¹ См.: *Ананьев Б.Г.* Пространственные различия. – Л., 1955. – С. 7 – 12, 27 – 35; *Свидерский В.И.* Пространство и время. – М., 1958. – С. 18 – 26, 39 – 44; *Аскин Я.Ф.* Проблема времени. Ее философское истолкование. – М., 1966. – С. 129 – 137, 185 – 191.

следнего могут служить соответствующие объекты – части явлений, расположенные в невоспринимаемых субъектом районах земной поверхности, водного бассейна и т.д. Вследствие такой представленности субъект получает определенное основание экстраполировать свойства того, что находится в едином пространстве с ним, на то, что пребывает в ином пространстве.

Вторая разновидность представленности имеет место при использовании так называемых продолжений органов чувств. Это – приборы и средства связи. С их помощью субъект фиксирует следы и знаки явлений, занимающих иное пространство, и на этой основе мысленно воссоздает сами явления. Одним из средств такого воссоздания также выступает экстраполяция.

Иным временем по отношению к времени, в котором пребывает субъект (настоящему), предстает то, где течение и длительность бытия определенного явления (объекта) не совпадают с течением и длительностью его собственного бытия. Познать это явление (объект) можно на основе его представленности во времени субъекта – представленности, которая также выступает как непосредственная и опосредованная, и каждая из них имеет свои особенности применительно к прошлому и будущему.

Непосредственная представленность в настоящем явлении прошлого возможна через то, что от него осталось. А как показывает многовековой человеческий опыт, к таким останкам относятся отдельные части явления (неодушевленного предмета, живого существа и т.д.), его следы – в чем-то совпадающие с ним, в чем-то расходящиеся – и образы. Однако познаются в данном случае не они (они тоже могут познаваться, но это – нечто иное в сравнении с тем, о чем идет речь), а то, что ими представляется. Они лишь опосредуют познаваемое и тем самым, как сказано, представляют его.

Относительно близка к этому непосредственная представленность в настоящем явления будущего. Она оказывается возможной через то, что, относясь к настоящему, обладает тенденцией перехода в будущее. К ее средствам относятся соответствующие материальные и нематериальные явления, среди которых определенное место принадлежит образам, сформированным на основе так называемого опережающего отражения¹. Но познаются (выступают объектами) опять-таки не они, а то, что ими представляется.

¹ См.: Кардашева А.С. Опережающее отражение действительности и время // *Вопр. философии*. – 1981. – № 7; Она же. Опережающее отражение в контексте проблемы времени // *Ленинская теория отражения в свете развития науки и практики*. Т. 2. – София, 1981.

В обоих случаях с представляющего на представляемое экстраполируются определенные сведения. При этом сама экстраполяция в еще большей мере, чем при пространственной разделенности субъекта и объекта, требует здесь неукоснительного учета совпадения и расхождения того и другого. Иначе она не даст желаемого результата¹.

Различия между прошлым и будущим, равно как между феноменами, представляющими объекты, которые относятся к тому и к другому, накладывают на познание последних соответствующие отпечатки. Речь идет о том, что объект-часть будущего предполагает иные познавательные действия, нежели объект-часть прошлого. Так, в начале познания, т.е. в начале выступления в своем качестве, он обладает весьма малой четкостью. Но по мере того, как познание протекает, в нем при прочих равных условиях быстрее, чем в объекте-части прошлого, обнаруживаются неизвестные ранее особенности. Одна из причин отмеченного состоит в том, что действия субъекта усиливаются здесь направленностью времени, тогда как при познании объекта-части прошлого, действия субъекта ею ослабляются.

Сказанное не означает безоговорочного принятия утверждения, будто "переходящее в прошлое событие теряет предикаты", а "переход в будущее есть процесс приобретения предикатов"². В действительности приобретение предикатов, относящихся к тому или иному явлению, есть не автоматический процесс, а результат его познания, выступающего во всем многообразии познавательных действий субъекта. Поэтому любой объект независимо от того, чем является: частью прошлого или частью будущего – всегда приобретает предикаты в той мере, в какой познается. Объект-часть будущего ничем не отличается в этом отношении от объекта-части прошлого. Принадлежность к будущему и прошлому лишь накладывают на это определенные внешние отпечатки. Первое такое приобретение ускоряет, ибо объект, оставаясь частью будущего, тем не менее все более приближается к настоящему. Второе – напротив, такое приобретение замедляет, ибо объект, оставаясь частью прошлого, все более отдаляется от настоящего.

Опосредованная представленность в настоящем возможна только применительно к явлениям прошлого. Она складывается при использовании того, что с некоторой условностью также можно назвать средствами связи.

¹ См.: Андрусенко В.А., Пивоваров Д.В., Алексеев А.С. Экстраполяция в научном познании. Специфика и проблемы правильности. – Иркутск, 1986. – С. 11 – 19.

² Анисов А.М. Темпоральный универсум и его познание. – М., 2000. – С. 157, 158.

Речь идет об определенных письменных источниках и дополняющих их явлениях типа магнитных пленок. Но в своем виде они оказываются не всегда, а лишь когда имеют конкретных адресатов. Последние выступают в качестве реципиентов, а авторы, создавшие источники – в качестве коммуникаторов со всеми вытекающими отсюда и отмеченными выше следствиями. Одним из примеров подобного рода может служить известное письмо Н.И. Бухарина, написанное незадолго до ареста и казни и адресованное "Будущему поколению руководителей Коммунистической партии"¹.

Если адресаты отсутствуют, то источник указанного вида не приобретает. Он не выходит за пределы останков либо следов некоторого явления, т.е. оказывается выражением непосредственной представленности прошлого в настоящем.

Итак, чем же отличается объект, находящийся в иных, нежели субъект, пространстве и времени, от объекта, имеющего одинаковые с субъектом пространственную и временную характеристики? Единство отмеченного позволяет ответить на этот вопрос следующим образом. Такой объект всегда представлен субъекту через другие явления (в том числе через коммуникатора), вследствие чего несет на себе отпечатки представляющего. Причем такая представленность сочетается с представленностью, о которой речь шла выше, и которая отражает пребывание объекта в едином с субъектом пространстве и времени. Это усложняет его познание и ставит перед субъектом дополнительные задачи. Последние образуют предмет специального рассмотрения, выходящего за рамки настоящей работы. Поэтому здесь они только упоминаются.

4. Единство субъекта и объекта в системе познаваемости

Из того, о чем шла речь, следует, что субъект оказывается в своем качестве, когда познает объект, а объект – в своем, когда познается субъектом. Иначе говоря, качество каждого обуславливается его взаимоотношением с другим. Поэтому не может быть субъекта без объекта, равно как объекта без субъекта. Такова суть их единства.

Из того, о чем шла речь, следует также, что это единство имеет соответствующие проявления, через которые может быть воспринято. Одно

¹ См.: Коев С. Бухарин. – М., 1992. – С. 439 – 440.

из таких проявлений составляет пространственно-временная определенность в том виде, как она представлена выше. Хотя в первую очередь единством охватывается собственно познание как приобретение субъектом новых для себя сведений об объекте, тем не менее такой охват не может ограничиваться только указанным процессом. Причина в том, что основу познания составляют вопрос и познавательное отношение, которые формируются в предпознании. Поэтому предпознание фактически также охватывается единством субъекта и объекта, хотя применительно к нему тот и другой еще не успевают принять собственно познавательные статусы, выступая лишь предсубъектом и предобъектом. Но именно вследствие своей распространенности на оба этапа образного отражения единство двух феноменов и приобретает присущую себе неповторимость.

Другим проявлением такого рода служит взаимоотношение, образующее непосредственную основу познавательных действий. Субъект полагает объект, задавая тому своей потребностью проявление и сочетание конкретных показателей. Это, во-первых, тип: неодушевленный предмет; живое существо на дочеловеческой уровне; часть общества, в том числе человек со своим мировоззрением, политическими и идеологическими приверженностями, и т.д.; технические устройства; нематериальное образование. Во-вторых, выраженность, касающаяся того, выступает ли объект явлением в целом, либо – частью явления. В-третьих, необходимая для познания представленность. Она, как отмечено, может быть непосредственной либо опосредованной. В последнем случае ее средством выступают либо модель и знак (в исследовании), либо – коммуникатор (во внутрисубъектном информационном обмене).

Полагание объектом субъекта идет тем же путем, хотя и имеет отличия. В частности, объект своими показателями, заданными субъектом на основе его потребности, задает теперь проявление и сочетание соответствующих показателей субъекту же. Это, во-первых, конкретный тип, т.е. общество, группа, индивид, воплощающийся в реализации соответствующих возможностей. Во-вторых, набор средств познания, относящийся в каждом случае к конкретному виду. В-третьих, квалификация (необходимая для познания любого объекта), с одной стороны, и мировоззрение, политические и идеологические приверженности и т.д. (необходимые для познаний объекта – части общества и объекта-нематериального образования), с другой, относящиеся к групповому, но в еще большей мере к индивидуальному проявлению.

Взаимополагание каждым феноменом другого может иметь либо все три, либо меньшее число показателей. Тем самым оно приобретает различ-

ную степень прочности, которая сказывается на познании, в частности, облегчая или затрудняя его. Прочность полагания в каждом случае обуславливается переплетением различных причин – как внутренних, так и внешних. Но в любом на передний план выступает одна. Она обнаруживается на основе неотделимости друг от друга того, что в равной мере затрагивает и субъект, и объект, а именно: объективной реальности и форм ее существования; человека и его мировоззрения; двух или нескольких образований, находящихся в определенном отношении. Эта основа показывает, что такой причиной выступает соответствие (или, по крайней мере, отсутствие расхождения) между пространственно-временной и мировоззренческой (с ее политическими, идеологическими и другими проявлениями) характеристиками субъекта, с одной стороны, и аналогичными характеристиками (либо вытекающими из них следствиями) объекта, с другой.

Чем такое соответствие больше, тем при прочих равных условиях выше степень прочности взаимоотношения. А чем выше степень его прочности, тем меньше препятствий в своем складывании и существовании оно испытывает и тем в более широких пределах разворачивается. Однако, как видно из всего, о чем шла речь, такие препятствия не только существуют, но и своим существованием отражают реальный характер того, к чему относятся. Ими и детерминируются конкретные пределы, которые в тех или иных случаях присущи взаимоотношению.

Пределы, обусловленные пространственно-временными характеристиками субъекта и объекта, охватывают систему "субъект (во всех типах) – объект (во всех типах)". Если такие характеристики у обоих совпадают, то в данном отношении их взаимоотношение пределов не имеет. Если же они расходятся, то это сообщает пределам взаимоотношения соответствующую выраженность.

Объект, находящийся в ином пространстве нежели то, в котором пребывает субъект, полагается им в представленном применительно к занимаемому собой пространству виде настолько, насколько представленный вид может служить удовлетворению его потребности. Что касается полагания субъекта объектом, существующем в ином, нежели то, в котором находится субъект, пространстве, то с ним дело обстоит следующим образом. Если объект выступает неодушевленным предметом и живым существом на дочеловеческом уровне, а также в большинстве случаев техническим устройством, то полагает субъекта так же, как тот на основе своей потребности полагает его. Если же выступает человеком (частью общества), то помимо отмеченного полагает субъекта еще и настолько, насколько, с одной стороны, заинтересован в познании им себя в представленном ви-

де. С другой – настолько, насколько заинтересован в познании себя субъектом не вообще, а в том виде, каком субъект представлен ему, объекту.

Объект, находящийся в прошлом либо в будущем времени, полагается субъектом в том виде и тех пределах, каких, оказываясь представленным субъекту в настоящем, тот способствует удовлетворению его потребности. То же свойственно и полаганию субъекта объектом, находящимся в будущем. Полаганию субъекта объектом, находящимся в прошлом, присуще следующее. Если таким объектом выступает неодушевленный предмет, живое существо на дочеловеческом уровне, техническое устройство, а также человек, которому при жизни безразлично, станет ли он после нее объектом чьего-либо познания, то им субъект полагается так же, как тот полагает его и как отмечено выше. Если же им оказывается человек, заинтересованный при жизни в том, чтобы после нее стать объектом познания, то, наряду с отмеченным, его полагание субъекта дополняется тем, что отмечено применительно к нахождению объекта-человека в ином, нежели субъект, пространстве. С одной стороны, он полагает субъекта настолько, насколько заинтересован в познании себя в представленном тому виде. С другой – настолько, насколько заинтересован в познании себя субъектом не вообще, а в том виде, каком субъект представлен ему, объекту, при жизни последнего.

Сказанное подтверждается посланиями, сознательно адресуемыми их авторами людям будущего. Вот начало поэмы В.В. Маяковского "Во весь голос".

Уважаемые
товарищи потомки!
Роясь
в сегодняшнем
окаменевшем дерьме,
наших дней изучая потемки,
вы,
возможно,
спросите и обо мне...
И далее:
Я, ассенизатор
и водовоз,
революцией

мобилизованный и призванный,
ушел на фронт
из барских садоводств
поэзии –
бабы капризной¹.

Обращаясь к потомкам в целом, т.е. полагая будущего субъекта предельно широко, объект делает это на основе представленности его себе как образования с едиными политическими и моральными ценностями – такими, которые в своем времени разделяет и он. Вместе с тем объект и себя представляет субъекту таким, каким сам представляется себе. Но в его полагании и представлении не учитывается (и не может учитываться из-за различия времен) то представление, которое сложится у потомков о нем в их времени, и будет отличаться от того, как он представляет себя себе, находясь в своем времени, равно как и то, чем реальные потомки будут отличаться от его представления о них (окажется ли, в частности, он им интересен).

Это в определенной мере свойственно и упомянутому письму Н.И. Бухарина к будущему поколению руководителей Коммунистической партии. Хотя будущий субъект полагается там очень определенно, но в основном он совпадает с тем, что имеет место у В.В. Маяковского.

Помимо различия времен послания такого рода могут касаться и различия пространств, приобретая в связи с этим соответствующие особенности. Те и другие представляют несомненный интерес не только для теории познания, но и для онтологии, логики, социальной философии, этики и т.д. и поэтому требуют к себе специального обращения. Сейчас речь о них идет в общем виде в соответствии с решаемой здесь задачей.

Пределы, обусловленные мировоззренческими характеристиками субъекта и объекта, могут сложиться в системе "субъект (индивид, группа) – объект (человек, общественное явление, нематериальное образование)". Но в отличие от последствий, к которым ведут отношения между пространственными характеристиками, совпадение мировоззренческих характеристик того и другого автоматически не влечет за собой отсутствия пределов в их взаимоположении. Равным образом расхождение между мировоззренческими характеристиками автоматически не порождает обязательного наличия таких пределов. Пределы не исключены применительно к обоим случаям. В общем объект, как одно из средств удовлетворения

¹ *Маяковский В.В.* Избранные произведения. – М., 1986. – С. 140.

своей потребности, полагается субъектом настолько, насколько это согласуется с его мировоззрением и вытекающими отсюда политическими и идеологическими установками. В частности же полагание объекта может определяться двумя более конкретными факторами. Один выражает необходимость выявления его положительных, по убеждению субъекта, особенностей. Другой – отрицательных. При прочих равных условиях первый фактор приобретает решающее значение, если субъект и объект обладают тождественными мировоззрениями и тождественными же политическими и идеологическими приверженностями. При этом оба могут быть закреплены организационно в виде членства в одной политической партии. Второй фактор становится решающим, если субъект и объект обладают несовместимыми мировоззрениями, равно как несовместимыми политическими и идеологическими приверженностями.

Субъект в рассматриваемом отношении полагается объектом настолько, насколько, исходя из своего мировоззрения, равно как политических и идеологических приверженностей, последний заинтересован быть познанным первым. В принципе, заинтересованность распространяется на то, что объект считает в себе положительным. Не распространяется на то, что квалифицирует как отрицательное.

Одним из подтверждений сказанному служит то, что в советском обществоведении исторические личности, лояльные к марксизму-ленинизму либо к политике КПСС и Советского государства, отражались в целом положительно. Их негативные черты замалчивались, а иногда и отрицались. Нелояльные – удостоивались отрицательного отражения либо не отражались вообще. Примером первых помимо деятелей революционного движения могут служить Насер, Альенде, Арафат, Глезос. Примером вторых – Николай II, Керенский, Гитлер, Пиночет. При этом, естественно, и само отражение в обоих случаях не могло быть объективным.

Итак, соответствие между пространственно-временными и мировоззренческими характеристиками субъекта, с одной стороны, и объекта, с другой, обуславливает их взаимоотношение, а затем и взаимодействие, которое основывается на взаимоотношении и проявляется через познание. Если оно отсутствует или оказывается недостаточным, то ни взаимоотношения двух феноменов, ни тем более познания не произойдет.

Что касается компенсирующих действий, проводимых уже в процессе познания, то вообще они не исключены. Но вряд ли их можно абсолютизировать, ибо познание основывается на полагании. Если же основа недостаточна, то недостаточность затрагивает и обосновываемое. В отдельных случаях, правда, компенсация возможна через направленное использова-

ние определенных средств: духовных (рецептурных правил, методики, методологии, требований, стиля мышления) и материальных (приборов, катализаторов), которые соответствуют направлению (исследованию, внутрисубъектному информационному обмену), типу (научному, обыденному, практическому, художественному), виду (естественному, социально-гуманитарному, техническому, логико-математическому), а также субъекту, объекту, цели и условиям познания. Но она не может быть полной, ибо направляется на предметы, обусловленные различными причинами, среди которых немало выходящих за пределы познания.

От направленности компенсации в немалой степени зависит ее эффективность. При прочих равных условиях она может оказаться более эффективной, будучи направленной на то, что порождено расхождением пространственно-временных характеристик. Менее – на то, что порождено расхождением характеристик мировоззренческих.

Однако из факта отсутствия либо недостатка отмеченного соответствия не следует, будто субъект и объект в данном случае взаимоотрицают друг друга. Предыдущее изложение показывает, что взаимоотрицание двух феноменов составляет особенность их единства в целом – особенность, равновеликую пространственно-временной определенности и взаимополаганию. В соответствии с их содержанием взаимоотрицанию субъекта и объекта свойственна другая выраженность. Во-первых, оно возможно только на основе взаимополагания равно как и в его пределах. Если субъект и объект не будут взаимополагать друг друга, то не смогут друг друга и взаимоотрицать. Во-вторых, взаимоотрицание субъекта и объекта возможно только в процессе взаимодействий, т.е. в процессе познания, и выражается оно там через утрату каждым своего качества, в котором он выступал до этого к другому. Иначе говоря, объект отрицается субъектом тем, что переводится в образ (образы), т.е. познается и оказывается вследствие этого частью его самого. Субъект отрицается объектом тем, что перестает существовать для него как некое начало, которое ему противостоит и подвергает своему воздействию. Общим результатом взаимоотрицания двух феноменов становится их соединенность в одном, новом феномене, выражающем единство познанности и способности к удовлетворению потребности. При этом обязательным условием взаимоотрицания является определенное отношение между находящимися в нем феноменами. Так, объект всегда должен быть обращен к субъекту только одним из своих типов – тем, который затрагивается потребностью субъекта. Это или неодушевленный предмет, или живое существо на дочеловеческом

уровне, или человек и т.д. Субъект, напротив, всегда должен быть обращен к объекту всеми своими типами. Это и общество, и группа, и индивид.

Как видно из сказанного, взаимоотношение начинается между человеком и явлением. Затем охватывает предсубъект и предобъект. В полной же мере проявляется на основе превращения этих феноменов в собственно субъект и объект – превращения, в котором и происходит их взаимное отрицание. При этом содержание последнего показывает, что оно осуществляется в некоторой системе, образованной взаимодействием двух феноменов, где оба фигурируют в качестве компонентов. Система же, включающая явление, сообщает ему новые особенности – такие, которые отсутствуют у него до вхождения туда и которые обуславливаются взаимовлиянием между тем, что туда входит¹. Тем самым субъект в качестве компонента системы отличается от человека, находящегося вне ее. Равным образом объект в качестве компонента системы отличается от явления, находящегося вне ее. Это подводит к вопросу о том, как пребывание субъекта и объекта в системе воздействует на их выраженность и каковы отличия субъекта от человека, находящегося вне познания, равно как и отличия объекта от явления, также находящегося вне познания. Причем, естественно, речь идет об отличиях объекта, выступающих таковыми для субъекта в том виде, как они воспринимаются им на основе всех особенностей, которые отмечены выше. Речь идет и об отличиях субъекта, выступающих таковыми для объекта-человека в том виде, как последний воспринимает их на основе особенностей, которые также отмечены выше. Ответ обнаруживается исходя из всего, что в данном случае оказывается связанным между собой, а именно: субъекта, объекта и системного характера их отношений. Это единство показывает следующее.

Субъект (еще раньше предсубъект) в процессе взаимоотношения формирует для себя объект (еще раньше предобъект) на основе своей потребности, беря его в определенном отношении, которое придает ему соответствующее качество. При этом субъектом могут приниматься во внимание только некоторые особенности объекта – те, которые соответствуют удовлетворению его потребности и обнаруживаются в пределах взятого отношения. Другие особенности, поскольку они не связаны с удовлетворением потребности, могут не замечаться, вследствие чего могут не замечаться и те связи, которые существуют между особенностями замечаемыми и особенностями незамечаемыми. Кроме того, на основе своей потребности и стремления к ее удовлетворению субъект может усматривать в объекте

¹ См.: *Афанасьев В.Г.* Системность и общество. – М., 1980. – С. 26 – 30, 73, 74.

то, чего на самом деле в нем нет, и воспринимать замечаемое через призму усматриваемого.

Что касается объекта (предобъекта), то с ним дело обстоит следующим образом. Объект вообще, безотносительно к тому, чем является, причастен, как отмечено, к детерминации стратегии и тактики познания его субъектом. Тем самым действия субъекта, связанные с формированием для себя объекта, в определенной степени детерминируются самим объектом. Иначе говоря, способствуя формированию субъекта (через детерминацию его действий), объект, оказываясь связанным с ним, в соответствующей степени способствует детерминации и самого себя.

Если объект выступает в качестве человека, то раскрывается субъекту настолько, насколько это согласуется с его интересами. А как видно из многообразия отношения человеческих интересов, стремление к полному самораскрытию оказывается одним из частных случаев такой согласованности.

Системный характер отношения между субъектом и объектом накладывает на них еще один отпечаток. Он обуславливается целостностью всякой системы. Последняя, наряду с прочим, способствует тому, что одна группа связей, охватывающих каждый феномен, оказывается более заметной. Другая – как бы отходит на задний план. Применительно к субъекту вторую группу образуют связи между ним самим и тем, что находится за пределами системы, а также между объектом и тем, что находится за пределами системы. Применительно к объекту-человеку ее образуют связи между ним и тем, что находится за пределами системы, равно как между субъектом и тем, что находится за пределами системы.

Итак, системный характер взаимосвязи двух феноменов, охватывающий их взаимоположение и взаимоотрицание и выражающий их единство, ведет к тому, что между объектом и его образом (образами) не исключены расхождения. Образ не может быть всегда абсолютно тождественным объекту. С одной стороны, определенные особенности последнего в нем не запечатлеваются. С другой – в нем способно запечатлеваться нечто такое, что объекту не свойственно.

Этот факт порождает ряд вопросов, затрагивающих как познание, так и другие виды деятельности. Но поскольку поиск ответов выходит за пределы решаемой задачи, постольку требует к себе специального обращения. Сейчас дело ограничивается его упоминанием.

Все оказанное о единстве субъекта и объекта относится к целенаправленному познанию. Однако единство обоих феноменов не может не относиться и к познанию нецеленаправленному. Иначе последнее оказалось

бы невозможным. Особенности единства такого рода, связанные с нецеленаправленным познанием, обнаруживаются на основе сопоставления отличий нецеленаправленного познания от познания целенаправленного, а также выявленных особенностей единства субъекта и объекта в целенаправленном познании. Это сопоставление показывает, что применительно к нецеленаправленному познанию такое единство в общем характеризуется следующим.

Взаимополагание субъекта и объекта не имеет здесь строгого сочетания показателей. Субъект, например, полагается объектом главным образом в третьем показателе, выражающем, как сказано, его, субъекта, квалификацию, с одной стороны, и мировоззренческие, политические и идеологические приверженности, с другой. Что до объекта, то с его полаганием субъектом дело обстоит следующим образом. По крайней мере, в начале какое-либо полагание, направленное на него со стороны субъекта, отсутствует вследствие отсутствия у того соответствующей потребности. Позже полагание становится возможным в той мере, какой такая потребность появляется и осознается. При этом она может затрагивать все три показателя, хотя через каждый из них выражается слабее, чем применительно к целенаправленному познанию.

Соответствующее выражение приобретают и пределы, обусловленные соотношением характеристик субъекта и объекта. Соотношение характеристик пространственных порождает здесь те же следствия, что и в целенаправленном познании. Применительно к соотношению временных характеристик решающим является то, в какой вид деятельности нецеленаправленное познание вплетается. Если таким видом оказывается оценочный либо ориентационный, тогда это соотношение порождает те же следствия, которые складываются в целенаправленном познании. Близким образом обстоит дело и при его вплетенности в преобразовательную деятельность. Исключение составляет здесь объект, находящийся в прошлом, который полаганием не охватывается. Что касается пределов, обусловленных вплетенностью нецеленаправленного познания в прошлую познавательную деятельность, то пределы полагания в общем совпадают здесь с тем, что имеет место при его вплетенности в деятельность оценочную и ориентационную. Но при этом не исключены некоторые частные моменты, связанные с присущими ему направлениями (исследованием и внутрисубъектным информационным обменом), типами (научным, обыденным, практическим, художественным) и видами (естественным, социально-гуманитарным, техническим, логико-математическим). Сейчас вви-

ду своего частного характера они специально не рассматриваются. Дело ограничивается их упоминанием.

Пределы полагания, обусловленные соотношением мировоззренческих характеристик субъекта и объекта, совпадают здесь с пределами, обусловленными соотношением их пространственных характеристик. А поскольку последнее в нецеленаправленном познании совпадает с тем, что имеет место в познании целенаправленном, постольку все отмеченное применительно к тому, в данном случае также повторяется.

Система, включающая субъект и объект и обуславливающая их взаимное влияние, здесь существует. Но она выражена слабее. Хотя субъект и берет объект в определенном отношении, которое может способствовать игнорированию в нем одних особенностей и приписыванию ему других, тем не менее это обычно имеет место на основе не сложившейся (или недостаточно сложившейся) потребности, а своеобразия его базиса осмысления и прошлого опыта. Что касается объекта-человека, то, попав во внимание субъекта случайно, помимо своего желания, он не может направлять познавательные действия последнего. В итоге здесь нет четкой направленности в воздействии ни системы на компоненты, ни компонентов друг на друга.

5. О некоторых условиях познаваемости субъектом объекта

Совокупность всего рассмотренного показывает следующее. В пределах общей возможности, обеспечиваемой тождеством мышления и бытия, а также вплетенностью познания в практику, познаваемость предполагает и более частные условия, которые складываются на пересечении тенденций, корнящихся в особенностях субъекта, объекта и их единства. Соответственно этому они и группируются.

5.1. Условия от субъекта

5.1.1. Степень взаимного соответствия типов. Чем субъект-общество, субъект-группа и субъект-индивид более соответствуют друг другу в своих показателях, тем при прочих равных условиях выше познаваемость объекта. Такое соответствие затрагивает прежде всего потребности, средства их реализации и действия, направленные на эту реализацию. Причем речь идет не только о существовании отмеченных показателей, но и об их осознании теми, кому они принадлежат. С другой стороны, само затрагивание их соответствием может применительно к отдельным типам субъекта иметь свои особенности. Так, за действиями субъекта-индивида и частично

субъекта-группы стоит квалификация. За действиями субъекта-общества (осуществляемыми непосредственно индивидами) стоят потребности и средства.

5.1.2. Степень единства, складывающегося между типами и затрагивающего их показатели. Чем более субъект-общество, субъект-группа и субъект-индивид охвачены таким единством, тем большей целостностью обладает субъект как таковой, и тем, при прочих равных условиях, выше познаваемость объекта. Сама целостность проявляется, с одной стороны, в характере сочетания типов, где выступает как механическая, организованная, либо органическая. С другой – в отношениях между типами: координации и субординации. Первая демонстрирует взаимное равенство типов. Вторая – подчиненность одного (одних) другому (другим). Воздействие каждого проявления на познаваемость объекта конкретно. Его результаты зависят от того, как проявление сочетается и с объектом, и с целью, и с условиями познания.

5.1.3. Степень разграниченности типов между собой (степень целостности каждого типа). Чем более субъект-общество, субъект-группа и субъект-индивид отграничены по своим показателям друг от друга, тем большей целостностью обладает каждый тип и тем, при прочих равных условиях, выше оказывается познаваемость объекта. В частности, от степени целостности субъекта-индивида зависит эффективность производимых им непосредственных познавательных действий – при условии, естественно, что этому благоприятствуют его квалификация, осознание потребности и другие индивидуальные особенности. От нее же зависят и положительные следствия предпознания, в котором складываются феномены, также усиливающие отмеченную эффективность. Если целостность охватывает группу, а в пределах последней – всех или нескольких ее членов, то этим открывается возможность соревнования между ними, что опять-таки при отмеченных условиях способно повысить познаваемость объекта. Кроме того, от степени целостности группы зависит степень четкости восприятия набора средств познания другими типами субъекта. Наконец, чем более целостным предстает субъект-общество, тем более могут осознать потребность познания определенного явления и наличие имеющихся для этого средств другие типы субъекта.

5.2. Условия от объекта

5.2.1. Тип: объект как неодушевленный предмет, живое существо на дочеловеческом уровне, человек (часть общества), техническое устройство, нематериальное образование. При прочих равных условиях объект-неодушевленный предмет характеризуется уравновешенностью возможно-

стей своей познаваемости. Он не содействует ей, но и не сдерживает ее. С объектом – живым существом на дочеловеческом уровне дело обстоит иначе. В зависимости от своего отношения к условиям он может совершать и то, и другое. У объекта-человека (части общества) такая возможность зависит еще и от соотношения его интересов с интересами субъекта. Познаваемость объекта-технического устройства, с одной стороны, приближается к познаваемости объекта-неодушевленного предмета. С другой – к познаваемости человека. Наконец, объект-нематериальное образование близок в данном отношении к объекту-человеку (части общества).

5.2.2. Выраженность: объект как явление в целом либо как часть явления. Если объект оказывается явлением в целом, то при прочих равных условиях его познаваемость может повыситься вследствие того, что применительно к нему более заметны внешние связи. Если же он выступает частью явления, то его познаваемость способна повыситься за счет большей заметности элементов и структуры. Вместе с тем познаваемость объекта – части явления зависит и от того, какова связь между нею, частью, и целым: механическая, организованная или органическая. При прочих равных условиях первая обеспечивает минимальную познаваемость, последняя – максимальную. Правда, зависимость такого рода, взятая сама по себе, не подлежит абсолютизации. Но применительно к конкретному характеру объекта и к конкретным условиям его познания она может оказаться решающей.

5.2.3. Представленность субъекту: представленность как непосредственная и опосредованная; опосредованная представленность как модельная, знаковая и коммуникативная. Непосредственная представленность субъекту возможна для объекта – неодушевленного предмета, живого существа на дочеловеческом уровне, человека (части общества), технического устройства. Объекту-нематериальному образованию такая возможность не свойственна. Он всегда представлен опосредовано. Положительные и отрицательные следствия непосредственной представленности, сказывающиеся на познаваемости, находятся в пределах того, что присуще в этом отношении восприятию. При опосредованной представленности объекта моделью и знаком познаваемость способна принять дополнения. Помимо зависимости от того, что связано с восприятием, она зависит и от соотношения между соответствием и несоответствием модели и оригинала, а также знака и обозначаемого. При опосредованной представленности объекта коммуникатором степень его познаваемости определяется, по крайней мере, двумя условиями. Одним выступает степень совпадения интересов субъекта-реципиента и коммуникатора. Другим – мера способ-

ности реципиента обращаться к коммуникатору так, чтобы получить от него требующиеся сведения. К компонентам такого обращения относятся наряду с прочим и корректная постановка вопросов, и содействие складыванию такой эмоциональной обстановки, которая благоприятствовала бы истинному содержанию ответов.

5.2.4. Характер противостояния субъекту: противостояние существованием, типом, интересами. Последнее, естественно, имеет место, когда объект является человеком. Если брать эти явления отдельно друг от друга, то при прочих равных условиях объект наиболее познаваем, когда противостоит субъекту своим существованием, и наименее познаваем, когда противостоит ему своими интересами – в случае несовместимости интересов. Если же брать их взаимосвязанными, то дело может выглядеть иначе. Так, виды противостояния способны взаимно усиливать либо ослаблять друг друга. Тогда степень познаваемости объекта, определяемая каждым из них в отдельности, оказывается деформированной. Для своего адекватного представления она нуждается в соотнесении с другими условиями.

5.2.5. Пространственная характеристика: ее совпадение или несовпадение с пространственной характеристикой субъекта. В первом случае степень познаваемости определяется всеми условиями, которые отмечены выше. Во втором – помимо отмеченных еще и тем, насколько объект, находящийся в ином пространстве, представлен в пространстве, занимаемом субъектом.

5.2.6. Временная характеристика: ее совпадение (существование в настоящем) либо несовпадение (существование в прошлом или в будущем) с временной характеристикой субъекта. В первом случае степень познаваемости определяется всеми условиями, которые отмечены выше с учетом сказанного о пространственной характеристике. Во втором – к отмеченным присоединяются условия дополнительные. Общим из них выступает степень представленности объекта-части прошлого и объекта-части будущего в настоящем. Что до условий частных, то одним из них является связь между такой представленностью и типом объекта, а именно тем, выступает ли последний неодушевленным предметом, живым существом на дочеловеческом уровне, человеком (частью общества), техническим устройством, нематериальным образованием. Другим – различие отношений прошлого и будущего к настоящему. На основе этого различия и при равенстве других условий, объект-часть будущего характеризуется более высокой степенью познаваемости. Объект-часть прошлого – более низкой степенью.

5.3. Условия от единства субъекта и объекта

5.3.1. Степень продолжительности этого единства: распространенность его только на собственно познание либо охват им также предпознания. Первое чаще имеет место в нецеленаправленном познании. Второе – в целенаправленном. Чем более познание как взаимодействие субъекта и объекта вытекает из вопроса и познавательного отношения, формирующихся в предпознании, тем более оно направляется ими, и в итоге тем большей при прочих равных условиях оказывается познаваемость объекта. Здесь важно и то, насколько появление обоих феноменов соотносится во времени с началом познания. Чем раньше они появляются, тем более опять-таки при прочих равных условиях субъект способен раскрыть для себя объект. Если же вопрос и познавательное отношение складываются одновременно с началом познания либо после него, то даже при достаточной возможности к раскрытию объекта субъект не всегда способен ее использовать.

5.3.2. Степень прочности полагания субъектом объекта: выраженность его либо через все три показателя, либо через меньшее число. В первом случае познавательные действия субъекта количественно и качественно более соответствуют познаваемости объекта. Во втором – такое соответствие оказывается меньшим. Тем самым при прочих равных условиях снижается возможность познать объект. Однако за соответствующим количеством показателей, выражающих полагание, всегда стоит конкретная потребность субъекта, которая затрагивает объект. В итоге именно она и выступает здесь важнейшим определителем его познаваемости.

5.3.3. Степень прочности полагания объектом субъекта. Отчасти в настоящем условии повторяется то, что свойственно условию предыдущему. Но здесь есть и нечто неповторимое, связанное с тем, что на познаваемость объекта не может не влиять тип – то, чем он выступает: неодушевленным предметом, живым существом на дочеловеческом уровне, человеком (частью общества), техническим устройством, нематериальным образованием. Сейчас в пределах решения поставленной задачи речь идет только о двух наиболее различающихся типах: объекте-человеке (части общества) и объекте-нечеловеке. Познаваемость первого в отличие от познаваемости второго¹ может при прочих равных условиях варьировать в зависимости от

¹ При сложном характере объекта, когда в него включаются и человек, и нечеловеческие образования, первый не может не оказать соответствующего воздействия на последний, в том числе распространять на него свои интересы. Но поскольку такое распространение является по отношению к предмету настоящего исследования частным случаем, постольку здесь оно лишь упоминается, но не рассматривается специально.

соотношения его интересов с интересами субъекта. Что до познаваемости объекта – нечеловека при полагании им субъекта и соответственно при познавательных действиях последнего по отношению к нему, то она определяется его потребностью подобно тому, как это имеет место в предыдущем случае. Поэтому при прочих равных условиях познаваемость объекта – нечеловека зависит здесь от потребности субъекта, затрагивающей объект.

5.3.4. Степень согласованности между взаимным полаганием субъекта и объекта, с одной стороны, и его основой, с другой. При прочих равных условиях объект тем более познаваем, чем более: (а) субъект осознает связь между своей потребностью и возможностью ее удовлетворения с помощью объекта; (б) близки друг к другу пространственные и временные характеристики обоих феноменов, (в) мировоззрение, а также политические и идеологические приверженности субъекта позволяют ему реально воспринять и оценить объект, выступающий человеком (частью общества), а также в определенных случаях техническим устройством и нематериальным образованием.

5.3.5. Степень соответствия между взаимоотрицанием субъекта и объекта, т.е. познанием, с одной стороны, и всем, что обеспечивает его нормальное протекание, с другой. К обеспечивающим факторам такого рода относятся прежде всего особенности самого познания: его ступень (чувственная, логическая), направление (исследование, внутрисубъектный информационный обмен), тип (научный, обыденный, практический, художественный), вид (естественный, социально-гуманитарный, технический, логико-математический); особенности используемых в нем средств: материальных (приборов, катализаторов) и нематериальных (рецептурных правил, методики, методологии, ориентиров стиля мышления); особенности условий, в которых оно протекает – существующих объективно либо созданных искусственно. В общем, чем выше такая степень, тем при прочих равных условиях объект оказывается более познаваемым. В частности дело обстоит иначе. Соответствие применительно к одним факторам может сочетаться с несоответствием применительно к другим. Поэтому в рассматриваемом отношении познаваемость объекта противоречива, что требует к ней дифференцированного подхода.

5.3.6. Степень сохранения субъектом способности к адекватному отражению объекта, равно как сохранения объектом возможности к своей адекватной отражаемости субъектом – способности и возможности, уменьшающихся вследствие пребывания того и другого в системе. Чем они выше, тем меньшим при прочих равных условиях оказывается расхождение между объектом и его образом и тем, следовательно, адекватнее познавае-

мость объекта. Чем они ниже, тем соответственно такое расхождение повышается со всеми вытекающими из этого следствиями.

5.3.7. Степень возможности характера познания обеспечить адекватное отражение объекта. Как следует из отмеченного, в целом такая возможность выше применительно к целенаправленному познанию и ниже применительно к нецеленаправленному. Но иногда и последнее способно придать адекватности достаточность. Речь, в частности, идет о случае его непосредственной смены целенаправленным познанием. Хотя такой случай относительно редок, но если он имеет место, то нецеленаправленное познание самым своим фактом подготавливает почву для познания целенаправленного. Тем самым при прочих равных условиях повышается степень собственно познавательной выраженности последнего, а значит, и адекватность протекающего в нем отражения объекта.

Таковы важнейшие условия познаваемости объекта, детерминируемые особенностями, которые присущи и ему, и субъекту, и единству обоих феноменов. Как видно из их содержания, все они по отношению к познаваемости носят объективный характер. Для обеспечения ими адекватного отражения объекта необходим, как известно, еще субъективный фактор. Сущность последнего обнаруживается на основе сопоставления сущности познания с сущностью субъективного фактора как общесоциологического феномена. Это сопоставление показывает, что субъективный фактор познаваемости выражает способность субъекта перевести в образ (образы) конкретный объект. А поскольку всякая способность проявляется в соответствующей деятельности, постольку субъективный фактор познаваемости приобретает выражение через конкретные познавательные действия, предпринимаемые субъектом с указанной целью. Совокупность последних, проводимых на основе отмеченных условий, и обеспечивает процесс появления образа (образов) объекта, т.е. его познаваемость субъектом.

При этом в зависимости опять-таки от особенностей, присущих конкретным субъекту и объекту, а следовательно, и их единству, субъективный фактор приобретает соответствующие элементы и структуру. Все, связанное с ними, обладает несомненным интересом. Тем не менее, обращение к ним выходит за пределы решаемой задачи. Оно касается собственно процесса познания и образует предмет специального рассмотрения.

О Ч Е Р К Ч Е Т В Е Р Т Ы Й

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПОЗНАНИЕ

1. Объект художественного познания

Начать рассмотрение художественного познания с объекта необходимо для получения достаточной теоретической основы, на которой можно было бы затем установить то, что касается его субъекта, процесса и результата. Этим, кстати говоря, объясняется и совершаемый здесь отход от сложившейся традиции сначала обращаться к субъекту, а затем к объекту познания. Без него, по крайней мере, часть дальнейших действий либо оказалась бы неосуществимой, либо привела к некорректным результатам.

Несмотря на то, что художественное познание на протяжении многих десятилетий изучается и философией, и эстетикой, единая точка зрения на его объект отсутствует. Чаще всего такой объект трактуется в качестве поведения человека в возможной, но реально отсутствующей ситуации – поведения, которое выявляется художником в процессе так называемого художественного эксперимента, или моделирования. Последнее ведет к тому, что художник, создав в воображении некую ситуацию, помещает туда героя – тоже созданного в воображении – и прослеживает объективную логику его поступков. Добытые таким путем результаты адресуются затем потребителю художественного произведения: читателю, зрителю, слушателю. Последний, осваивая их, учится тому, как следует вести себя в определенных условиях¹. К этому примыкает трактовка объекта художественного познания как единства реального явления и отношения, питаемого к нему со стороны художника².

Сопоставление приведенных трактовок с тем, что в качестве общепринятого относится и к познанию, и к художественному творчеству³, позволяет обнаружить следующее. Первая трактовка лишает качественной определенности, с одной стороны, и объект, и само художественное познание

¹ См.: Громов Е.С. Указ. соч. – С. 27; Андреев А.Л. Место искусства в познании мира. – М., 1980. – С. 36, 210, 211; Диалектика познания. – С. 181 – 191; Теория познания / Под ред. Лекторского В.А. и Ойзермана Т.И.: – В 4-х т. – Т. 2. – М., 1991. – С. 248, 249, 252 – 253; Каган М.С. Эстетика как философская наука. – Университетский курс лекций. – СПб., 1997. – С. 255 – 257, 270, 281.

² См.: Филиппьев Ю.А. Что и как познает искусство? – М., 1976. – С. 35, 71.

³ См., например: Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. – М., 1980; Никифорова О.И. Исследование психологии художественного творчества. – М., 1972.

как тип образного отражения действительности. Причина в том, что мысленно представить некоторую ситуацию, поместить туда воображаемого человека и проследивать затем логику его действий можно и в научном, и в практическом, и в обыденном познании. Познания художественного для этого специально не требуется. С другой стороны, качественной определенности лишаются в ней действия художника и потребителя. Они сводятся там к познанию. В результате художник уподобляется исследователю (ученому, практику и т.д.) и обучающему, а потребитель – обучаемому. Причем по отношению к последнему невозможно ответить на вопрос, почему одни и те же произведения нередко потребляются им многократно. Речь идет о перечитывании романов, повторном посещении знакомых спектаклей и художественных выставок, просмотре известных кинофильмов и т.д. Ведь требующимся образцом поведения потребитель уже обладает. Можно, разумеется, сослаться на желание уточнить отдельные стороны такого образца, но в случае массовости этих действий ссылка подобного рода окажется неубедительной.

Не менее парадоксальные выводы следуют и из второй трактовки. Если, например, допустить, что некоторое явление, оставаясь на протяжении определенного временного интервала относительно неизменным, отображается различными художниками, то особенности именно последних и будут запечатлевать создаваемые образы. В итоге придется признать, что объект художественного познания составляет только художник и ничто больше. Этим стирается различие между художественным познанием и познанием искусствоведческим, составляющим часть либо научного, либо практического познания.

Действительный объект художественного познания обнаруживается на основе единства содержания, по крайней мере, таких феноменов и соответственно отображающих их понятий, как субъект, объект, отношение, интерес, эмоция, отражение, познание, творчество, эстетическое, художественный образ¹. Это единство показывает следующее.

Художник – прежде всего беллетрист, живописец, композитор – творит потому, что, строго говоря, не может поступать иначе. Наиболее глубоким и опосредованным импульсом, воздействию которого он подчиняется, выступает эмоциональное отношение к определенной стороне действительности. В различных видах

¹ Поскольку их содержание специалистам известно, а также поскольку речь о нем частично шла и в настоящей работе, постольку оно сейчас не приводится. Потребность ознакомления с ним неспециалистов может быть удовлетворена через ознакомление со специальной литературой.

и жанрах искусства последнее имеет различные количественные и качественные проявления, равно как и различную степень осознанности. Обнаружение таких различий составляет одну из задач эстетики и искусствоведения. Здесь речь об этом идет в общем виде. Что касается импульса менее опосредованного, то ему могут быть присущи различные выражения. Это и желание творить, в какой-то мере подобное аналогичному желанию ребенка, и понимание общественных требований, и любовь, и честолюбие, и самовыражение, и материальное вознаграждение. В результате взаимодействия двух отмеченных импульсов складывается третий, непосредственный, импульс. Им служит стремление реализовать эстетическую потребность и достичь благоприятного эмоционального состояния – стремление, связанное и с талантом, и с мастерством, и с вдохновением. При этом никаких экспериментаторских задач, в том числе связанных с моделированием, художник перед собой не ставит¹.

Близким образом обстоит дело и с потреблением результата художественного творчества – разумеется, если потребитель в своем обращении к потребляемому свободен от неблагоприятных внешних воздействий. Его обращение также детерминируется эмоциональным отношением к соответствующей стороне действительности как наиболее глубоким и опосредованным импульсом. Разумеется, потребитель не испытывает при этом – по крайней мере, в таком же виде, как художник – ни честолюбия, ни стремления к самовыражению, ни чего-либо другого. Непосредственный импульс, под воздействием которого он обращается к определенному произведению, складывается на основе дополнения и конкретизации наиболее глубокого импульса осознанием окружающих условий, своего состояния и т.д.² В этом, кстати, заключается одна из причин дифференцированного подхода потребителя к различным художникам и их произведениям. Но отсюда не следует, будто, обращаясь к соответствующему произведению, потребитель всегда познает, а тем более всегда стремится познать все тонкости поведения героев и извлечь из них уроки. Такое в некоторых случаях возможно, но отнюдь не обязательно. Иначе пришлось бы признать принципиальное отсутствие у читателей, зрителей, слушателей каких-либо эстетических потребностей, а наличие только потребностей познавательных.

¹ См.: *Копнин П.В.* Гносеологические и логические основы науки. – М., 1974. – С. 262; *Филиппев Ю.А.* Указ. соч. – С. 20, 21; *Громов Е.С.* Указ. соч. – С. 119, 130, 151 – 171; *Белый А., Горький М., Замятин Е., Зощенко М.* и др. Как мы пишем. – М., 1989.

² См.: *Левидов А.М.* Автор – образ – читатель. – М., 1983. С. 296 – 320; *Мейлах Б.С.* Процесс творчества и художественное восприятие. – М., 1983. – С. 198 – 215.

Творя, художник на основе определенных установок – эстетических, мировоззренческих, идеологических и т.д. – создает художественный образ той стороны действительности, к которой испытывает эмоциональное отношение. В художественном образе запечатлевается либо то, что существует реально, либо то, что отсутствует, но может существовать. Проявлением запечатлеваемого выступают состояния и действия конкретных людей – героев произведений: Онегина, Печорина, Обломова и т.д. При этом само запечатлевание носит обобщающий характер и оказывается неразрывно слитым со своей оценкой, даваемой художником¹. Если состояния и действия героев соответствуют логике, а обобщение и оценка не выходят за рамки объективности, то содержание художественного образа, наряду с прочим, отражает определенные, реально существующие стороны нравственных отношений, чувств, настроений – таких, через которые общечеловеческие закономерности проявляются в единичных неповторимых особенностях отдельных людей. Они и составляют объект художественного познания.

В зависимости от особенностей отображаемого художником явления, от широты и глубины отображения, от используемых средств и т.д. различные стороны объекта в конкретных произведениях могут характеризоваться различной представленностью. Их представленность способна охватить либо что-то одно, либо все, но в определенных пропорциях и выраженностях. Чтобы убедиться в этом, достаточно проанализировать различные по направленности произведения. В пределах художественной литературы, например, с этой целью интересно подвергнуть сравнительному анализу "Утро" Н.А. Некрасова, "Историю одного города" М.Е. Салтыкова-Щедрина и "Войну и мир" Л.Н. Толстого. С другой стороны, как показывает история искусств, определенные особенности объекта могут быть более адекватно представлены через одни его виды и жанры и менее – через другие. В частности, для представленности настроений и чувств более всего подходят музыка, живопись и отчасти поэзия².

На основе учета характера объекта обнаруживается специфика и самого художественного познания. В общем виде оно складывается из четко выраженного набора действий, характеризующихся строгой последовательностью и совершаемых конкретными людьми. Подробно речь

¹ См.: Андреев А.Л. Указ. соч. – С. 125 и далее; Каган М.С. Эстетика как философская наука. – С. 252 – 254.

² См.: Каган М.С. Эстетика как философская наука. – С. 271 – 272; Он же. Музыка в мире искусства. – СПб., 1996. – С. 23 – 31; Эткинд Е.Г. Разговор о стихах. – М., 1970. – С. 4, 5, 18 – 32.

о них идет ниже. Пока же необходимо ответить на определенные вопросы, к которым подводит сказанное.

Один из них касается того, как соотносятся между собой объект художественного познания, с одной стороны, и объект художественного творчества – художественный образ – с другой. Последний, естественно – будучи взятым не сам по себе, а только в системе художественного познания. Ответ обнаруживается на основе того, из чего складываются соотносящиеся феномены. Как известно, ни отношения, ни чувства, ни настроения не существуют сами по себе, в чистом виде. Они представляются субъекту познания через действия, состояния и другие особенности героев – особенности, которые характеризуются определенной степенью подобия им. Именно по последним можно установить и сам факт их существования, и, по крайней мере, основное из того, что им свойственно. Причем, как опять-таки свидетельствует история искусств, имеются определенные предпосылки, воздействующие на такое установление. В частности, отдельные составляющие объекта художественного познания могут при прочих равных условиях быть установлены тем более легко, быстро и адекватно, чем более экстремальные условия запечатлеваются в художественном образе. Подтверждениями тому могут служить произведения К.М. Симонова и В.П. Некрасова, отображающие человека на войне, произведения А.И. Солженицына и В.Т. Шаламова, отображающие человека в тюрьме, и т.д. Все это дает основание считать, что объект художественного познания и объект художественного творчества – художественный образ – в общем соотносятся между собой как оригинал, с одной стороны, и феномен, содержащий и выражающий его модель, с другой, хотя в деталях дело обстоит не столь просто и однозначно, как может показаться на первый взгляд¹.

Художественный образ содержит в себе модель объекта, но не совпадает с ней по объему. Он шире, ибо включает и то, что непосредственно к ней не относится. С другой стороны, модель объекта часто представлена в художественном образе, так сказать, рассредоточенно. Ее необходимо

¹ Высказывания о модельной выраженности художественного образа имеют место в работах Л.Н. Столовича, Ю.М. Лотмана, А.Л. Андреева, М.С. Кагана. Однако названные авторы трактуют художественный образ в качестве модели той действительности, которая в нем отображается. – См.: *Столович Л.Н.* Опыт построения модели эстетического отношения // Ученые записки Тартуского гос. университета. – Вып. 124. – Тарту. 1962. – С. 54; *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. – М., 1970. – С. 23, 78; *Андреев А.Л.* Указ. соч. – С. 19; *Каган М.С.* Эстетика как философская наука. – С. 255, 261, 281. – В определенных случаях эта трактовка вызывает неприятие. – См., например: *Штофф В.А.* Моделирование и философия. – М; Л., 1966. – С. 294. – То, о чем идет речь здесь, ничего общего с ней не имеет.

компоновать. Тем не менее, вне художественного образа она отсутствует. Поэтому только через последний может быть раскрыт и объект художественного познания.

Если на основе анализа художественного образа модель оказывается скомпонованной, о чем речь идет ниже, то в целом ей присуще то, что характерно для всякой модели. Но поскольку художественное познание обладает своими особенностями, постольку в частных моментах у нее есть и определенные отличия.

Она воображаема, ибо то, из чего складывается, на самом деле не существует. Но ее воображаемый характер не произволен. Он очерчивается возможностью, потенциальностью содержащегося. То, что невозможно, в нее не включается. Единство воображаемости и потенциальности модели объекта художественного познания состоит в том, что человеческие действия, запечатленные в любом художественном образе и образующие ее составляющие, никогда не имели места. Но они могли иметь его. Это наглядно обнаруживается через все, что совершают Онегин, Печорин, Обломов и т.д. Единство воображаемости и потенциальности присуще и таким моделям, которые связаны с художественным образом того, что действительно имело место, ибо художник, как отмечалось, в процессе отображения обобщает и оценивает отображаемое. Однако то и другое он также совершает в пределах возможного. Поэтому объект, стоящий за такой моделью, реален. Его реальность вытекает из того, что он представляет собой неотъемлемый элемент человеческих отношений. Изъять его оттуда – значит обеднить эти отношения. Но в нем не исключены некоторые моменты потенциальности, хотя это потенциальность иного рода, нежели потенциальность модели. Объект художественного познания может быть потенциальным постольку, поскольку по каким-то причинам его **еще** либо **уже** нет в определенном пространстве, доступном субъекту. Либо он существует **теперь**, но за пределами этого пространства. Кстати говоря, именно на основе единства потенциальности и реальности своего объекта художественное познание и обладает способностью к выходу за пространственные и временные границы и к запредельному перспективному и ретроспективному отражению. Последнее включает констатацию невоспринимаемого, а также предвидение будущего и прошлого.

Другой встающий вопрос касается соотношения объекта художественного познания с объектом познания в целом. Из единства между тем, что отмечено здесь, и тем, что известно об объекте познания как таковом, в том числе содержится в очерке третьем; тем, что присуще эстетическому отражению, – видно следующее. В общем объект художественного позна-

ния обладает большинством свойств, присущих объекту познания в целом. В частности же между тем и другим также есть некоторые различия. Они затрагивают представленность субъекту, виды, пространственно-временные характеристики.

Выше было показано, что объект может быть представлен субъекту непосредственно либо опосредованно. Однако первое, как видно из того, о чем шла речь, применительно к объекту художественного познания исключается. Вследствие своих особенностей он обладает только опосредованной представленностью. Опосредованная же представленность – что также было показано – выражается либо через модель, либо через знак.

О представленности объекта художественного познания моделью речь уже шла. А может ли он быть представлен знаком? Однолинейного ответа здесь нет. Если, исходя из того, что знак это – материальное, чувственно воспринимаемое явление, представляющее и замещающее в процессе познания нечто иное, сводить материальность к вещественности, то ответ будет отрицательным. Если же трактовать ее широко, имея в виду выражение ею объективной реальности в целом¹, тогда содержание ответа изменится. В этом случае действия героев по отношению к объекту будут рассматриваться как знак, вполне удовлетворяющий критериям любого знака. Речь идет о материальности и чувственной воспринимаемости; представляемости обозначаемого, помимо которой то не может быть воспринято; определенном сходстве с обозначаемым. Причем поскольку действия героев связаны с объектом как следствие с причиной, постольку есть основание квалифицировать их в данном случае как знак-признак².

Сказанное сейчас о знаке объекта художественного познания во многом совпадает с тем, что выше сказано об его модели. Нет ли здесь ошибки и если нет, то что стоит за таким совпадением? – Единство особенностей модели, знака, а также собственно объекта художественного познания, показывает, что по отношению к последнему два первых неразрывно слиты между собой. Знак служит здесь моделью. Модель же выступает знаком, т.е. носит знаковый характер, и последнее, естественно, устанавливается через ее компоновку. Такого уточнения к отмеченному о ней – уточнение,

¹ См.: Мелюхин С.Т. Материя в ее единстве, бесконечности и развитии. – М., 1966. – С. 44 – 59.

² См.: Резников Л.О. Гносеологические вопросы семиотики. – Л., 1964. – С. 34 – 37; Коршунов А.М. Теория отражения и творчество. – М., 1971. – С. 177 – 186; Коршунов А.М., Мантатов В.В. Теория отражения и эвристическая роль знаков. – М., 1974. – С. 144; Ветров А.А. Семиотика и ее основные проблемы. – М., 1968. – С. 18 – 34; Бирюков Б.В. Знак // Философский энцикл. словарь. – М., 1983. – С. 191.

вытекающее из своеобразия представленности объекта художественного познания субъекту. Ниже в связи с рассмотрением процесса художественного познания об этом еще пойдет речь, и особенности модели получат дополнительное раскрытие.

Обращаясь теперь к отличию объекта художественного познания, проходящему по линии видов объекта как такового, также обнаруживаем его на основе указанного единства. Из него в данном случае следует, что объект художественного познания не только не выходит за пределы общества, но занимает там предельно конкретное место.

Поскольку он складывается из определенных сторон нравственных отношений, чувств, настроений, которые проявляются через феномены добра, зла, совести, долга, любви, дружбы, смысла жизни и т.д. и выступают преломлением общечеловеческого в отдельном индивидуе – постольку пронизывает собой все сферы общества: экономическую, социальную, политическую, военную, революционную и т.д. Но затрагивает везде только то, что подлежит нравственной оценке. Именно это и запечатлевается в художественном образе независимо от того, в какой сфере имеет место запечатлеваемое¹.

Сказанное относится и к явлениям природы: морю, лесу, небу, времени суток, времени года и т.д. То, как они запечатлеваются, естественно, на основе соответствующих установок, отмеченных выше, образует компоненты знаковой модели человеческого настроения. Человеком, находящимся в моделируемом настроении, является воображаемый герой, который

¹ В связи с этим невозможно пройти мимо приведенной А.М. Горьким в очерке "В.И. Ленин" ленинской оценки романа "Мать". "... Книга нужная, много рабочих участвовало в революционном движении несознательно, стихийно, и теперь они прочтут "Мать" с большой пользой для себя". – Воспоминания о В.И. Ленине: В 3 т. – Т. 1. – М., 1956. – С. 422. – Из нее следует, что роман может научить рабочих преодолению стихийности и сознательному участию в революционном движении, т.е. стать учебником определенных компонентов революционной технологии. Однако "Мать" – художественное произведение, отвечающее критериям эстетического отношения художника к действительности. Поэтому то, что в нем отображено, не идет дальше составляющих модели нравственных отношений, чувств, настроений, складывающихся в среде участников революционного движения, а также между участниками революционного движения и теми, кто им противостоял и т.д. Фрагменты же революционного процесса выступают там лишь фоном, на котором эти составляющие имеют место. Поэтому для овладения технологией участия в революционном движении роман явно не подходил. Да и не мог подходить, ибо в данном случае нужны произведения, содержащие результаты научного либо практического познания. Суммарный же вывод, следующий из анализа приведенной оценки, таков: она расходится с сущностью не только художественного познания, но познания вообще.

на картине, в описании, либо в музыкальном произведении отсутствует, но который в качестве воспринимающего того, что запечатлено, мыслится художником. Частным случаем такого героя может быть сам художник. Однако, несмотря на все это, объектом художественного познания выступает здесь то же самое, что и при воспроизведении людей: нравственные отношения, чувства, настроения.

На отмеченной выше основе обнаруживается и различие, проходящее по линии пространственного и временного соотношения с субъектом и затрагивающее объект художественного познания, с одной стороны, и объект как феномен познания в целом, с другой. Выше отмечалось, что первый в отличие от последнего всегда представлен субъекту опосредованно. Поэтому он неспособен пребывать в том же пространстве и в том же времени, что и субъект. Его пребывание может совпадать с пребыванием субъекта в пространстве, но расходиться во времени. Либо совпадать во времени, но расходиться в пространстве. Либо, наконец, что наиболее вероятно, расходиться и в пространстве, и во времени. В результате, как бы ни соотносились между собой совпадение и расхождение, объект художественного познания никогда не выступает, так сказать, в чистом виде. Он всегда несет на себе определенные отпечатки представляющего: героев, их действий, условий, в которых совершаются действия, и т.д. Правда, чем большим профессионализмом обладает художник, тем при прочих равных условиях герои подчиняются более строгой логике, и в их действиях необходимое преобладает над случайным. Тем самым и объект оказывается представленным более адекватно. Но, с другой стороны, отсутствие непосредственной представленности его субъекту обуславливает тенденцию к нарушению строгости логики и к определенной трудности, по крайней мере, сразу зафиксировать его. В итоге различие, проходящее по рассматриваемой линии, противоречиво. Но его противоречивость объективна, ибо вытекает из качественной определенности художественного познания.

Таковы основные особенности объекта художественного познания, очерчиваемые художником в его произведении. Но последнее не остается, как известно, при художнике. Оно адресуется другим людям, и самым массовым его адресатом выступает потребитель, который, как отмечено, обращается к нему с определенной целью. В общем эта цель близка к цели художественного творчества, ибо, вытекая из эмоционального отношения к определенной стороне действительности, непосредственно касается удовлетворения эстетической потребности и достижения благоприятного эмоционального состояния. Однако мировоззренческие, эстетические,

102

идеологические и прочие установки художника и потребителя, которые лежат в основе оценки каждым художественного произведения, располагаются в определенном диапазоне. Они могут либо совпадать, либо расходиться. В первом случае при прочих равных условиях объект художественного познания оказывается одним и тем же и для художника, и для потребителя. Во втором – потребитель воспринимает его иначе, чем тот представляется художнику¹. Это не может не влечь за собой определенных последствий, о которых далее и идет речь. Однако то, что в данном случае необходимо специально подчеркнуть, касается исключения абсолютизации объекта художественного познания. Последнее отнюдь не выражает собой релятивизма. Оно есть лишь результат соблюдения требования единства качества и отношения как всеобщего принципа познания.

Поскольку все отмеченное в настоящем параграфе составляет нетрадиционную трактовку объекта художественного познания, которая отличается от традиционной, постольку сам собой встает вопрос: каковы в сравнении с последней ее преимущества? Ответ, отчасти, вытекает из того, о чем шла речь, отчасти обнаруживается на основе последующего изложения. Суммарная же его выраженность такова. Предлагаемая трактовка, во-первых, выводит исследование рассматриваемого типа познания из того тупика, в котором он оказывается вследствие традиционной трактовки его объекта. Во-вторых, обеспечивает четкое и наглядное представление субъекта художественного познания. В-третьих, дает возможность увидеть последнее как процесс, каждый этап которого вытекает из этапа предыдущего и подготавливает протекание последующего. В-четвертых, позволяет критически отнестись к результату художественного познания, сопоставив его со всем, что затрагивает и субъект, и объект, и процесс, и условия. В-пятых, способствует более точному отражению ряда особенностей художественного познания именно как типа познания. Уточнение охватывает не только его собственное содержание, но и связь с другими типами. Именно на основе того, что составляет ответ, и ведется дальнейший подход к художественному познанию.

2. Субъект художественного познания

Как одно из проявлений субъекта познания в целом, субъект художественного познания полностью раскрывает свое качество в рассматриваемом процессе. Здесь же речь идет о том, что свойственно ему

¹ См.: Мейлах Б.С. Указ. соч. – С. 206.

в принципе и обусловлено единством принадлежности к субъекту как феномену познания, с одной стороны, и причастности к эстетическому отражению действительности, с другой. Это позволит представить то, что связано с приобретением им сведений об объекте.

Выше отмечалось, что субъектом познания как такового выступают общество, группа, индивид. В каждом случае он обладает соответствующими особенностями. Так, субъект-общество выдвигает потребность в познании, обеспечивает возможность познания и выступает хранителем приобретенных в нем сведений. Соотнося это с особенностями художественного познания, обнаруживаем следующее.

Выдвижение потребности детерминируется существующими условиями и характером духовности, позволяющей людям осознать эти условия и свое отношение к ним. Вследствие многообразия условий и ограниченности той сферы, где духовность формируется, такая детерминация зачастую опосредована. Однако помимо самих детерминант невозможно появление ни определенных художественных произведений, ни потребителей, нуждающихся в них. Это доказывается, в частности, фактами неразрывной связи между особенностями художественного произведения и временем, когда оно появляется. Например, трагедии Софокла не могли появиться не только в первобытном обществе, но и на более ранних стадиях античности. Появись "Война и мир", "Отцы и дети", "Бесы" и т.д. при Петре или Екатерине, их бы никто не понял, а "Один день Ивана Денисовича" стал возможен не просто в период хрущевской "оттепели", но именно после XXII съезда КПСС, когда та получила политическое и идеологическое обоснование.

Обеспечение возможности художественного познания определенного объекта, как это видно из особенностей элементов и структуры общества, детерминируется набором соответствующих предпосылок. Их составляют, во-первых, материальные средства, созданные благодаря сложившемуся состоянию экономики и технической мысли. К таким средствам относятся, прежде всего, книгопечатание, звукозапись, кинематограф, телевидение, электроника, технология строительства. Во-вторых, уровень материального достатка, позволяющий выделять духовную сферу и обеспечивать ее работников соответственно тем возможностям, которые она реализует. В-третьих, степень демократизма, который, наряду с прочим, снимает препятствия при обращении к конкретному объекту художественного познания. В-четвертых, степень художественной культуры, позволяющая вырабатывать и использовать требующиеся направления, стили, методы, принципы и т.д.

Хранение сведений, приобретенных в художественном познании, обуславливается, с одной стороны, созданием библиотек, музеев, картинных галерей. С другой – основанным на использовании текущих процессов стимулированием периодической востребованности определенных произведений. Последние под воздействием того и другого, прямо или косвенно, подлежат пропаганде и распространению. Хотя с приобретением сведений, в равной мере новых для всех, это непосредственно не связано, тем не менее опосредованная связь имеет здесь место. Хранимые, востребуемые и пропагандируемые сведения, по крайней мере частично, составляют основу для дальнейших этапов художественного исследования. Учитывая же факт преемственности в развитии общественного сознания, сомневаться в необходимости и целесообразности отмеченных условий не приходится.

О субъектной выраженности группы уже упоминалось в связи с тем, что относится к художнику, создающему произведение, и потребителю последнего – читателю, зрителю, слушателю. В отличие от субъекта общества оно носит более определенный характер, что вытекает из строгой заданности задач, которые стоят перед каждым ее членом.

Художник является субъектом художественного познания постольку, поскольку выступает субъектом творчества. Вне последнего первое исключается. При этом в качестве субъекта творчества он может выступать как индивид либо коллектив. В первом случае – это автор романа, поэмы, картины, скульптуры и т.д. – того, что непосредственно от него идет к потребителю и для своего потребления не нуждается в посредниках. Во втором – несколько авторов, каждый из которых характеризуется неповторимой причастностью к тому, чтобы произведение было создано и потреблено. Например, применительно к опере художник-коллектив как минимум включает автора первоначального литературного произведения (романа, повести, рассказа, поэмы), автора либретто, автора музыки, режиссера-постановщика, автора декораций, дирижёра, оркестрантов, солистов, певцов хора.

Как субъект художественного познания художник связан с конкретным направлением этого процесса – исследованием и выступает исследователем¹. Эта связь выражается через создание художественного образа,

¹ Художник может быть вовлечен и во внутрисубъектный информационный обмен и выступать там коммуникантом: и коммуникатором, и реципиентом. Хотя все стороны такой возможности сейчас не рассматриваются, ибо это выходит за рамки решаемой задачи, укажем на одну из них. Она имеет место, когда художник носит коллективный характер. Если продолжить пример, приведенный выше, то легко обнаружить, что про-

который, как отмечено, включает в рассредоточенном виде модель объекта. Причем если художником выступает индивид, то оказывается причастным к созданию одной модели. Если им выступает коллектив, то его причастность распространяется на создание нескольких моделей.

На этом субъектная выраженность художника завершается. Сведений об объекте он не приобретает, ибо не испытывает в них потребности. Однако поскольку между художественным образом и моделью нет тождества, нет тождества и между моделью и оригиналом – в данном случае объектом, на который и направляется познание, – постольку возникает необходимость перехода субъектной выраженности к другому лицу. Задача последнего заключается в том, чтобы дополнить и подвергнуть затем дальнейшему исследованию то, что создано художником, сделав его тем самым пригодным для потребителя. Как видно из направленности художественного познания, таким лицом не может быть никто другой, кроме искусствоведа.

В качестве субъекта художественного познания искусствовед с художественным творчеством не связан. Действия, совершаемые им, включают принятие созданного художником художественного образа, выявление содержащихся в нем элементов модели, их компоновку, анализ скомпонованного, моделирование объекта, дальнейшие исследовательские действия, о которых речь идет ниже. Все это и обеспечивает переход рассматриваемого процесса на новый этап.

Применительно к его, художественного познания, направлениям статус искусствоведа неоднозначен. По отношению к художнику искусствовед является реципиентом. По отношению к тому, что создано художником и отчасти дополнено им самим – исследователем. По отношению к потре-

явление такой возможности связано с освоением автором либретто того, что создано писателем; композитором – того, что создано писателем и автором либретто; режиссером – того, что создано писателем, автором либретто, композитором и т.д. Все предыдущие члены коллектива выступают по отношению к последующему как коммуникаторы, а каждый последующий ко всем предыдущим – как реципиент. Однако такая вовлеченность каждого члена коллектива во внутрисубъектный информационный обмен имеет место в пределах исследования как одно из его средств. С другой стороны, художник связан с внутрисубъектным информационным обменом помимо исследования. Это выражается через его отношение к потребителю, где он выступает коммуникатором. Но такая связь не выходит за пределы художественного творчества, а также потребления того, что создано в нем. Художественного познания она непосредственно не затрагивает, вследствие чего специально не рассматривается.

бителю – коммуникатором¹. В каждом отношении ему присущи соответствующие особенности.

Как реципиент он должен стремиться к пребыванию в одной рациональности с художником либо, по крайней мере, к пониманию рациональности последнего. Причем речь идет именно о долженствовании, ибо художнику его действия не нужны. Художник может обойтись без них: цель, которая ставится им, оказывается с созданием художественного образа достигнутой. Поэтому у него нет оснований вводить искусствоведа в собственную рациональность. Если искусствовед стремится к нормальному выполнению своих действий как элемента субъекта художественного познания, то ему необходимо войти туда самому.

Как исследователь искусствовед должен владеть определенными навыками исследовательской деятельности. Хотя такие навыки относятся прежде всего к компоновке модели и к моделированию, тем не менее затрагивают и другие стороны исследования, ибо в нем нуждаются и модель, и результаты моделирования. Причина в том, что чем адекватнее моделирующий представляет себе все особенности и модели и полученных с ее помощью сведений, тем при прочих равных условиях более успешно протекает моделирование, более точными оказываются его результаты, а также процессы и результаты последующих действий.

Как коммуникатор искусствовед должен обладать тождественной со своим реципиентом-потребителем – рациональностью. Причем инициатива в достижении тождественности здесь также должна принадлежать ему, ибо, как отмечалось, потребитель потребляет художественное произведение непосредственно ради того же, ради чего оно создается художником: удовлетворить эстетическую потребность и достичь благоприятного эмоционального состояния. В итоге его заинтересованность в постижении особенностей объекта художественного познания близка к той, которая свойственна художнику. Это влечет для искусствоведа те же последствия, что и применительно к соотношению своей рациональности с рациональностью художника.

Подобно художнику искусствовед может выступать как индивид либо коллектив. Первое чаще всего и имеет место. Второе высокой частотой не обладает. Но совершенно игнорировать его было бы некорректно. К не-

¹ В определенных границах искусствовед выступает коммуникатором и к художнику, ибо, по крайней мере косвенно, адресует тому некоторые сведения, касающиеся художественного творчества. Но поскольку это выходит за пределы художественного познания, постольку специально не рассматривается.

му могут вести дискуссии, предполагающие обмен мнениями между дискусирующими. Последнее и образует собой искусствоведа-коллектив. Цементирующей основой такого образования служит вовлечение коллег в дискуссию, через которую на отмеченной основе и в соответствующих условиях протекают исследовательские действия.

Особенности потребителя, как субъекта художественного познания обуславливаются его отношением и к художнику, и к искусствоведу. Первое дает ему ориентир на получение сведений о художественном образе как феномене, содержащем модель объекта. Второе – на получение сведений о самом объекте. При этом то и другое связано прежде всего с внутрисубъектным информационным обменом, где потребитель фигурирует в качестве реципиента.

Как реципиент он обладает общими рациональностями с коммуникаторами: художником и искусствоведом. Но поскольку каждый из коммуникаторов играет в его художественно-познавательной деятельности свою неповторимую роль, постольку применительно к каждому этим рациональностям присущи свои особенности. Так рациональность, общая для потребителя и для художника, может дополняться некоторыми выражениями конгениальности, в частности, сходством по образу мыслей. Последнее в определенной мере служит основой того, что потребитель, как сказано, обращается к потреблению созданного художником с той же целью, с какой художник создает потребляемое потребителем. Поэтому при отсутствии такого сходства обращение конкретного потребителя к творчеству конкретного художника возможно только по случайному стечению обстоятельств. Однако вследствие этого оно оказывается непрочным и кратковременным. Что касается рациональности, общей для потребителя и искусствоведа, то ее дополнение сходством по образу мыслей желательно, ибо это способно повысить эмоциональный тонус освоения той информации, которая адресуется последним первому и касается объекта. Но, как отмечено, потребителю такая информация зачастую не требуется. Исключение может составить его желание более глубоко постичь художественный образ с целью, отмеченной выше. Вне этого обращение потребителя к искусствоведческому произведению стимулируется самим искусствоведом, который, как сказано, заинтересован в том, чтобы добытые им сведения были освоены другими людьми. Поэтому хотя сопровождение общей рациональности сходством по образу мыслей в системе, образуемой потребителем и искусствоведом, не исключено, по крайней мере, вследствие того, что мышление обоих подчинено одним и тем же законам,

оно все же менее вероятно, чем в системе, образуемой потребителем и художником.

Правда, наряду с внутрисубъектным информационным обменом потребитель может быть связан и с исследованием, направленным на то, что поступает к нему от художника. Исследование, если имеет здесь место, близко к тому, с чем связан искусствовед. Однако для потребителя, не являющегося специалистом в искусствоведении, вероятность такого исследования мала. Поэтому сейчас оно только упоминается.

Наконец, для потребителя-реципиента не исключена и различная выраженность. Он также может выступать как индивид либо коллектив. При этом реципиент-коллектив не тождествен сумме реципиентов-индивидов. От последней он отличается коммуникационной связью между своими членами. Такая связь накладывает отпечатки на идущие от коммуникатора сведения, ибо позволяет их обсуждать и вследствие этого осваивать на более высокой ступени. В итоге при прочих равных условиях реципиент-потребитель, имеющий групповую выраженность, обладает более благоприятными возможностями принять и использовать как то, что содержится в художественном образе и в совокупности образует модель объекта, адресуемую ему художником, так и сведение непосредственно об объекте, идущее к нему от искусствоведа. А это затрагивает и рациональность, и сходство по образу мыслей, и в конечном счете проявляется в собственно процессе художественного познания.

Единство всего, относящегося к художнику, искусствоведу и потребителю, показывает, что субъектная выраженность каждого ориентирует его на соответствующие действия. Однако индивидуальный характер этих действий для достижения цели художественного познания недостаточен. Чтобы цель была достигнута, действиям необходимо придать объединенный характер. Причем через их объединение не только достигается цель, преследуемая в художественном познании, но и создается структура его субъекта-группы, которая в зависимости от особенностей, присущих как носителям объединяемого, так и художественному образу, связи между художественным образом и объектом и т.д., может иметь различные варианты. Обычно она выражается через непосредственную связь художника с искусствоведом и искусствоведа с потребителем и через опосредованную связь художника с потребителем. Последняя, естественно, выступает опосредованной только в познании. За пределами познания она непосредственна, ибо потребитель, обращаясь к художественному произведению как к носителю художественного образа, делает это без посредников. Между ним и художником никого нет. Кстати, именно вследствие этого он

и может приобрести благоприятную основу для постижения собственно объекта художественного познания.

Вместе с тем в субъекте-группе возможно и отсутствие опосредованной связи. При этом количество ее членов не превышает двух. Одним из выражений такой возможности служит наличие в группе только художника и потребителя. Искусствовед оттуда исключается вследствие того, что объект как бы находится на поверхности художественного образа. Постигание последнего есть вместе с тем и познание первого. Примером тому в определенных случаях выступает так называемая "мораль", содержащаяся в баснях.

Другое выражение возможности имеет место при наличии в субъекте-группе художника и искусствоведа. Потребитель, по крайней мере, некоторое время там отсутствует. Причина здесь противоположна той, которая обуславливает предыдущее выражение. Объект и его связь с художественным образом оказываются для массового потребителя за пределами сложными, чтобы он мог сразу понять и освоить их. Примером может служить то, что связано с произведениями Ф. Кафки, некоторыми картинами П. Пикассо, прежде всего "Герникой" и т.д. В сложившейся ситуации объект обществу в целом – через его профессиональных представителей, каковыми в данном случае являются искусствоведы – известен. Но от потребителя-неспециалиста он остается отделенным¹.

Из сказанного видно, что каждый вариант накладывает на качественную определенность субъекта-группы свои отпечатки. Последние, с одной стороны, зависят от условий. С другой – определяют познавательные возможности, которыми в каждом случае располагает субъект.

Субъектная выраженность индивидов – художника, искусствоведа, потребителя – если они выступают в соответствующем качестве, состоит, как это видно из отмеченного, в следующем. Во-первых, кем бы ни был субъект-индивид, он является элементом субъекта-группы. Субъект-группа образуется субъектами-индивидами и вследствие сложившихся между ними отношений приобретает свою структуру, а значит, в окончательном виде – и качественную определенность.

¹ Из отмеченного, естественно, не вытекает возможность отсутствия в группе художника, ибо ни один из остающихся там в данном случае членов не создает художественного образа, вследствие чего отсутствовал бы материал, из которого строится модель объекта, а значит, оказались бы невозможными и какие-либо познавательные действия.

Во-вторых, каждый субъект-индивид характеризуется своим неповторимым отношением к объекту и к приобретению сведений о нем. Так, художник через свои действия способствует появлению модели объекта, которая, однако, никак не используется им. Такое использование, а на его основе и добывание сведений об объекте возлагается на искусствоведа. Потребитель не связан ни с созданием модели, ни с добыванием сведений об объекте. Сведения эти поступают к нему в готовом виде. Непосредственно они идут от искусствоведа. Опосредованно – от художника. Исходные установки, которыми все руководствуются в данном процессе, обладают определенным своеобразием. Общими для всех являются установки идеологические, хотя каждый следует им в той мере, какая отвечает его месту и роли в познании объекта. С другими установками дело обстоит иначе. Установки эстетические оказываются необходимыми художнику и потребителю, но опять-таки в мере, соответствующей отношению каждого к объекту. Не чужд эстетических установок и искусствовед, хотя более необходимы ему установки методологические и методические. В итоге кем бы ни был тот или иной субъект-индивид, он всегда характеризуется относительной самостоятельностью по отношению к другим.

В-третьих, через свою относительную самостоятельность каждый субъект-индивид приобретает неповторимое отношение к другим субъектам-индивидам – отношение, через которое обеспечивается подход к объекту со стороны субъекта-группы в целом. Так, задача подготовить непосредственное познавательное воздействие на объект со стороны искусствоведа и опосредованное со стороны потребителя лежит на художнике. Задачу использовать для добывания сведений об объекте то, что создал художник, и попутно проверить созданное им на корректность, а затем транслировать добытые сведения потребителю призван решить искусствовед. Что касается потребителя, то его непосредственная задача состоит в корректном получении того, что адресуют ему художник и искусствовед.

Все отмеченное не может не сказаться на степени прочности соответствующих компонентов группы. В частности, при равенстве других условий прочность компонента "художник-потребитель" выше прочности компонентов "художник-искусствовед" и "искусствовед-потребитель". Однако в любом случае субъект-группа не только складывается из субъектов-индивидов, но и приобретает свою качественную определенность в зависимости от качественной определенности каждого из них.

Но при всем этом субъект художественного познания един. Он представляет собой феномен, приобретающий сведения об объекте и проявляющийся в этом качестве через взаимодействие своих элементов и ком-

понентов. Последние же характеризуют соответствующие стороны такого приобретения – стороны, из которых складывается его процесс.

В результате своеобразной оказывается и активность каждого индивида. Традиционно она, как это видно из соответствующего места очерка третьего, только у искусствоведа, т.к. его познавательные действия носят научный либо практический характер. С художником и потребителем дело обстоит иначе. Активность художника, несмотря на причастие последнего к созданию модели объекта, разворачивается лишь в пределах творчества. То же свойственно и потребителю в отношении к художественному образу. Его активность не выходит здесь за пределы потребления. Активность же, выражаемая им в отношении того, что создает искусствовед, отчасти близка к традиционной. Но она в значительной мере и нетрадиционна, ибо то, что потребитель получает от искусствоведа, ложится на основу, образуемую тем, что уже получено от художника.

3. Процесс художественного познания

Единство особенностей субъекта и объекта в познании как таковом, с одной стороны, и в познании художественном, с другой, показывает следующее. Художественное познание не знает ни пространственных, ни временных ограничений. Объект может быть отображен в нем независимо от того, находится ли рядом с субъектом или за многие тысячи километров. Не имеет значения и то, пребывает ли он в настоящем, прошлом или будущем. Однако художественное познание ограничивается своеобразием тех, между кем разворачивается – субъекта и объекта. При этом оба выступают в конкретной выраженности.

Субъект выбирает объект через действия художника, искусствоведа и потребителя. При этом каждый непосредственно руководствуется своими установками – теми, которые отмечены выше. Опосредовано за этим стоят установки, детерминируемые обществом, прежде всего – политические и идеологические.

Инициатива выбора объективно принадлежит художнику, хотя субъективно не всегда осознается им. Однако именно он создает художественный образ, с которым затем взаимодействуют искусствовед и потребитель. Их взаимодействие также основывается на выборе, но ином, нежели выбор художника. Художник выбирает между тем, создавать или не создавать художественный образ. Искусствовед и потребитель – между тем, обра-

щаться или не обращаться к созданному и существующему художественному образу.

Если объект выбран, то с его стороны субъекту диктуются определенные требования. И хотя зачастую последним свойствен неявный характер, тем не менее без их выполнения познавательные действия либо исключаются, либо проводятся некорректно. Все они касаются тех ролей, которые играют в художественном познании все выразительности субъекта – и общества, и группы, и индивида. Но в зависимости от места и времени могут по-разному сочетаться и друг с другом, и с ролями, играемыми соответствующими выразительностями субъекта. Так, из совокупности требований, предъявляемых к субъекту-обществу в России после 1917 г., такими объектами как нравственное отношение людей к строительству социализма, коммунизма, к войне, к последующим советским и постсоветским событиям на передний план выходят требования материального достатка, характера духовности населения, демократизма, политической свободы, распространности художественной культуры. Без их выполнения многие из отмеченных объектов долгое время оставались, а частично и продолжают оставаться за пределами художественного познания. Непосредственно это детерминировалось отвлечением художника от выбора интересующей темы и создания модели объекта; сдерживающим воздействием на искусствоведа, в результате чего тот сталкивался с препятствиями в своей исследовательской деятельности; недопущением потребителя к тому, что могло бы его ориентировать на объект.

Основные требования, предъявляемые к индивидам-членам группы, более или менее стабильны. Применительно к художнику это – соответствие объекту профессионализма, а вместе с ним эстетических, нравственных, мировоззренческих, политических и идеологических установок. Это также – способность корректно отражать состояние субъекта-общества и в случае необходимости корректировать в соответствии с ним свои действия. Применительно к искусствоведу в целом – то же плюс соответствие объекту методологических и методических установок, которыми он руководствуется в исследовательских действиях. Применительно к потребителю – в первую очередь соответствие объекту стремления к его познанию и на этой основе – соответствие тому и другому эстетических, нравственных, мировоззренческих, политических и идеологических установок. Что касается собственно субъекта-группы, то она должна обладать, по крайней мере, соответствующей объекту структурой. Ниже об этих требованиях речь идет более подробно.

Как сказано, их предъявление носит неявный характер. Выражения неявности в целом могут быть различными. Однако наиболее распространенным из них выступает отмеченный факт, когда определенные явления, нуждающиеся в художественном познании, им не охватываются.

Таким образом, конкретный субъект может отразить не всякий объект, равно как конкретный объект требует для своего отражения конкретного субъекта. Между ними должно быть соответствие. Иначе нормальное протекание художественного познания исключается.

Если же субъект и объект соответствуют друг другу, то при достаточности других условий его процесс оказывается возможным. Непосредственно оно совершается членами субъекта-группы. Начало ему кладут действия художника.

Выше отмечалось, что цель, которую непосредственно ставит перед собой художник, заключается в творчестве, основанном на определенных предпосылках и дающем ему возможность самовыразиться, удовлетворить эстетическую потребность и достичь желаемого эмоционального состояния. Через все это и создается художественный образ с его модельным характером, который и позволяет ему играть в познании объекта отмеченную роль.

Как известно, в художественном образе отражается то, что либо отсутствует, хотя и обладает потенциальным существованием, либо существует реально. Но в любом случае этому отражению свойственна неповторимая черта. Воспроизводимое неотделимо там от оценки, даваемой ему художником. Оценка же совершается через использование различных средств в том числе передачу настроения, порождаемого и тем, что воспроизводится, и тем, как воспроизводится то, что воспроизводится. В ней определенным образом переплетаются целенаправленное и нецеленаправленное, осознанное и неосознанное. Причем характер такого переплетения ясен пока не полностью, что требует его дальнейшего изучения. Однако несомненно одно. Именно через оценку художник способен иногда зафиксировать в воспроизводимом явлении то, что до поры, до времени остается там без внимания, и за чем стоят неизвестные стороны объекта. При этом и оценке, и связанной с ней фиксации присущи определенные особенности. Так, по отношению к воспроизводимому они – обе вместе либо каждая в отдельности – могут выступать в виде знаков, вследствие чего содержащаяся в художественном образе модель и приобретает большую или меньшую знаковую выраженность. Зафиксированное же на основе оценки может в течение определенного времени не замечаться ни художником, ни потребителем. Оба, как правило, замечают его в соответствующую

щих условиях, когда оно оказывается необходимым и подлежит востребованию.

Вот один из примеров такого рода, представленный, кстати, через художественный образ в рассказе К. Чапека "Поэт". Он интересен тем, что раскрывает условия, в которых зафиксированное художником становится востребованным, хотя и не исчерпывает всей сложности совершенной фиксации.

Однажды ночью в Праге, на Житной улице, автомобиль сбил пьяную старуху. Водитель скрылся. Малочисленные свидетели, которых удалось собрать, подтверждали только факт происшествия, но не могли точно назвать ни марку автомобиля, ни его цвет, ни номер. Среди свидетелей оказался один поэт, который во время инцидента выходил из расположенного рядом кафе. Сначала его показания ничем не отличались от того, что говорили другие. Позже он заявил, что по поводу случившегося написал стихи следующего содержания.

Дома в строю темнели сквозь ажур.
Рассвет уже играл на мандолине.
Краснела дева. В дальний Сингапур
Вы уносились в гоночной машине.
Повержен в прах надломленный тюльпан.
Умолкла страсть. Безволие... Забвенье.
О, шея лебедя! О, грудь! О, барабан –
И эти палочки – трагедии знаменье!

Никто из слышавших ничего заслуживающего внимания в стихах не нашел. Однако менее чем через двое суток выяснилось, что автомобиль был коричневого цвета – подобно коже малайцев, живущих в Сингапуре, откуда и возникла ассоциация, и имел номер «235». 2 – шея лебедя. 3 – грудь (грудь). 5 – барабан со сложенными палочками¹.

Приведенный пример наглядно иллюстрирует сказанное, хотя эпизод, из которого он складывается, может показаться упрощенным на том основании, что в действительности многое оказывается более разнонаправленным и противоречивым. Однако здесь важно другое. Во-первых, стихи поэта это – всего лишь художественный образ, содержащий модель, которая предназначена для дальнейшего использования, что затем, кстати, и имело место. Возможно, правда, что уровень ее использования мог быть более

¹ См.: Чапек К. Война с саламандрами. – Рассказы. – Минск, 1986. – С. 240.

высоким, вследствие чего появились бы и новые сведения и о том, что произошло, и о том, что способствовало происшедшему, и о многих других фактах. Но К. Чапек, создавая свой рассказ, действовал так, как и надлежит действовать художнику – формировал художественный образ. Во-вторых, вне оценки художником (поэтом) того, что произошло и что он неосознано наблюдал, а затем воспроизвел (в том числе с помощью знаков), никакой фиксации происшедшего не могло бы быть. Из этого, естественно, не следует, будто такая фиксация всегда адекватна тому, что имеет место, ибо художественное творчество во многих отношениях противоречиво. Тем не менее абсолютно пренебрегать ею значит заведомо отказываться от одной из возможностей познания объекта.

Оценка, как отмечено, неотделима в художественном образе от воспроизведения. Именно такая неотделимость и детерминирует качество художественного образа, создаваемого в творчестве. А чтобы последнее как процесс обеспечило корректность своего результата – в данном случае соотвещения задачам познания – нужны определенные условия. Речь идет прежде всего об отношении к упомянутым исходным установкам – мировоззренческим, эстетическим, политическим, идеологическим и т.д. Поскольку художник неразрывно связан с обществом, постольку его личное соотносится в них с общественным. Крайние точки такой соотнесенности образуют их полное совпадение и полное расхождение. В последнем случае художником принимается нечто одно, а нечто другое отбрасывается. Правда, как свидетельствует опыт истории искусства, обе они редки. Чаще личное и общественное между собой сочетаются. Но и само сочетание личного с общественным, и конкретная доминанта, которая в каждом случае присуща сочетаемому, должны быть приняты художником. Принятие же находит выражение в признании истинности, которое относится и к содержанию установок, и к выражению доминанты, и проявляется на конкретной ступени: очевидности, вере, мнении, условном признании истинности, непризнании истинности¹. Иначе создание художественного образа, отвечающего отмеченным выше стремлениям художника, исключается.

Отсюда вытекает необходимость другого условия – свободы художественного творчества. Под ней имеется в виду не только отсутствие внешних запретов, но и, что более важно, отсутствие навязывания художнику того, что он не разделяет и что ему чуждо. Если свободы творчества нет, то художник, как выразился В.В.Маяковский, вынужден наступать на гор-

¹ Подробно об этом см. упомянутую статью М.Т. Андриюшенко и О.С. Александровой в журнале "Философия и общество", 2003, № 2.

ло собственной песне. Последствия такого наступания хорошо известны, в том числе на примере самого В.В. Маяковского. Они сказываются отрицательно не только на художнике, но и на обществе.

В этой связи сомнительным представляется тезис о художественном творчестве как служении народу – служении, предполагающем, если не полное подчинение действий художника интересам определенных групп, то постоянную их корректировку в соответствии с этими интересами. Следовать ему – значит отказаться от эстетических и познавательных возможностей, которые присущи художественному творчеству, и низвести последнее до простого выполнения заказов тех, кто обладает по отношению к художнику какой-либо властью.

Объективно художник всегда служит народу тем, что способствует удовлетворению его эстетических потребностей и дает ему возможность обнаружить явления, которые, порой, иным путем не обнаруживаются. Реализация такой возможности зависит от того, насколько народ подготовлен к ней как духовно, так и материально. Чем разностороннее подготовленность, тем при прочих равных условиях эффективнее и служение.

Творя, т.е. создавая художественный образ, художник способствует появлению модели объекта. Именно последнее и делает его субъектом художественного познания. Однако сам он к этому не стремится. Его цель в большинстве случаев не выходит за пределы художественного творчества и создания художественного образа. Поэтому, если художественный образ, как таковой, создается художником целенаправленно, т.е. на основе стремления к определенному результату и сознательного использования соответствующих установок, то с моделью объекта как тем, что содержится в художественном образе, дело обстоит иначе: она в пределах его действий формируется нецеленаправленно. Ее формирование протекает помимо появления у художника вопроса, касающегося объекта. Что до познавательного отношения, выступающего вторым компонентом предпознания, то, как показывает единство между отражением и творчеством, оно реально имеет место. Создавая художественный образ, художник не может в той или иной мере не войти в познавательное отношение с содержащимися в нем элементами модели объекта. Но поскольку познавать объект так, как это будет затем делать искусствовед, он не предполагает, постольку познавательное отношение не принимается им во внимание и, естественно, не используется.

Созданное художником выступает по отношению к нему как художественный образ. То же, что характеризуется там модельной выраженностью, становится таковым по отношению к искусствоведу. Объективно же оба качества неразделимы, хотя соответствующий элемент субъекта в каж-

дом случае проявляет интерес только к одному из них. Но при этом все, что в положительном или отрицательном виде – в том числе результаты корректных действий и заблуждений – присуще художественному образу, в равной мере присуще и модели.

Так же обстоит дело и применительно к **сохудожникам**: литератору, композитору, режиссеру, дирижеру, актеру и т.д., чье **сотворчество** складывается в театре, кинематографе, опере и т.д. Все из них, кроме первого, как правило, литератора, создавшего исходное произведение, либо расширяют художественный образ, либо углубляют, либо создают его модификации. Однако суть их творчества от этого не меняется. **Сохудожники** в коллективе творят по тем же законам, что и художники-индивидуалы. И хотя в эстетическом отношении процесс их **сотворчества** имеет свои особенности – не подлежащие здесь рассмотрению, как составляющие иной предмет – в отношении гносеологическом характеризуется тем же, о чем шла речь. А это в целом накладывает на результат **сотворчества** те же отпечатки, делая его и синтезированным художественным образом, и разрозненной моделью будущего познания объекта.

Каковы же в таком случае основные черты модельной выраженности художественного образа в целом? – Единство всего отмеченного показывает, что содержащаяся в нем модель, во-первых, искусственна, ибо создается художником и доводится затем до соответствующего состояния искусствоведам. В реальном мире ее нет.

Во-вторых, в пределах художественного творчества она формируется нецеленаправленно. Предметом же целенаправленности становится только тогда, когда испытывает воздействие со стороны искусствоведа.

В-третьих, она идеальна. Причем под идеальностью имеется в виду не только отсутствие у нее пространственных параметров и неспособность воздействовать на органы чувств, но и нечто большее. Речь идет о способности направлять познавательные действия субъекта, правда, уже не художника, обеспечивая последнему добывание сведений об объекте.

В-четвертых, у нее своеобразная знаковая выраженность. Она представляет собой знак в том, что связано с оценкой художником воспроизводимого явления. Но она представляет собой образ в том, что связано с собственно воспроизведением. В результате знаковость и образность переплетаются в ней не только будучи неразделимыми, но и взаимно детерминируя друг друга.

В-пятых, она гомоморфна, ибо не обладает полной содержательной тождественностью объекту. Одна из причин гомоморфизма (а не изомор-

физма) связана с тем, что от нее требуется только качественная (но не количественная) соотнесенность с объектом.

В-шестых, может иметь различные степени адекватности объекту, ибо ее формирование бывает порой настолько сложным и противоречивым, что помимо корректности включает заблуждение. Поэтому сходство между ней и объектом не всегда оказывается таким, каким могло бы быть. По причинам, непосредственно не зависящим от художника и отмеченным выше, в нее способно проникнуть нечто, не отражающее объект. Для примера возьмем художественный образ, содержащий модель неотделимости нравственных ценностей социалистической революции от религиозно-этических ценностей, который создан А.А. Блоком в поэме "Двенадцать", и художественный образ, содержащий модель нравственной близости Сталина к рядовым людям, который создан М.С. Бубенновым в романе "Белая береза". Обе модели отражают невозможное. Первая – потому что А.А. Блок пытался найти нравственный идеал там, где его не было. Вторая – потому что М.С. Бубеннов следовал официальным идеологическим установкам, принятым в период культа личности, и игнорировал реальные тенденции. Однако некорректные модели, содержащиеся в обоих художественных образах, не привели к тому, что сведения об объектах раз и навсегда остались некорректными. Их некорректность имела место на протяжении лишь относительно короткого временного интервала, после которого подверглась корректировке, что обуславливалось рядом причин. Это, прежде всего, работа с содержанием моделей искусствоведов¹, которые руководствуются иными установками, нежели художники. В установках художников преобладает, как отмечено, эстетическая, нравственная, политическая и идеологическая направленность. В установках, принятых искусствоведами, преобладание остается за гносеологической направленностью. Это также – явное расхождение модели с реальной действительностью. Это, наконец – постепенное изменение характера общественных отношений, позволившее воочию убедиться в подверженности художников заблуждению.

Особенности модели не могут не сказаться на отношении к ней со стороны художника. Как отмечалось, ему необходимо создать художественный образ, чтобы удовлетворить эстетическую потребность и добиться желаемого эмоционального состояния. В этом заключается для него непосредственный смысл творчества. В создаваемой же вместе с художествен-

¹ С моделями работали и ученые, но их работа проходила вне художественного познания. Поэтому речь о ней сейчас не идет.

ным образом модели как средстве исследования объекта он не нуждается. Правда, в процессе создания художественного образа им неосознанно и нецеленаправленно обозначается объект. На этом его использование (если в данном случае можно употребить такое понятие) созданного и завершается.

Замечает ли в таком случае художник созданную собой модель (именно в качестве модели, а не художественного образа) как средство исследования объекта? Однозначный ответ на это невозможен, ибо в данном случае не следует сбрасывать со счетов особенности личности художника, в том числе такие, которые характеризуют его вне творчества. В пределах же последнего основание для положительного ответа не обнаруживается. За этим, естественно, не может не стоять отношение художника и к дальнейшему использованию модели, и к тому, кто будет ее использовать – к искусствоведу. Вряд ли он принципиально против того и другого. Но вряд ли он принципиально и не может обойтись без них.

Искусствовед не только в отличие от художника занимается художественным познанием специально, делая это осознанно, но и связан с конкретным его направлением – исследованием. Однако исследовательские действия искусствоведа протекают в сфере как художественного, так и других типов познания – в частности, практического и научного – ибо наряду с выявлением по художественному образу особенностей объекта он выявляет также особенности творчества самого художника, эпохи, в которой тот творил, принятой им творческой манеры и т.д. Поэтому им присущи некоторые неповторимые моменты. Так, они наряду с прочим могут включаться в более общую систему действий и приобретать тем самым соответствующие отпечатки. Но при этом подобно любому исследованию в них доминирует целенаправленность, обуславливающая необходимость предпознания, в том числе вопроса и познавательного отношения.

Вопрос в общем виде касается того, какие стороны объекта стоят за поступками героев как частями его модели. На основе вопроса искусствовед входит в познавательное отношение с объектом. Причем поскольку объект представлен ему в художественном образе, постольку именно последний и оказывается сначала в пределах его внимания.

Собственно исследование объекта, ведущееся искусствоведом, во многом совпадает с тем, что свойственно ему в других типах познания, ибо в любом из них данное направление основывается на прямой связи субъекта и объекта. В частности, оно протекает на двух уровнях – эмпирическом и теоретическом, – каждый из которых имеет свои установки и методы, характеризуется сложившейся последовательностью и т.д. Целенаправлен-

120

ность связана в нем с нецеленаправленностью, причем последняя зачастую проявляется через те же феномены, которые затрагивают другие типы познания. Подобно тому, что свойственно последним, ему присуще стремление к свободе, когда общепринятый путь, которым движется исследователь, приводит, в тупик. Оно, наконец, складывается из корректных и некорректных действий в том числе включает заблуждение и завершается приобретением как истинных, так и ложных сведений.

Однако поскольку в художественном познании исследование ориентировано на объект, который представлен искусствоведа опосредовано – через художественный образ и модель, носящую к тому же воображаемый характер – постольку его исследовательские действия отличаются от действий исследователя в других типах познания. Отличия в значительной степени связаны с моделированием, которое применительно к художественному исследованию¹ проявляется иначе, чем к другим типам исследования. Обнаруживаются они на основе соотношения между отмеченными особенностями модельной выраженности художественного образа и особенностями моделирования как одного из всеобщих методов исследований². Это соотношение показывает следующее.

Во всех случаях моделирование составляет обязательный компонент исследовательских действий искусствоведа. Причина в том, что объект не дан ему непосредственно. Войти в контакт с объектом он может только с помощью модели – такого образования, которое находится в определенном отношении к оригиналу (объекту) – отношении, предполагающем следующие условия: (а) между моделью и оригиналом (объектом) существует сходство (подобие); (б) модель является представителем, заместителем оригинала; (в) изучение модели позволяет получить сведения об оригинале³. В общем сам процесс моделирования независимо от типа познания включает следующие действия.

¹ Подобно тому, что свойственно познанию как таковому, художественное познание складывается из двух направлений – исследования и внутрисубъектного информационного обмена. В этом смысле термин "художественное исследование" и употребляется.

² См.: Глинский Б.А., Грязнов Б.С., Дынин Б.С., Никитин Е.П. Моделирование как метод научного исследования (гносеологический анализ). – М., 1965; Штофф В.А. Моделирование и философия. – М; Л., 1966; Он же. Введение в методологию научного познания. – Л., 1972. – Далее: «Введение...».

³ См.: Штофф В.А. Введение.... – С. 87, 144.

1. Совершающееся на основе актуализации прошлого опыта исследователя применительно к данному объекту – обнаружение проблемы, которая не может быть разрешена помимо моделирования.

2. Создание (выбор) модели.

3. Исследование модели на предмет ее способности заместить и представить оригинал. Оно включает выявление степени сходства между тем и другим; выявление случаев и направлений, где такое сходство имеет место; соотнесение выявленного с задачей исследования оригинала и на этой основе – вывод о возможности или невозможности дальнейшей работы с моделью. Основным методом, используемым в нем, является эксперимент.

4. Перенесение полученного знания с модели на оригинал-объект, совершаемой по аналогии на основе теории подобия и по правилам экстраполяции.

5. Проверка истинности полученных данных¹.

Соотнесение отмеченных действий с тем, о чем шла речь, показывает следующее. Во-первых, некоторые из них в художественном моделировании отсутствуют. Отсутствие относится к обнаружению проблемы, требующей для своего разрешения моделирования. Такая проблема заранее подразумевается для искусствоведа единством между художественным познанием и своим местом в нем и выражается через сформулированный вопрос. Приступая к исследованию объекта, искусствовед имеет ее в виду. Отсутствует также создание (выбор) модели. Модель уже не только, как сказано, существует, но и обладает определенностью, хотя и нуждается в некотором предварительном воздействии.

Во-вторых, и это вытекает из предыдущего, художественное моделирование может включать то, чего нет в других типах рассматриваемого метода. Речь идет, в частности, об упомянутом воздействии на модель, которое выражается в компоновке ее частей и направлено на то, чтобы сообщить ей пригодность для последующих операций. Причем в зависимости от содержания художественного образа оно может складываться из различных элементов. Правда, выраженность и набор последних выходят за пределы собственно художественного познания, вследствие чего специально здесь не рассматриваются, а только упоминаются. Само воздействие на модель может обладать определенной мерой сложности, превышающей иногда сложность других операций и соответственно непропорционально растягивающей временной интервал моделирования. Но то и другое впол-

¹ См.: Глинский Б.А. и др. Указ. соч. – С. 53 – 63; Штофф В.А. Моделирование и философия. – С. 95, 212; Он же. Введение... – С. 144, 145.

не реально. Игнорировать их – значит способствовать утрате моделированием его корректности и отказаться от получения требуемых результатов.

Действия, направленные на компоновку модели, можно встретить в произведениях В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, М.А. Антоновича, Н.К. Михайловского, В.В. Стасова, в работах отечественных искусствоведов XX в. И.Ф. Бэлзы (музыковеда), Ю.А. Дмитриева (театро- и цирковеда) и т.д. Они не исчерпывают, естественно, всей искусствоведческой деятельности, ибо та, как отмечено, включает и иные компоненты. Им, кроме того, не всегда свойствен открытый характер. Нередко их приходится констатировать по другим действиям. Но они имеют место, ибо наряду с прочим выражают специфику роли искусствоведа в эстетическом отражении действительности. Причем вследствие относительной самостоятельности, которой обладает такая роль по отношению к художественному познанию, могут совершаться иногда и помимо непосредственной связи с моделированием.

При всем этом важно подчеркнуть, что компоновка частей модели – это – действие, которое направлено на уже существующую модель объекта, но отнюдь не на создание последней. Как известно, основным критерием, отличающим модель от немодели, является подобие оригиналу. То, что содержится в художественном образе, таким подобием как раз и обладает. В процессе компоновки его частей на основе существования подобия достигается лишь подготовка модели к дальнейшей работе с ней.

Как видно из специфики эстетического отражения действительности, разнообразие видов и жанров искусства не может не накладывать отпечатки на отдельные стороны такой компоновки, чем придает ей в каждом случае соответствующие особенности. Но этим не изменяется ее сущность, которая и позволяет соответствующим частям художественного образа быть моделью объекта независимо от того, имеют ли они место в художественной литературе, живописи и т.д.

В-третьих, определенные действия претерпевают здесь изменения, хотя и сохраняют свою качественную определенность. Одним из них является исследование модели. Его цель заключается прежде всего в выявлении таких моментов, как степень логичности и последовательности действий героев; характер соотношения между моделью и объектом; особенности модели, представляемые ее частями.

Эксперимент, зачастую неотделимый от моделирования, может быть здесь только мысленным, состоящим в том, что: 1) предмет познания мысленно перемещается в такие условия, в которых его сущность может рас-

крыться с особой определенностью, 2) этот предмет становится объектом последующих мысленных трансформаций, 3) в этом же эксперименте мысленно формируется та среда, та система связей, в которую помещается данный предмет¹. При этом он тесно связан с наблюдением. Их связь обусловливается тем, что мысленный характер эксперимента над моделью побуждает искусствоведа к восприятию и представлению соответствующих ее частей столько раз, сколько тот считает необходимым. Тем самым искусствовед как бы постоянно возвращает ход времени в первоначальное состояние, а затем дает ему повторяться. В процессе каждого повторения им фиксируются новые особенности модели. Какие-либо другие действия экспериментального характера здесь невозможны, ибо модель в целом уже создана художником и ее изменение, подобно изменению того, над чем экспериментируют в других типах исследования, исключается.

Вследствие того, что модель специфически связана здесь с оригиналом-объектом, она исследуется на обоих уровнях: и эмпирическом, и теоретическом. Причем на каждом из них используются все необходимые для этого методы. Но из-за особенностей соотношения модели и оригинала полученные результаты не выходят за пределы эмпирического материала, отражающего объект.

Действием, претерпевающим изменение, выступает здесь и перенесение данных, полученных в исследовании модели, на оригинал – объект. С одной стороны, в нем изменяется точность. Известно, что ни сами полученные данные, ни их распространение на объект не могут иметь количественных характеристик. Поэтому при прочих равных условиях в художественном моделировании это действие по точности уступает аналогичному действию в моделировании научном, или, по крайней мере, в некоторых разновидностях последнего – тех, где количественные характеристики возможны. С другой стороны, изменение претерпевает все, относящееся к проверке и оценке результатов перенесения. В отличие от других типов познания – прежде всего научного и практического – истинность результатов исследования модели и корректность их перенесения на объект через практику здесь непроверяемы. В качестве истинных или ложных, корректных или некорректных их можно квалифицировать по тому, насколько ими обеспечивается разрешение проблемы, разумеется, если последняя существует. Хотя с этим основанием невозможно не считаться, тем не менее по значимости оно уступает основанию, которое носит практический характер. В результате под влиянием этих изменений момент вероятности, кото-

¹ См.: Теория познания. – Т. 2. – С. 180.

рый неотделим от моделирования в целом – в ущерб моменту достоверности – применительно к художественному моделированию значительно возрастает.

Таковы в общем основные особенности художественного моделирования, отличающие его от того, что свойственно этому методу в других типах исследования. Они свидетельствуют, что художественное моделирование и художественное исследование неразделимы. Но эта неразделимость не является основанием к их отождествлению. Ведь специфика моделирования – где бы оно ни велось – заключается в добывании эмпирического материала, подлежащего затем дальнейшему анализу на теоретическом уровне. Художественное познание ничем не отличается в этом отношении от других типов познания. Тем самым и моделирование, совершаемое в нем, не может абсолютизироваться.

Что же вносит в художественное познание своими действиями искусствовед? Как показывает все, о чем применительно к ним шла речь, – чрезвычайно много. Именно через эти действия и обнаруживается объект или, по крайней мере, отдельные его стороны. Помимо них такое обнаружение невозможно. И все же они не дают полной гарантии последнего. Как сказано, действия искусствоведа, хотя и имеют специальный характер, тем не менее сочетаются с другими действиями, выходящими за пределы художественного познания. Причем в общей совокупности его действий оснований для доминанты действий художественно-познавательных нет. Последние совершаются обычно тогда, когда того требует научное либо практическое познание. Поэтому в них невозможно исключать большую или меньшую долю случайности со всеми вытекающими последствиями.

Вместе с тем действия искусствоведа существенно отличаются от действий художника. Они не только более многообразны, но и, что важнее, более дифференцированы и целенаправлены. Это не может не сказаться на своеобразии искусствоведа-коллектива. В сравнении с художником-коллективом искусствовед-коллектив более ограничен и менее прочен, что связано, в частности, с отсутствием таких образований, как **со-искусствоведы**¹. Основным выражением коллективного характера ис-

¹ Сказанное не означает отсутствия у искусствоведческих произведений соавторов. Соавторство присуще и им. Но представляет оно собой именно соавторство, которое складывается в пределах одного и того же произведения. В этом отношении оно имеет общие черты с соавторством не только научным, но и художественным. Примерами последних могут служить соавторство И.А. Ильфа и Е.Т. Петрова, соавторство А.Н. и Б.Н. Стругацких и т.д.

кусствоведа выступают, как отмечено, связи, складывающиеся в дискуссиях. Именно на их основе отдельные специалисты уточняют и корректируют свои взгляды и действия.

Для потребителя художественного произведения – каковым выступает читатель, зритель, слушатель – художественное познание связано с получением того, что установлено искусствоведам, и того, что создано художником. Первое выражает, как сказано, собственно объект. Второе, т.е. художественный образ, с одной стороны, представляет собой основу для принятия и освоения первого, а с другой – материал, подлежащий художественному потреблению. Причем, что уже отмечалось, его необходимость непосредственно обуславливается для потребителя тем же, чем для художника обуславливается необходимость творчества – стремлением удовлетворить эстетическую потребность и достичь желаемого эмоционального состояния. Реализуя свое стремление, потребитель и приобретает возможность художественного познания.

В процессе реализации он обращается к соответствующему произведению. Это протекает либо через поиск того, что до поры до времени ему неизвестно. Либо – через использование уже известного по прошлому опыту. Первое связано с более или менее сложным выбором, предполагающим свободу. Ориентиры, на которых основывается в своих действиях потребитель, могут обладать для него различной степенью выраженности, равно как и различной степенью осознанности. Второе с выбором непосредственной связи не имеет. Выбор применительно к нему был сделан потребителем ранее, и теперь совершенное на его основе повторяется. Свобода, естественно, необходима и здесь. Правда, это – свобода не выбора, а обращения в новых условиях к уже выбранному. Ориентиры, которые воплощаются через него, также могут обладать различной степенью выраженности и осознанности. Но в обоих случаях между потребителем и художником должна иметь место хотя бы минимальная близость мыслей и чувств. Иначе понимание последнего первым либо вовсе исключается, либо оказывается связанным с большими трудностями, что не может не поставить под вопрос сам факт потребления его произведения.

Ранее отмечалось, что суть художественного потребления выражается через постижение содержания художественного образа и переживания происходящего с героями. Теперь на основе того, о чем речь шла позже, обнаруживаются некоторые дополнительные моменты этого процесса. В частности, такое постижение не выходит за пределы обыденного познания. Этим, кстати, объясняется, почему абсолютное большинство произведений реалистического искусства понятно любому нормальному человеку.

С другой стороны, что более важно, в процессе художественного потребления художественный образ сам по себе модели объекта для потребителя не содержит. Он приобретает это качество, если на основе его постижения потребитель обращается не просто к художественному познанию, но в какой-то мере и к исследовательской выраженности последнего.

Но такое обращение не обладает простотой, и осуществить его может не каждый. Дело в том, что удовлетворение эстетической потребности и достижение благоприятного эмоционального состояния, которое составляет непосредственную основу художественного потребления, неотделимы от бытия каждого человека. Художественное же познание такой основой не обладает. Вместе с тем применительно к потребителю оно конкурирует с познанием научным, и конкуренция зачастую оказывается не в его пользу. Причина в том, что, с одной стороны, научное познание в определенной мере обязательно для всех. Оно осуществляется в процессе образования через учебу, где выступает как внутрисубъектный информационный обмен. С другой стороны, протекая в учебе, научное познание характеризуется высокой степенью целенаправленности и конкретности. Сведения поступают в нем к реципиенту – обучаемому прямо от коммуникатора – обучающего, по инициативе последнего и в готовом виде. Их не надо добывать, а достаточно получить. Все это способствует если не отвлечению потребителя от художественного познания, то сообщению ему определенных особенностей.

Особенности, как показывает единство отмеченного, заключаются в следующем. Художественное познание совершается индивидом либо коллективом и по отношению к бытию потребителя в целом выступает как случайное. Одним из проявлений такой случайности может быть желание субъекта постичь художественный образ более глубоко и разносторонне – в том числе при помощи констатации конкретных нравственных отношений, настроений, чувств и т.д., которые в значительной мере детерминируют действия героев и проявляются через них – желание, вытекающее из простой любознательности. При этом основой, на которой через постижение того, что выявлено искусствоведам, оно удовлетворяется, выступает именно состоявшееся уже потребление художественного образа. Помимо такой основы удовлетворение хотя и не исключается, тем не менее утрачивает достаточную прочность. Это может вызвать уменьшение длительности сохранения приобретенных сведений в информационном запасе потребителя и снизить ступень признания истинности их содержания.

При наличии отмеченного желания художественное познание носит целенаправленный характер и протекает по схеме внутрисубъектного ин-

формационного обмена в целенаправленном познании¹. Коммуникатором, к которому обращается потребитель, выступает в нем искусствовед. При этом последний в зависимости от отношения первого к полученной основе – художественному образу – от степени своего владения методикой ориентирования во внутрисубъектном информационном обмене, культурного уровня, характера коммуникации и трансляции и т.д. может им выбираться, разумеется, если возможен сам выбор. Тогда именно в рамках выбора потребитель и обладает свободой. Вместе с тем поскольку действия, связанные и с художественным потреблением, и с художественным познанием, могут быть как корректными, так и некорректными, постольку и сведения, приобретаемые в них потребителем, способны оказаться истинными и ложными. Ложность сведений обуславливается тем, что часть этих действий складывается из заблуждения и обмана.

С другой стороны, художественное познание, которое совершает потребитель, может иметь место помимо его желания. В этих условиях ему свойствен нецеленаправленный характер. Протекает же оно по схеме внутрисубъектного информационного обмена в нецеленаправленном познании со всеми вытекающими отсюда следствиями.

Отсюда, кстати говоря, видно, что в процессе художественного познания потребитель чаще всего выступает как индивид. Его коллективный характер возможен лишь в отдельных случаях. При этом как коллективу ему присущи определенные особенности. В частности, подобно тому, что имеет место применительно к познанию как таковому, коллективность основывается здесь на такой коммуникации между индивидами, которая позволяет им вырабатывать общее отношение к тому, что они получают от коммуникатора. Однако, насколько такая основа будет использована в художественном познании, зависит от единства между ним самим и отношением к нему со стороны потребителя.

Применительно к обоим случаям отмеченной возможности коллективный характер художественного познания выражается через обмен мнениями, который протекает между индивидами и затрагивает то, что синхронно или асинхронно поступает к ним от искусствоведа. Но в первом случае коллективная выраженность действий потребителя при равенстве других предпосылок отличается большими прочностью и длительностью. Во втором – меньшими.

¹ Оно может протекать и по схеме исследования. Но в этом случае потребитель уподобляется искусствоведу с той разницей, что его действия по степени квалифицированности, а следовательно, и по результатам будут уступать действиям последнего.

Так в общем выглядят основные этапы художественного познания, складывающиеся из действий элементов его субъекта. При этом в зависимости от условий каждый может дополняться отдельными частными моментами. Кроме того, как отмечалось, совершая свои действия, элементы субъекта могут общаться между собой, что также сообщает этапам художественного познания отдельные частные дополнения. Но ни те, ни другие не вносят в рассмотренный процесс принципиальных изменений, ибо его сущность детерминируется не только тем, что имеет отношение лишь к нему, но также тем, что неотделимо от познания научного, практического, обыденного. Ведь все они представляют собой типы единого процесса. Тем самым отпадает необходимость рассматривать обе группы дополнений специально. Достаточно ограничиться их упоминанием.

4. Результат художественного познания: предпосылки и следствия

Известно, что познание направлено на приобретение субъектом новых сведений об объекте. Причем поскольку оно подчинено другим видам деятельности, постольку приобретаемые сведения должны быть истинными. Основным фактором, детерминирующим то и другое, является деятельность субъекта. Такова общая характеристика результата познания. Применительно к художественному познанию она конкретизируется на основе особенностей, которые рассмотрены выше и затрагивают все относящееся к его объекту, субъекту и процессу. Тем самым выявляемый результат в значительной мере зависит от того, как под влиянием особенностей объекта ведут себя и художник, и искусствовед, и потребитель.

Как видно из предыдущего параграфа, зависимость результата от художника принципиально связана с корректностью содержаний созданного им художественного образа. А оно корректно, если оказывается, прежде всего, художественно правдивым, т.е. удовлетворяет требованиям художественной правды¹. Под художественной правдой имеется в виду, с одной

¹ Понятие "художественная правда", введенное в обиход много десятилетий назад, сейчас на основе современных достижений гносеологии и эстетики оказывается устаревшим и требует замены. Это, кстати говоря, наряду с прочим видно и по фактам произвольного оперирования им, при котором оно фактически утрачивает свое содержание. Здесь его употребление имеет место потому, что, во-первых, на решение поставленной задачи это не оказывает воздействия. Во-вторых, чтобы до поры, до времени, не менять сложившуюся терминологию и не вносить в нее путаницы. Но в будущем его придется заменить другим понятием, более адекватным тем феноменам, которые им обозначаются.

стороны, такое видение и отображение художником воспроизводимого явления, которое соответствует законам общества, а с другой – его нравственная оценка, совершаемая через определенное преобразование, которое также не расходится с этими законами¹. Чем более художник соблюдает данные требования, тем, при прочих равных условиях, более корректным оказывается художественный образ.

Зависимость результата художественного познания от искусствоведа связана прежде всего с адекватностью освоения им содержания художественного образа. Такая адекватность достигается через перенесение искусствоведам в свое сознание всего, что составляет художественный образ, и наделение перенесенного тем же смыслом, который вложен в него художником. Освоение же, требующее адекватности, протекает во внутрисубъектном информационном обмене, где искусствовед фигурирует в качестве реципиента, а коммуникатором является художник. Основные средства освоения составляют чтение, слушание, зрительные восприятия.

Особенность внутрисубъектного информационного обмена связана в данном случае с тем, что художник, как правило, свое произведение искусствоведам специально не адресует и не выделяет последнего из общей массы потребителей. Но от любого, составляющего эту массу, искусствовед отличается тем, что заранее знает, для чего ему необходимо художественное произведение и, вследствие этого имеет возможность сразу придать своим действиям целенаправленный характер. Речь, в частности, идет о следовании им требованиям методических регулятивов внутрисубъектного информационного обмена².

Такие регулятивы относительно многочисленны. Их более тридцати и в общей сложности они образуют пять групп. Но на основе единства между адекватностью освоения и процессуальной выраженностью последнего видно, что в рассматриваемой ситуации решающую роль играют составляющие первой группы. Они вытекают из особенностей коммуникационного процесса. Важнейшими из них являются: (1) приведение себя в состояние, по возможности максимально отвечающее цели освоения; (2) при прочих равных условиях – отдача предпочтений тем сведениям, которые имеют вербальную выраженность и в первую очередь – характер письменного текста; (3) учет соотношения собственной системы общения с систе-

¹ См.: *Копнин П.В.* Гносеологические и логические основы науки. – М., 1974. – С. 269; *Каган М.С.* Эстетика как философская наука. – С. 253 – 271, 421. – В свете единства субъекта и объекта приведенная трактовка художественной правды нуждается в уточнении, речь о котором идет ниже.

² Подробно о них см.: *Андрюшенко М.Т.* Познание и освоение. Гл. 3, § 2.

мой общения коммуникатора – в данном случае художника; (4) отделение друг от друга рациональных и эмоциональных составляющих художественного образа; (5) стремление к установлению и использованию обратной связи между собой и художником¹. Чем более искусствовед следует этим требованиям, тем больше у него – при прочих равных условиях – возможностей для адекватного освоения содержания художественного образа².

Зависимость результата художественного познания от действий искусствоведа связана и с тем, насколько объективна его оценка правдивости художественного образа. Выше отмечалось, что в свете единства субъекта и объекта существующая трактовка художественной правды нуждается в уточнении. Попытка сделать это сейчас и предпринимается.

Бесспорным является факт, что конкретное произведение создается конкретным художником: Репиным, Пикассо, Горьким, Кафкой, Торвальдсеном, Неизвестным, Бетховеном, Гершвином и т.д. Бесспорно и то, что всем названным принадлежат глубоко художественные произведения. Но при этом каждый неповторимо, по-своему воспринимает отображаемое, оценивает и воспроизводит его. То, что сделал один, не сделает больше в таком же виде никто другой, ибо у каждого неповторимые индивидуальные особенности, затрагивающие и мировоззрение, и творческую манеру, и эстетические принципы, и многое другое. В самом деле. Мог ли, например, Репин создать "Гернику", Горький – "Превращение", Торвальдсен – надгробие Н.С. Хрущева, Бетховен – "Порги и Бесс"? – Нет, ибо всякий художник действует в пределах того, что отмечено выше. Выйти за него он не способен.

Отсюда следует, что художественная правда в принципе характеризуется не одной стороной, как традиционно принято считать, а, по крайней

¹ См.: *Андрюшенко М.Т.* Познание и освоение. – С. 121 – 126. – Как видно из содержания этих регулятивов, они могут быть названы технологическими. Специфика же человеческой коммуникации показывает, что в ней не исключены и, так называемые, мировоззренческие регулятивы, направленные на перевод особенностей мировоззрения одного коммуниканта в особенности мировоззрения другого, если те расходятся. Но их расхождение может иметь множество вариантов, что, соответственно, требует множества регулятивов. С другой стороны, такие регулятивы пока никем не сформулированы. Поэтому о них можно только упоминать.

² Вообще говоря, возможности такого рода связаны и с близостью искусствоведа и художника по образу мыслей и чувств. Но поскольку такая близость по отношению к художественному познанию в целом случайна и, кроме того, многие ее стороны пока окончательно не выявлены, постольку специально в этом качестве она здесь не рассматривается.

мере, двумя. Одна затрагивает то, что отображается. Другая – того, кто отображает. При этом художник имеет отношение к первой стороне. Именно она направляет его действия в процессе создания художественного образа. Что касается искусствоведа, то с ним дело обстоит иначе. Поскольку он не создает художественного образа, постольку первая сторона художественной правды отношения, подобного отношению к художнику, к нему не имеет. Тем не менее стоящая перед ним цель не может не ориентировать его на выявление степени последовательности соблюдения художником требований первой стороны. Поэтому совершенно абстрагироваться от нее искусствовед не может. Однако в не меньшей мере он имеет отношение и ко второй стороне художественной правды. Именно соответствие художественного образа ее требованиям, после того как установлено, что требованиям первой стороны тот соответствует, ориентирует искусствоведа на окончательный вывод о модели исследования объекта. В случае игнорирования этих требований искусствовед не имеет достаточного основания быть убежденным, что те сведения, которые добываются им в процессе работы с художественным образом и моделью, а затем и последующих операций действительно отображают объект.

Может, однако, возникнуть вопрос, составляют ли действия искусствоведа, направленные на реализацию требований второй стороны художественной правды, соответствующую часть именно художественного познания. Не относятся ли они к познанию научному или практическому? Положительный ответ на него вытекает из того, о чем речь уже шла и идет ниже.

Сейчас же подчеркнем, что рассматриваемая в данном случае оценка художественного образа на правдивость носит двухсторонний характер. Применительно к первой стороне она при прочих равных условиях оказывается тем объективнее, чем в большей мере искусствоведом установлено соответствие художественного образа отмеченным выше критериям правдивости творчества. Применительно ко второй стороне мера объективности оценки при прочих равных условиях определяется тем, насколько искусствоведу удалось установить соответствие художественного образа отмеченным выше индивидуальным особенностям художника.

Зависимость результата художественного познания от действий искусствоведа связана, наконец, с корректностью проводимого им исследования и установлением истинности добываемого там образа объекта. Такая истинность выходит за пределы художественной правды. На основе специфики соотношения между художественным образом и объектом, познаваемым через него, она может быть названа художественной. Ее отличие

от истинности образов, добываемых с помощью моделирования и основанных на нем последующих действий в других типах познания, состоит в том, что моделирование ведется в данном случае не на реальном, а на воображаемом явлении. Им выступает то, что в художественном познании представляет и замещает объект. Как видно из предыдущего изложения, истинность образа объекта устанавливается искусствоведам в процессе всех исследовательских процедур так, как они представлены в третьем параграфе. К ним относится также моделирование со всем, что его предваряет. Однако последнее – и это необходимо специально отметить еще раз – составляет только часть процесса исследования, не выходящую к тому же за пределы его эмпирического уровня. При этом корректность всех частей, из которых складывается этот процесс, определяется наряду с прочим их согласованностью с соответствующими принципами познания в целом, прежде всего такими, как принципы объективности, конкретности, всесторонности¹.

Что касается объективного критерия художественной истинности (истинности добытого в исследовании образа объекта художественного познания), то он обнаруживается на основе единства субъекта, объекта, модели и оригинала. Это единство показывает следующее. Образ объекта может квалифицироваться как художественно истинный, т.е. адекватно отражающий объект, если, во-первых, существование объекта возможно, т.е. соответствует законам общества. Во-вторых, если содержание объекта не расходится с содержанием правдивого художественного образа.

Зависимость результата художественного познания от действия потребителя также связано с адекватностью освоения художественного образа в том виде, как это имеет место применительно к искусствоведам. Но в данном случае два элемента субъекта отличаются друг от друга. С одной стороны, обращаясь к художественному образу ради удовлетворения эстетической потребности и достижения благоприятного эмоционального состояния, потребитель может исказить его, стремясь взять оттуда только то, в чем нуждается, либо даже внести туда нечто свое, чего там нет. С другой стороны, он не владеет регулятивами освоения и объективными критериями художественной правды в той мере, в какой это свойственно искусствоведам как профессиональному познавателю².

¹ См.: *Шептулин А.П.* Диалектический метод познания. – М., 1983. Гл. IV.

² Он может, конечно, владеть ими, но тогда в своем качестве уподобляется искусствоведам.

Основным фактором, детерминирующим его действия, выступает близость к художнику по образу мыслей и чувств, которая, если существует, может быть осознаваемой и неосознаваемой. В первом случае не исключены некоторые псевдорегулятивы освоения, отчасти помогающие ему адекватно воспринять художественный образ и те элементы последнего, из которых складывается модель объекта. Во втором – отсутствуют и они, что еще более снижает меру эффективности его действий в данном направлении. Тем самым в обоих случаях адекватность освоения художественного образа по отношению к подлинному содержанию последнего не выходит за пределы случайности. Но применительно к первому из них случайность характеризуется меньшей степенью. Применительно ко второму – большей, что, в свою очередь, не может не сказаться на снижении степени адекватности.

Зависимость результата художественного познания от действий потребителя в общем связана и с адекватностью освоения им образа объекта-образа, добываемого искусствоведам. Однако поскольку такое освоение выходит за пределы освоения художественного образа, ибо непосредственно не связано с достижением поставленной цели, постольку потребитель, как отмечалось, испытывает к нему соответствующее отношение. Необходимой и достаточной заинтересованности в освоении такого образа им зачастую не чувствуется. В этих условиях не встает, естественно, вопрос и об его адекватности.

Не следует, конечно, исключать отдельные проявления случайной заинтересованности такого рода. Они, например, могут вытекать из отмеченного стремления более глубоко постичь художественный образ – стремления, детерминируемого любознательностью. Но тем самым случайным оказывается и само освоение, и опять-таки степень его адекватности.

Итак, корректность создания художественного образа и его правдивость, обусловливаемые действиями художника; адекватность освоения созданного художником, объективность его оценки и корректность исследования, проводимого на этой основе, как характеристика действий искусствоведа; адекватность освоения художественного образа и адекватность освоения образа объекта в качестве действий потребителя – вот как минимум составляющие того результата, к которому приходит художественное познание. Из их обобщения и соотнесения с тем, что касается важнейших сторон его объекта, субъекта и процесса, вытекает ряд следствий. Через содержание последних обнаруживаются некоторые принципиальные особенности, свойственные художественному познанию в целом.

В системе образного отражения действительности художественное познание занимает строго определенное место и детерминировано столь же строго определенными причинами. Известно, что научное познание универсально. В нем могут быть выявлены особенности любого объекта. Поэтому на вопрос, есть ли случаи, когда без художественного познания обойтись невозможно, в принципе следует ответить отрицательно. Однако научное познание с его методологией, методикой, исследовательскими уровнями, множеством средств, стремлением по возможности к количественной выраженности результатов и т.д. требует соответствующих условий, времени, материальных и духовных затрат, вследствие чего не всегда может себя оправдать. Иногда затрачиваемое на него превышает получаемое. В таких случаях более целесообразными оказываются иные типы познания, в том числе художественное. Последнее, например, обладает целесообразностью, если предстоит установить не просто то, как общее проявляется в отдельном (в том числе через взаимосвязь с единичным и особенным, составляющими части отдельного) вообще. Такое проявление устанавливается всеми типами познания и прежде всего научным. Целесообразность художественного познания имеет место при установлении того, **как** общее проявляется (помимо количественной выраженности проявления) в отдельном через свое движение к нему от себя, т.е. общего же¹ и **каково** при этом нравственное содержание такого проявления. Последнее необходимо потому, что объект художественного познания связан, как известно, только с социальной формой движения.

В своей сущности художественное познание противоречиво. Оно невозможно помимо художественного творчества, хотя последнее само по себе в нем не нуждается. Его развитие может получить благоприятную основу в художественном потреблении. Но и это последнее также не нуждается в нем. Оно составляет один из элементов искусствоведения, который в целом не является обязательным и там. Таким образом, его процессуальная выраженность в значительной мере случайна. Необходимым оно оказывается в очень узких пределах. Последние ограничиваются потребностью искусствоведа выйти за пределы собственно искусствоведческой дея-

¹ Научное познание, устанавливая проявление общего в отдельном, чаще всего направляется от единичного к общему, ибо стремится открыть закон. От общего к единичному оно направляется лишь тогда, когда возникает необходимость конкретизации общего. Художественное познание всегда направляется от общего к единичному, не стремясь при этом конкретизировать общее и выразить полученный результат количественно. — О различии единичного и отдельного см.: *Шентулин А.П.* Система категорий диалектики. — М., 1967. — С. 200.

тельности, хотя и совершить это в ее интересах. Цель такого выхода состоит в том, чтобы попытаться ответить на некоторые собственно искусствоведческие вопросы, если в пределах искусствоведения это становится невозможным. Именно отсюда и вытекает необходимость художественного познания, а также пространственные и временные границы его развертывания.

Художественное познание во многом совпадает с познанием научным, практическим и обыденным. При этом более всего совпадение затрагивает направления и уровни. Менее – средства. Основное же, что принципиально отличает его от других типов познания, касается моделирования. Этот процесс, с одной стороны, имеет здесь место всегда. Помимо него не обходится познание ни одного конкретного объекта. В иных типах потребность в моделировании носит эпизодический характер и зависит от условий. Если условия позволяют выявить особенности объекта непосредственно, то моделирование не требуется. Если – препятствуют, то обойтись без него невозможно. С другой стороны, моделирование в художественном познании всегда проводится на воображаемой модели, которая к тому же создается в художественном творчестве. В научном, практическом и обыденном типах познания воображаемые модели также не исключены. Но наряду с ними там используются и реальные модели.

В сравнении с другими типами познания познание художественное более сложно. Оно складывается из большего числа элементов, принадлежащих всем его сторонам, что, в свою очередь, сказывается на структуре. Последняя не только охватывает все его элементы, но этот охват оказывается зачастую многократным. Именно через структуру художественное познание в значительной мере приобретает свою качественную определенность, отличающую его от других типов познания. Правда, из единства особенностей познания как вида деятельности в целом следует, что все отмеченное, вообще говоря, не чуждо и другим типам. Это так. Но там оно имеет место только при определенных условиях и соответственно им может выступать во многих вариантах. Художественному же познанию свойственно всегда и не в многовариантности, а в одном более или менее жестком проявлении.

Сведения, приобретаемые в художественном познании, характеризуются своеобразием адекватности объекту. Поскольку они фиксируют наличие определенных отношений, проявляющихся через то, что запечатлено в художественном образе, постольку такая адекватность всегда носит качественный характер. Характер количественный для нее в принципе тоже не исключен. Но поскольку художественное познание не распо-

136

лагает специальными, требующимися для его достижения, средствами, постольку он может сложиться, а может и не сложиться. Причем по отношению к познавательным действиям всех элементов субъекта такое складывание является случайным. Этим художественное познание приближается к познанию практическому, когда последнее выступает побочной стороной практики.

Что же вытекает из всего этого? Отнюдь не только то, что художественное познание уникально, хотя важно и оно. Отнюдь не только и то, что художественное познание необходимо для образного отражения действительности, ибо без него последнее оказалось бы существенно обедненным, хотя опять-таки важен и этот вывод. Пожалуй, наиболее важным из всего вытекающего отсюда является то, что художественное познание в определенных случаях может ориентировать на соответствующий объект другие типы познания. В этой связи вспомним хотя бы известное воздействие, которое оказало на Ч. Ламброзо ознакомление с романом Ф.М. Достоевского "Преступление и наказание" и результаты, к которым тот пришел затем в своих исследованиях.

Вместе с тем, художественное познание может находиться в тесном соприкосновении и с определенными видами познания – прежде всего социально-гуманитарным. Причина в том, что последнее включает эстетическое познание как одну из своих разновидностей. Правда, у эстетического познания другой объект (эстетическое отношение человека к миру), другой субъект (чаще всего ученый, реже – практик) и другой (менее сложный) процесс. Но эстетическое познание, наряду с прочим, затрагивает художественное творчество и художественное потребление, ибо то и другое тесно связаны с его объектом. Поэтому ему есть что заимствовать у художественного познания, равно как художественному познанию есть что заимствовать у него.

Тот факт, что познание представляет собой единый процесс, подразделяющийся на типы, виды, направления и т.д., достаточно известен. Никто из специалистов его не оспаривает. На основе выявленных особенностей художественного познания он получает не только дополнительное подтверждение, но также возможность более адекватного представления и осознания.

О Ч Е Р К П Я Т Ы Й

П О З Н А Н Н О Е Т Ь

1. Общая характеристика

Понятие познанности в научной литературе встречается редко. Поэтому, если учесть, что за каждым понятием должен стоять обозначаемый им феномен, то необходимо будет признать следующее. Либо феномена, который обозначается с помощью указанного понятия, не существует, и тогда оно является надуманным. Однако в этом случае встанет множество вопросов, касающихся пространственных и временных границ познания – вопросов, ответить на которые окажется невозможным. Либо – такой феномен существует, но выпадает из внимания исследователей со всеми вытекающими отсюда результатами.

Реальное существование познанности обнаруживается на основе единства особенностей как самого познания, так и его взаимосвязи с другими видами деятельности. Это единство показывает, что познанность есть свойство, которым познанный объект (явление) наделяется познавшим его субъектом (человеком). В общем виде исходным показателем познанности служит то, что объект познан, т.е. воспроизведен субъектом в сведении. Непосредственным итогом познания объекта является его известность субъекту. Последняя выражается в том, что субъект знает объект, имея для этого некоторую массу сведений о нем¹. Величина массы зависит от эффективности завершившегося познания, точнее говоря, завершившегося его этапа.

Однако, как видно из соотношения между человеческой активностью и подчиненностью познания другим видам деятельности, известность, взятая сама по себе, не обладает конкретностью. Масса сведений, которая обуславливает ее и которая оказывается приобретенной в познании, в данном случае ни на что не направлена и ничему не подчинена. Субъект не обладает здесь ни сколько-нибудь заметной потребностью удерживания ее в своем сознании, ни необходимыми и достаточными для этого средствами. Поэтому в любой момент она может выпасть отсюда. В большей мере это имеет место при отсутствии предпознания. В меньшей – при его наличии. Но и в последнем случае достаточной гарантии для сохранения из-

¹ См.: Андрюшенко М.Т. Очерки по теории познания. Ч. 1. – С. 52, 53.

вестности нет, ибо предпознание, как видно из его особенностей, непосредственно подчинено познанию, но не тому, что обуславливается последним.

Чтобы придать известности конкретность, приобретенную массу сведений необходимо связать с последующим воздействием субъекта на объект, если, конечно, воздействие предполагается. Первым этапом такого связывания выступает ее соотнесение с целью как идеальным предвосхищением того, что в воздействии предполагается достичь. Содержание цели определяется единством между потребностью субъекта и ее, этой потребности, неудовлетворенностью, ибо там, где потребность удовлетворена, цель не складывается¹. При этом сведения об объекте, составляющие известность, и сведения, отображающие предпосылки, а также содержание цели, должны быть признаны субъектом истинными. Иначе их соотнесение, осуществляемое ради последующего воздействия на объект, окажется бессмысленным.

Результат соотнесения известности с целью может быть двояким. Масса сведений, которой она обусловлена, либо не будет соответствовать цели, тогда, исходя из нее, окажется невозможным сформулировать информационную модель действия – информационную модель, которая, как известно ориентирует субъекта на все многообразие того, что им совершается. Либо, напротив, масса таких сведений окажется соответствующей цели. Тогда, исходя из нее, информационная модель намечаемого действия может быть сформирована. В первом случае познанность отсутствует. Во втором – имеется налицо.

Таким образом, в отличие от известности, познанность конкретна. Она выступает таковой не вообще, а для определенного действия, направленного на реализацию соответствующей цели. Сами же действия, взятые и совершаемые вне определенности, могут значительно различаться между собой. Их различия образуют широкий диапазон. Одну из крайних точек последнего составляет внешнее отличие объекта от остальных явлений включающего его класса. Другую – преобразование всего, что носит внутренний характер и является для объекта наиболее существенным. В результате при одной и той же массе сведений об объекте, которой располагает субъект, и, следовательно, при одной и той же известности объекта познанность в одном случае может сложиться, а в другом – нет. Для нее

¹ См.: *Трубников Н.Н.* О категориях "цель", "средство", "результат". – М., 1968. – С. 34 – 41.

важна не только эта масса, но и то, что именно при опоре на последнюю предполагается совершить. Сама же она всегда образуется из единства известности объекта и цели воздействия на него. Поэтому известность в качестве одной из составляющих познанный может заранее планироваться.

Особенности познанный как единства известности и цели обнаруживаются прежде всего через выявление особенностей ее составляющих. В частности, соотношение, складывающееся между процессом и результатом познания, показывает, что известности присущи два основных показателя: адекватность объекту и полнота. Известность тем адекватнее объекту, чем из большего числа истинных образов складываются приобретенные в познании сведения об объекте. С другой стороны, известность тем полнее, чем более объект переведен в сведения, и образы всех его частей размещены в массе сведений соответственно тому, как отображаемые части соотносятся между собой в объекте. Из своеобразия этих показателей видно, что оба они связаны между собой так, что каждый в соответствующей мере детерминирует другой и сам детерминируется им.

В свою очередь соотношение цели с обуславливающими ее факторами свидетельствует о наличии у нее тех же основных показателей, что и у известности. Это – адекватность обуславливающим факторам и полнота. Но применительно к ней они выглядят иначе. В частности, цель тем адекватнее обуславливающим себя факторам, чем более в ее содержании отражены потребность субъекта и неудовлетворенность этой потребности, взятые сами по себе, безотносительно к их соотношению. С другой стороны, цель тем полнее, чем полнее в ее содержании отражена степень расхождения между отмеченными феноменами. В результате адекватность и полнота здесь также взаимно связаны. Их связь заключается в том, что чем более адекватной обуславливающим факторам является цель, тем более она тяготеет и к полноте.

Вместе с тем из своеобразия места, принадлежащего цели в отношении между субъектом и объектом, видно, что сама она также связана с известностью. Последняя в данном случае касается тех феноменов, которые обуславливают ее, а именно – потребности и неудовлетворенности последней. Помимо известности ни появление, ни реализация цели невозможны. Вопрос о такой связи представляет несомненный интерес. Однако он выходит за пределы исследуемого объекта и здесь только обозначается.

При этом из единства особенностей взаимоотношения между людьми видно, что появление цели возможно двумя путями: путем целеполагания и путем целеуказания. В первом случае субъект формирует цель самостоя-

тельно. Во втором – подлежит ориентированию на нее извне. Такое ориентирование может основываться на расхождении между его потребностью и тем, как она удовлетворена, а может и не основываться на нем. Первая возможность близка к первому случаю появления цели. Что до второй возможности, то иногда она способна приблизиться к первой, а иногда и отдалиться от нее. Крайним выражением отдаления является отсутствие у субъекта внутренней потребности как основы внешней ориентированности на цель. Тогда последняя либо не складывается, либо складывается только под воздействием внешних определителей, касающихся, в частности, установления или сохранения в необходимом себе виде отношений с тем, от кого исходит целеуказание. Это, естественно, не может не сказаться на ее адекватности и полноте.

Поскольку познанность выражает единство известности и цели, и обе в качестве своих необходимых составляющих характеризуются адекватностью и полнотой, постольку отмеченные показатели не могут не быть присущими и ей самой. Выраженность ее адекватности и полноты обнаруживается на основе сложившейся в ней взаимосвязи между известностью и целью. Последняя же, как видно из сказанного выше, заключается в том, что известность и цель детерминируют познанность друг через друга: от известности такая детерминация идет через цель, а от цели – через известность. Поэтому адекватность и полнота познанности носят двоякий характер. Эта двоякость определяется взаимным дополнением и переплетением в ней первоначальных носителей таких показателей – известности и цели. Конкретным же выражением двоякости выступает следующее. Познанность тем адекватнее объекту и цели воздействия на объект, чем более адекватность известности объекту соответствует не только адекватности цели тому, из чего она вытекает, но и полноте ее содержания. С другой стороны, познанность тем полнее, чем более полнота известности объекта соответствует не только полноте содержания цели, но и адекватности последнего обуславливающим ее факторам. При этом в качестве соответствия выступает такое отношение между отмеченными феноменами, когда каждый способствует существованию другого либо, по крайней мере, не сдерживает его.

Таковы основные особенности познанности, обусловленные единством известности и цели, как ее составляющих. Что касается последующих особенностей такого рода, то они обнаруживаются на основе связи между известностью и целью, с одной стороны, и процессами их формирования, с другой.

2. Познанность, познание и формирование цели

Поскольку познанность складывается из известности и цели, а ее адекватность и полнота обуславливаются адекватностью и полнотой обоих феноменов, один из которых образуется в познании, а другой в формировании (выступающем в виде целеполагания и целеуказания) цели, и особенности результата в той или иной мере детерминируются особенностями ведущего к нему процесса, постольку своеобразие познания не может не сказаться на адекватности и полноте известности, а своеобразие формирования цели – на адекватности и полноте последней. Отсюда вытекает необходимость рассмотрения того, как на адекватность и полноту составляющих познанности влияют процессы, ведущие к появлению каждой из них.

Обратимся сначала к особенностям познания, обуславливающим адекватность и полноту известности. Как видно из единства того, о чем шла речь, релевантные особенности такого рода включают, во-первых, его связь с результатами предпознания. Таковыми выступают вопрос и познавательное отношение, которые в своем формировании предшествуют познанию. Поэтому их влияние на известность является опосредованным. Но оно оказывается чрезвычайно важным, ибо способствует упорядоченности познания. В частности, благодаря результатам предпознания субъект осознает необходимость познания объекта, удерживает его в пределах внимания и соответственно этому осуществляет познавательные действия. Объект, благодаря им, приобретает готовность к своему познанию субъектом, становясь для него более открытым. В результате процесс познания не только протекает быстрее и с меньшими затруднениями, но и оказывается более эффективным. Им охватывается большее число элементов объекта, и эти элементы получают более глубокое отражение в образах.

Во-вторых, тип. Применительно к явлениям, обладающим реальным существованием, наиболее адекватную и полную известность способно обеспечить научное познание. Но необходимость именно в нем существует не всегда. Иногда в зависимости от характера объекта, условий, последующей цели субъекта и т.д. достаточным оказывается практическое или обыденное познание. Что касается явлений, обладающих потенциальным существованием, то применительно к ним дело, с одной стороны, может обстоять так же. С другой – оно может обстоять и иначе. Если, например, познаваемое явление – объект – оказывается элементом социальной формы движения, то в определенных условиях соответствующими возможностя-

ми наряду с научным, обыденным и практическим обладает и художественное познание, чьи особенности в этом отношении рассмотрены выше¹. Таким образом, наиболее подходящим для достижения адекватности и полноты известности оказывается в каждом случае тот тип познания, который соответствует особенностям объекта, а также единству цели, средств и условий познания его субъектом.

В-третьих, направление. Им может быть исследование либо внутри-субъектный информационный обмен, первый из которых основан, как известно, на прямой связи познающего с познаваемым, а второй – на косвенной. Соответственно этому у каждого направления свои особенности. Если в процессе познания объекта субъект стремится не ограничиваться известностью, а достичь затем познанный, то это требует от него выбрать соответствующее направление познания. Однако вследствие специфики объекта, а также связи, сложившейся между ним и субъектом, реализовать такое требование возможно не всегда. Поэтому субъекту следует учитывать, насколько то или иное направление соответствует объекту, цели и условиям его познания и в какой мере одно из них при необходимости может быть заменено другим. Следует учитывать и связь каждого направления с результатами предпознания. Исследование, как известно, такой связью обладает всегда. Что касается внутрисубъектного информационного обмена, то в определенных случаях, когда, например, отношения между коммуникатором и реципиентом оказываются нецеленаправленными, он может протекать и помимо этой связи. Тогда показатели, которые затрагивают субъект, объект и процесс познания и которые отмечены выше, применительно к первой особенности либо приобретают ослабленную выраженность, либо вовсе отсутствуют. Если, однако, познание не является при этом случайным, а за ним стоит стремление к последующей познанный объекта, то это требует от субъекта компенсирующих действий. Последние предполагают согласованность прежде всего с особенностями, присущими объекту, условиям его познания и цели, ради которой этот процесс осуществляется.

В-четвертых, характер. По характеру познание делится на целенаправленное и нецеленаправленное. Первое, как известно, вытекает из результатов предпознания, заранее планируется и имеет информационную модель.

¹ Как видно из единства известности и художественного познания, соотношение между ними не ограничивается отмеченным. Оно может обладать и большей широтой. Но это составляет отдельный предмет исследования. Обращение к нему выходит за рамки решаемой здесь задачи.

Второе – полностью или частично – с ними не связано. Тем самым по отношению к цели субъекта оно содержит больший или меньший момент случайности, способный оказать воздействие на приобретаемые сведения об объекте, а следовательно, на адекватность и полноту его известности. В зависимости от последующих действий субъекта этот момент может либо компенсироваться, либо – остаться нейтральным, либо – сказаться отрицательно. Однако в любом случае субъекту необходимо учитывать как соответствующие особенности нецеленаправленного познания, так и все, что вытекает из их единства и взаимодействия. Из соотнесения направлений познания видно, что более целенаправленным является исследование. Хотя его целенаправленность не абсолютна. Встречаются случаи, когда она оказывается минимальной либо совсем отсутствует, что детерминируется особенностями как субъекта, так и объекта. Применительно к первому речь идет об его коллективном характере, разделении труда между членами коллектива и неодинаковом отношении различных членов к результатам предпознания. Применительно ко второму – о множестве его связей с другими явлениями и возможной нераспространенности на них вопроса и познавательного отношения. С другой стороны, высокой степенью целенаправленности может обладать и внутрисубъектный информационный обмен. Это связано с тем, что в большинстве случаев он не только опирается на результаты предпознания, но и основывается на заранее выработанных регулятивах, определяющих воздействие субъекта-реципиента на коммуникатора, который представляет объект.

В-пятых, подверженность определенным воздействиям, идущим, по крайней мере, с трех сторон: от объекта, субъекта и условий. Воздействие от объекта детерминировано тем, что явление, предстающее в познании объектом, не тождественно своей сущности. В нем содержится как существенное, так и несущественное. Воздействие от субъекта обусловлено индивидуальными особенностями последнего. Это, в частности – компетентность в вопросах, касающихся объекта, интерес (индивидуальный и групповой в том числе классовый), цель, установка и т.д. Воздействие от условий связано с тем, что они порождают определенную эмоциональную обстановку, которая способствует появлению у субъекта соответствующего переживания, сказывающегося – положительно или отрицательно – на его дальнейших познавательных действиях. Все отмеченное может либо взаимно усиливать, либо взаимно ослаблять друг друга¹. При этом каждое накладывает на приобретаемые сведения об объекте, а следовательно, и на

¹ См.: Андрюшенко М.Т. Очерки по теории познания. Ч. 1. – С. 14 – 19.

адекватность и полноту его известности определенные отпечатки, которые приобретают конкретную выраженность не сами по себе, а через единство с тем, о чем речь шла выше. Это – связь познания с предпознанием, его тип, направление и характер.

Рассмотренные особенности познания показывают, что адекватность и полнота известности объекта, которые связаны с этим процессом, при прочих равных условиях оказываются тем более значительными, чем более он (а) вытекает из предпознания; (б) имеет соответствующие тип, направление и характер; (в) испытываемые им воздействия являются благоприятными для этих феноменов. С другой стороны, значительность адекватности и полноты известности определяются тем, насколько субъект учитывает релевантные особенности познания и основывает на них свои действия.

Переходя к особенностям формирования цели, обуславливающим степень ее адекватности и полноты, предварительно отметим следующее. Этот – процесс в сравнении с познанием – изучен пока менее глубоко и разносторонне. Поэтому воздействие, которое он оказывает на обуславливаемые собой феномены, рассматривается в более общем виде. Вместе с тем как показывают результаты сопоставления целеполагания и целеуказания каждое из них по-своему влияет на адекватность и полноту цели. Первое осуществляет сам субъект будущего действия, который стремится к тому, чтобы содержание цели было органично связано с единством его потребности и неудовлетворенности последней. Второе осуществляет некто, находящийся вне пределов будущего субъекта действия. В результате та органичность, которая имеет место применительно к целеполаганию, здесь может отсутствовать, и цель, приобретаемая будущим субъектом действия, может оказаться не только менее адекватной обуславливающим ее феноменам и менее полной¹, но в ряде случаев и вовсе лишенной этих показателей. Отсюда следует, что рассматривать роль целеуказания в формировании адекватности и полноты цели имеет смысл только в узких пределах, а именно, когда потребности и выраженности их неудовлетворенностей у субъекта будущего действия и у субъекта целеуказания совпадают. За этими пределами такая роль оказывается абстрактной, вследствие чего пытаться рассматривать ее бессмысленно. Однако при отмеченном совпадении формирование цели фактически характеризуется не двумя, а одним

¹ Она может обладать оптимальными адекватностью и полнотой для субъекта целеуказания. Но поскольку для субъекта будущего действия то и другое оказываются внешними, постольку данный случай сейчас не рассматривается.

субъектом, ибо субъект целеуказания сливается с субъектом целеполагания. Поэтому далее речь идет только о тех особенностях, которые сообщаются цели целеполаганием. На основе же имеющихся результатов его исследования свойственные ему релевантные особенности представляются следующими.

Во-первых, степень осознанности субъектом целеполагания своей потребности и ее неудовлетворенности в качестве предпосылок цели. Как видно из единства между явлением, отображением и образом, она предполагает, по крайней мере, два условия. Одним является степень глубины реальной отраженности обоих феноменов – отраженности, взятой в общечеловеческом плане и зафиксированной в соответствующих образах, которые тоже носят общечеловеческий характер. Такая глубина определяется прежде всего типом познания, в котором эти образы были приобретены: научным, практическим, обыденным. При этом научный тип, взятый в исследовательском направлении, может выступать на двух уровнях – эмпирическом и теоретическом. Каждый уровень способен обеспечить отражение с различной глубиной¹, а следовательно, привести к различной по глубине отраженности. Однако на каком бы уровне ни протекало научное познание, в целом оно – по сравнению с другими типами – способно, как известно, обеспечить наибольшую глубину отраженности. Правда, с ним, как отмечалось, связаны порой такие затраты, которые субъект не всегда может себе позволить. Что касается практического и обыденного типов познания, то каждый из них способен обеспечить отраженность определенной глубины, но только применительно к соответствующим особенностям указанных феноменов, взятых в соответствующих обстоятельствах.

Другим условием является степень адекватности перенесенности этой глубины в сознание субъекта. Речь идет об адекватности образов указанных феноменов, появившихся в сознании субъекта, тем образам, которые, как было отмечено, обладают общечеловеческим характером и, по крайней мере формально, являются достоянием всех людей. Чем выше степень этой адекватности, тем в большей мере субъект владеет результатами реально существующего общечеловеческого отражения указанных феноменов. В отдельных случаях такая перенесенность, по крайней мере частично, может отсутствовать. Это связано, например, с ситуациями, когда субъект либо еще не констатировал свою потребность, либо последняя носит уникальный характер и в существующем виде ни у кого пока не складывалась. Как показывает соотношение индивидуального и общечеловеческого, слу-

¹ См.: *Ропакон Н.И.* Категория цели: проблемы исследования. – М., 1980. – С. 92.

чаи такого рода нечасть. Тем не менее совершенно сбрасывать их со счетов некорректно.

При этом в целом оба условия предполагают признание субъектом истинности того, что осознается. Речь идет об отмеченных выше сведениях, отображающих предпосылки цели, а именно потребность субъекта и ее неудовлетворенность.

Во-вторых, степень последовательности процесса целеполагания. Такая последовательность выражается через органичность связей между его этапами, показывающей, насколько обоснованно каждый последующий этап вытекает из предыдущего, а каждый предыдущий детерминирует последующий. Как видно из единства деятельности и обуславливающих ее факторов, основные этапы целеполагания состоят из определенных мыслительными операциями будущего субъекта действия, которые протекают на основе соответствующей степени осознанности им собственных особенностей и особенностей окружающих условий. Это, как минимум – (а) констатация своей потребности; (б) констатация степени ее удовлетворения; (в) констатация факта расхождения между потребностью и ее удовлетворением; (г) констатация количественной выраженности такого расхождения, т.е. разницы между содержанием потребности, с одной стороны, и содержанием ее удовлетворения, с другой; (д) констатация элементов и структуры такого расхождения, которые вместе с последним и составляют содержание цели; (е) констатация своего стремления воплотить содержание цели в действительность.

В-третьих, степень учёта внешних факторов, воздействующих на осознание субъектом своей потребности и ее неудовлетворенности, с одной стороны, и на процесс целеполагания, с другой. Такие факторы могут быть либо положительными, либо отрицательными. Положительные способствуют достижению желаемого. Отрицательные – препятствуют ему. Поэтому задача субъекта заключается в том, чтобы по возможности максимально использовать первые и нейтрализовать вторые.

Обобщение всего сказанного здесь об особенностях целеполагания и их воздействия на адекватность и полноту цели позволяют сделать определенный вывод. По форме он близок к тому, который касается отношения между особенностями познания, с одной стороны, и выраженностью основных показателей известности, с другой. По содержанию отличаются от него. Суть вывода такова. При формировании цели в целеполагании ее адекватность детерминирующим факторам и полнота при прочих равных условиях оказывается тем более значительной, чем в большей мере указанный процесс (а) основывается на осознанности субъектом своей по-

требности и ее неудовлетворенности; (б) характеризуется последовательностью протекания; (в) строится с учетом результатов воздействия на него внешних факторов. Вместе с тем поскольку целеполагание всегда осознано, постольку степень вероятности отмеченных моментов тем выше, чем более субъект учитывает их в своих действиях.

Итак, поскольку 1) состояние адекватности и полноты известности обуславливается отмеченными особенностями познания; 2) состояния адекватности и полноты обуславливаются отмеченными особенностями целеполагания; 3) познанность складывается из единства известности и цели; 4) адекватность и полнота познанности складываются на основе взаимодействия адекватности и полноты ее составляющих – постольку состояния адекватности и полноты познанности обуславливаются единством отмеченных особенностей познания и целеполагания. Отсюда вытекает, в частности, что адекватность и полнота познанности оказываются при прочих равных условиях тем более значительными, чем более им соответствуют отмеченные особенности познания и целеполагания, накладывающие на них отпечатки. При этом оба показателя познанности, а через них и она сама могут иметь множество вариантов в зависимости от того, как в каждом случае соотносятся между собой отмеченные особенности познания и целеполагания. Со своей стороны, каждый вариант, выражая состояние субъекта, т.е. имея субъективную выраженность, может по-разному соотноситься с объективными феноменами, прежде всего такими, как явление, закон, деятельность, а следовательно, также по-разному соотноситься и с объективной необходимостью познания и преобразования того, на что эти последние направлены.

3. Познанность и действие

Отношение между познанностью и действием обнаруживается прежде всего на основе существенных особенностей каждого из этих феноменов. Существенные особенности познанности рассмотрены выше. Что касается действия, то к его наиболее существенным особенностям относятся следующие.

Всякое действие составляет элемент деятельности. Деятельность же, как известно, представляет собой специфически человеческую форму активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение. При этом она имеет различные виды, прежде всего познавательный, преобразовательный, коммуникативный, цен-

ностно-ориентационный и т.д. Каждый ее вид складывается из соответствующих действий. Каждое же действие, помимо отмеченной связи с деятельностью в целом характеризуется еще особенностями, накладываемыми на него тем видом деятельности, в который оно вплетается¹.

В связи с решением поставленной задачи последние специально не выделяются. Деятельность и действия, которые она включает, берутся с позиции того общего, что свойственно всем ее видам.

Сопоставляя между собой особенности, присущие каждому феномену – применительно к действиям с отмеченной оговоркой – обнаруживаем, что, во-первых, познанность складывается на основе действий. Непосредственно такой основой служат действия познавательные и целеполагающие, о которых речь шла выше. Однако познанность основывается не только на них. Как неоднократно отмечалось, всякое действие – будь оно познавательным, преобразовательным, коммуникативным и т.д. – предполагает информационную модель, для которой необходимы соответствующие сведения. Если последние в достаточной мере отсутствуют, то у субъекта складывается вопрос, а затем и познавательное отношение, из которых вытекает процесс познания, обеспечивающий известность объекта. Вместе с тем, что также отмечалось, всякое действие представляет собой реализацию цели, которая складывается на основе потребности и ее неудовлетворенности. Однако потребность является таковой для соответствующего действия и возникает в связи с ним². Если удовлетворения потребности в достаточном виде не происходит, то отсюда вытекает необходимость целеполагающих действий. Таким образом, за познавательными и целеполагающими действиями, обуславливающими познанность непосредственно, могут стоять другие действия, обуславливающие ее опосредованно.

Это, кстати говоря, не может не отразиться на адекватности и полноте познанности. Так, на основе единства между особенностями познания и целеполагания как детерминант степени этих показателей, а также соотношения познавательных и целеполагающих действий с другими действиями обнаруживается следующее. Степени адекватности и полноты познанности зависят от особенностей познания и целеполагания непосредственно. Опосредованную же зависимость они испытывают со стороны других действий – тех, которые в силу отмеченной причины сообщают познанию и целеполаганию необходимость. Выявление конкретной выраженно-

¹ См.: Каган М.С. Человеческая деятельность. – С. 50 – 90.

² См.: Кикнадзе Д.А. Потребности. Поведение. Воспитание. – М., 1968. – С. 10 – 13.

сти такой зависимости представляет интерес для более точного отражения взаимосвязи между видами действий и на его основе для более точного отражения соответствующих особенностей феномена деятельности в целом. Однако все отмеченное выходит за пределы решаемой задачи, вследствие чего здесь только упоминается.

При этом между действиями, обуславливающими познанность непосредственно, и действиями, обуславливающими ее опосредованно, существует определенное соотношение. Оно обнаруживается на основе сопоставления содержания непосредственности и опосредованности как характеристик связи между явлениями. Сопоставление показывает, что первые либо сами, либо – через свои результаты – порождают вторые. Правда, в принципе не исключено и появление вторых помимо первых. Но тогда по отношению к формированию познанности они оказываются случайными. Случайные показатели приобретает вследствие этого и сама познанность.

Во-вторых, познанность направляет действия субъекта. Причина в том, что включенная в нее известность выступает таковой для реализации только определенной цели, и цель, таким образом, оказывается согласованной с известностью. Именно благодаря отмеченной связи двух феноменов и появляется возможность создания информационной модели действий, через которые субъект стремится реализовать цель. При этом чем более адекватной и полной оказывается познанность и чем более то и другое переносится в информационную модель, тем с меньшим числом помех соприкасается деятельность субъекта и тем более ее результат соответствует цели. Однако, чтобы информационная модель актуально направляла субъекта на то, что делать, и как делать то, что делать, необходимо признание истинности той массы сведений, из которых складывается известность, равно как и той, которая отображает потребность субъекта и неудовлетворенность последней. Из него, этого признания, вытекает и признание истинности самой информационной модели. Частично об этом уже упоминалось. Более же подробно – речь идет ниже. Сейчас отметим, что, направляя, вследствие этого признания действия субъекта, познанность, вместе с тем определяет их набор и эффективность.

В-третьих, познанность проверяется через действия. В общем проверка имеет следующий вид. Если на основе познанности (складывающейся из единства известности и цели) субъект в своем действии достигает желаемого результата, то она соответствует действию, т.е. выступает таковой для него. Если не достигает, то не соответствует действию, т.е. таковой для него не выступает. При этом проверка познанности протекает по отношению к ее адекватности и полноте. Если же брать случаи "выступает для..."

и "не выступает для...", то они характеризуются двоякостью. С одной стороны, через них выражается истинность или ложность массы сведений, составляющих известность объекта, а также образов, фиксирующих в сознании субъекта цель как единство потребности и ее неудовлетворенности. С другой – пригодность или непригодность того и другого по своему содержанию к тому, чтобы на их основе был достигнут желаемый результат. Некоторые частные моменты проверки раскрываются на основе положений, излагаемых ниже.

Единство обнаруженного показывает, что в первом и третьем случаях познанность обуславливается действиями. Во втором случае познанность обуславливает действия. Однако обуславливаемость, присущая ей, отличается здесь своеобразием. С одной стороны, по отношению к обуславливаемости познанности действиями она вторична: не будь действий, обуславливающих познанность, последняя не обуславливала бы действия, которые из нее вытекают. С другой – направляя определенные действия, познанность как бы задает их: они оказываются соответствующими именно ее содержанию, в том числе адекватности и полноте последнего. Иначе говоря, вне познанности не может быть направляемых ею действий. Действия воплощают в себе познанность, а познанность воплощается в действиях. Таким образом, два феномена соотносятся между собой по схеме "действия – познанность – действия", оказываясь вследствие этого неразделимыми и представляя две стороны одного процесса – деятельности. Отделить их друг от друга можно лишь в абстракции, где они и примут относительно самостоятельное выражение. В конкретной же действительности именно через деятельность они не только оказываются в состоянии взаимообусловленности и взаимодействия, но и приобретают свои качественные определенности.

4. Познанность и признание истинности сведений

Как отмечалось, познанность неотделима от признания истинности, распространяемого на определенные сведения (суждение, группу суждений и т.д.). Последние касаются ее содержания, формирования и взаимосвязи с действиями. Собственно признание истинности состоит в сделанном на определенных основаниях выводе, что сведения, на которые субъект опирается, истинны. Причем за этим не обязательно стоит их подлинная истинность. Истинными – по тем или иным причинам – могут признаваться и ложные сведения.

Как известно, признание истинности может иметь различные ступени. Сейчас речь идет только о трех – таких, которые наиболее изучены. Это мнение – вера и очевидность.

Мнение есть такое признание истинности сведения, которое имеет недостаточное субъективное основание и недостаточное же субъективно-объективное основание. Вера – такое признание истинности сведения, у которого достаточное субъективное основание и недостаточное субъективно-объективное основание. Очевидность есть такое признание истинности сведения, которое достаточно обосновано субъективно и достаточно же обосновано субъективно-объективно.

Граница между достаточным и недостаточным субъективными основаниями проходит по тому, насколько содержание сведения отвечает цели субъекта, реализуемой в последующих действиях. Граница между достаточным и недостаточным субъективно-объективными основаниями проходит по тому, насколько содержание сведения отвечает базису осмысления субъекта.

Поскольку о цели речь подробно шла выше, постольку повторяться излишне. Что касается ее роли в признании субъектом истинности полученного через коммуникацию или выведенного из определенных посылок сведения, то она заключается в следующем. Целью образуется одно из условий, в зависимости от которого сведение включается в информационный запас субъекта, а также становится одним из ориентиров ступени такой включенности – мнения, веры или очевидности.

Базис осмысления – это феномен, который складывается из системы обобщенных образов индивида, отражающих некоторую предметную область, заключенных в его опыте, жизненных установках, мировоззрении и т.д. и выступающих для него несомненными, хотя за несомненностью здесь может стоять как истинность, так и ложность. Его важнейшими элементами выступают личностное знание, ценностно-мировоззренческое знание, нормативное знание и применительно к научному исследованию элементы стиля мышления.

Роль базиса осмысления в отношении субъекта к приобретенному сведению двояка. С одной стороны, – что сейчас наиболее существенно – в формировании признания истинности базис осмысления представляет собой определенный духовный эквивалент объекта, которого в той или иной мере касается приобретенное сведение. С базисом осмысления как с таким эквивалентом сведение и соотносится на предмет установления степени своей адекватности объекту. В результате – только на ином уровне и в иной системе – происходит то же, что и применительно к цели. Базис

осмысления служит одним из критериев возможности включить сведение в информационный запас субъекта. Затем, если сведение туда включается, ориентирует на степень включенности. С другой стороны, – которая сейчас менее существенна, но которую также необходимо иметь в виду, – на основе базиса осмысления сведение подвергается осмыслению на предмет своего понимания. В этом отношении базис осмысления – полностью или частично – выступает неким суммарным контекстом. В зависимости от того, как с ним соотносится сведение, последнее предстает для субъекта обладающим или не обладающим смыслом.

Субъективное основание признания истинности сведения является достаточным, если, опираясь на содержание последнего, как информационную модель, субъект приходит к выводу, что может полностью реализовать свою цель. Оно является недостаточным, если из содержания сведения для субъекта вытекает только частичная возможность такой реализации – возможность, имеющая место до некоторого предела. При выводе о возможности полной реализации цели сведение, на основе которого это делается, выступает для субъекта как достаточно ценное. Если же субъект считает, что цель может быть реализована лишь частично, то сведение выступает для него недостаточно ценным (но все же имеющим некоторую ценность).

Субъективно-объективное основание признания истинности сведения достаточно, если последнее полностью соответствует базису осмысления субъекта в его первой стороне. Оно оказывается недостаточным, если между содержанием первой стороны базиса осмысления и сведением обнаруживается только частичное соответствие. При достаточном соответствии сведения базису осмысления оно является для субъекта правильным. При недостаточном, но все же существующем – правдоподобным.

Итак, мнение складывается у субъекта к недостаточно ценному и правдоподобному сведению. Вера – к сведению, достаточно ценному и правдоподобному. Очевидность – к сведению, достаточно ценному и правильному¹.

Соотнося эти положения с тем, что сказано выше о познанности, обнаруживаем в ней дополнительные моменты. В частности, познанность имеет две стороны: объективную и субъективную. Ее объективная сторона выражается в том, что ей присущи определенные показатели – прежде всего выступающие в виде известности и цели, – а также связи, складывающиеся между ними и внутри их. Субъективная сторона познанности

¹ См.: Андрюшенко М.Т. Очерки по теории познания. Ч. 1. – С. 62 – 66.

состоит в том, что субъект определенным образом относится к составляющим ее объективной стороны. Между объективной и субъективной сторонами познанный существует единство, воплощающееся в конкретном выражении, которое присуще указанному отношению субъекту. Последнее заключается в признании им истинности тех сведений, которые отражают составляющие познанный. Такое признание в зависимости от отмеченных факторов проявляется на одной из трех ступеней мнения, вере, очевидности. Соответственно этому каждая составляющая познанный оказывается для субъекта многовариантной. Многовариантность составляющих делает для субъекта же многовариантной и саму познанный. Субъект также может признавать истинность ее содержания на ступени мнения, веры и очевидности¹.

Если в различных случаях показатели, выражающие объективную сторону познанный, оказываются тождественными друг другу, то отсюда еще не вытекает тождественность случаев, выражающих саму познанный. Последние могут варьировать в зависимости от того, с какой ступенью признания истинности связан каждый из них. В частности, познанный, связанная с мнением, отличается от познанный, связанной с верой. Та и другая вместе и в отдельности отличаются от познанный, связанной с очевидностью и т.д., ибо каждый из отмеченных феноменов характеризуется своим соотношением субъективного и субъективно-объективного оснований. Это, в свою очередь, накладывает соответствующие отпечатки на связь различных вариантов познанный с последующей деятельностью.

Поскольку мнение обладает недостаточным субъективным и недостаточным же субъективно-объективным основанием, постольку связанная с ним познанный не дает гарантии полного достижения цели. В лучшем случае она позволяет поставить цель и осуществить лишь некоторые действия, направленные на реализацию последней. Что касается веры и очевидности, то с ними дело обстоит иначе. Поскольку оба феномена облада-

¹ Как видно из соотношения между составляющими познанный и ею самой, последняя выступает для субъекта в четко выраженном варианте, когда определенная ступень признания истинности – мнение, вера, очевидность – на которой основывается для субъекта ее содержание, может помимо прочего вытекать из совпадения соответствующих ступеней, на которых признается истинность содержания ее составляющих. Речь идет о массе сведений, выражающих известность, об образах потребности субъекта и ее неудовлетворенности и о содержании цели. Тем не менее, в принципе не исключен случай, когда, например, первое основывается на одной ступени, второе – на другой и т.д. В нем однозначная выраженность познанный невозможна. Однако специальное обращение к нему выходит за пределы решаемой здесь задачи.

ют достаточным субъективным основанием, постольку познанность, связанная с ними, в целом содержит основу, необходимую для достижения цели. Тем не менее применительно к познанности, связанной с верой, такая основа оказывается меньшей. Применительно к познанности, связанной с очевидностью, – большей. Причина в том, что очевидность обладает не только достаточным субъективным, но и достаточным субъективно-объективным основанием. У веры же субъективно-объективное основание недостаточно. Это не может не сказаться на свободе и уверенности действий субъекта. Очевидность обеспечивает обоим показателям более высокий уровень, нежели вера. Поэтому познанность, связанная с очевидностью, оказывается для последующих действий более предпочтительной, чем познанность, связанная с верой.

Исследование познанности на основе учета факта существования отношений к ней со стороны субъекта позволяет утверждать следующее. Она определяется не только сведениями, приобретенными субъектом в познании, и своеобразием их будущего использования, вытекающего из целеполагания, но и некоторыми другими предпосылками. Речь идет о том, что представляет собой сам субъект, насколько глубоко и разносторонне отражает он те явления, которые связаны с объектом, как соотносит с тем и другим свои будущие действия. Это дает возможность четче представить ее собственное содержание и обнаружить связь с некоторыми недостаточно пока исследованными феноменами, а также конкретнее отразить направления, в которых познание соотносится с другими видами деятельности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

То, что установлено, позволяет в первую очередь представить своеобразие рассмотренных феноменов и роли, принадлежащей им в познании. Отсюда вытекает возможность более четко отразить содержание всего этого процесса, в том числе его компоненты и связи. Это, в свою очередь, обеспечивает дальнейшую конкретизацию представлений соотношения познания с другими видами деятельности.

Оно позволяет также внести уточнения в понимание исходных установок, направляющих познание. Из него следует, что даже самое тесное вплетение познания в практику не даст желаемых результатов без определенной соотнесенности субъекта и объекта. А такая соотнесенность не только неоднозначна сама по себе, но и неоднозначно детерминирована различными определителями.

На основе полученных результатов создается возможность уточнить методику познания. Последнее, наряду с прочим, касается того, что в конкретных условиях подлежит или не подлежит познанию, а следовательно, касается и отношения к этому процессу в целом, к его построению и т.д. Вряд ли можно сомневаться в том, что и исследование, и внутрисубъектный информационный обмен, при прочих равных условиях, окажутся тем более эффективными, чем более будут основываться на результатах предпознания. С другой стороны, благодаря полученным результатам возможно уточнение и методики оценки приобретенной в познании информации. Они, в частности, показывают, что ее оценка только по совершенным познавательным действиям недостаточна.

Все это, разумеется, не может не подводить к новым вопросам. А вопросы такого рода затрагивают не только то, как в каждом случае новое (установленное только что) соотносится со старым (установленным ранее) и в каких уточнениях оба нуждаются, хотя важно и это. Они затрагивают и ряд сторон того, что установлено. Ведь из-за отношения, которое долго сохранялось к рассмотренным феноменам, в их исследовании накопилось немало пробелов. Здесь была сделана попытка преодолеть наиболее явные. Многие же не только сохраняются, но, вероятно, и остаются необнаруженными. Необходима поэтому дальнейшая работа.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ОЧЕРК ПЕРВЫЙ	
ПРЕДПОЗНАНИЕ	6
1. Основные особенности предпознания	6
2. Предпознание и исследование	12
3. Предпознание и внутрисубъектный информационный обмен	17
ОЧЕРК ВТОРОЙ	
НЕЦЕЛЕНАПРАВЛЕННОЕ ПОЗНАНИЕ	23
1. Нецеленаправленность познания: общие показатели	23
2. Нецеленаправленность исследования	33
3. Нецеленаправленность внутрисубъектного информационного обмена	42
4. Нецеленаправленность и целенаправленность познания как противоположности	50
ОЧЕРК ТРЕТИЙ	
ПОЗНАВАЕМОСТЬ	56
1. Предварительные замечания	56
2. Субъект в системе познаваемости	58
3. Объект в системе познаваемости	66
4. Единство субъекта и объекта в системе познаваемости	77
5. О некоторых условиях познаваемости субъектом объекта	89
ОЧЕРК ЧЕТВЕРТЫЙ	
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПОЗНАНИЕ	94
1. Объект художественного познания	94
2. Субъект художественного познания	104
3. Процесс художественного познания	112
4. Результат художественного познания: предпосылки и следствия ..	129
ОЧЕРК ПЯТЫЙ	
ПОЗНАННОСТЬ	138
1. Общая характеристика	138
2. Познанность, познание и формирование цели	142
3. Познанность и действие	148
4. Познанность и признание истинности сведений	151
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	156
	157

Научное издание
АНДРЮШЕНКО Михаил Трофимович
ОЧЕРКИ ПО ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ
Часть вторая

Редактор А.П. Володина
Корректор Е.В. Афанасьева
Компьютерная верстка Е.Г. Радченко

ЛР № 020275. Подписано в печать ??.03.05.

Формат 60x84/16. Бумага для множит. техники. Гарнитура Таймс.
Печать на ризографе. Усл. печ. л. ?,??. Уч.-изд. л. ?,??. Тираж 200 экз.

Заказ

Редакционно-издательский комплекс
Владимирского государственного университета.
600000, Владимир, ул. Горького, 87.